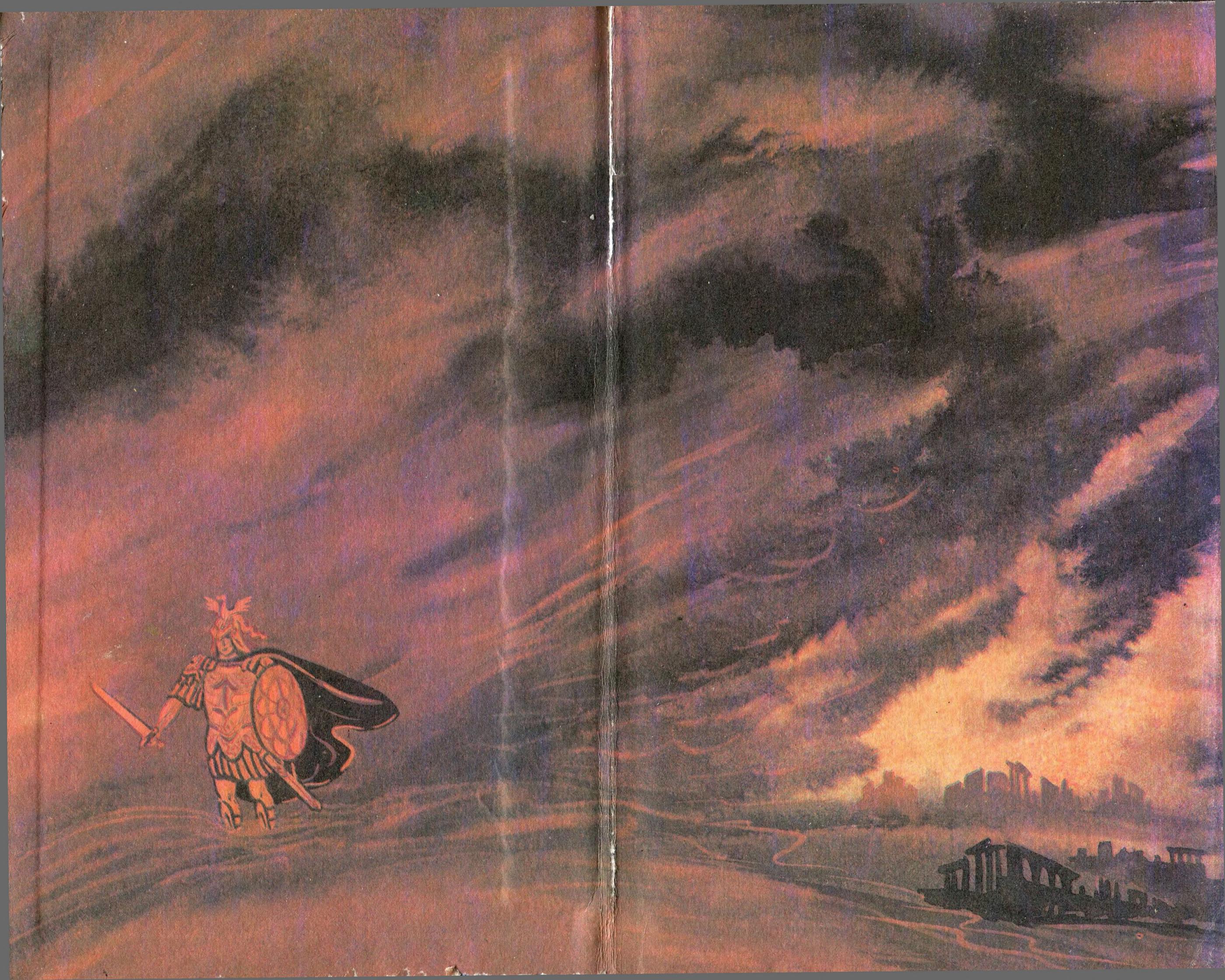

ГАНС БАУМАН
Я ШЕЛ
С ГАННИБАЛОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С У Ш У Ш У Ш У Ш

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

МОСКВА ~ 1983

ГАНС БАУМАН

Я ШЕЛ
С ГАННИБАЛОМ

*Историко-
приключенческая
повесть*

Перевод с немецкого

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И (Нем)
Б 29

Hans Baumann
ICH ZOG MIT HANNIBAL
Deutscher Taschenbuch Verlag
München

Перевод с немецкого
Н. БУРЛОВОЙ и Ю. КОРИНЦА

Научный редактор перевода
и автор послесловия
доктор исторических наук
И. ШИФМАН

Рисунки
Т. СОРОКИНОЙ

Б $\frac{4803020000-452}{M101(03)83}$ 502—83

Перевод на русский. Послесловие.
© Примечания. Иллюстрации
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ИСКАТЕЛЬ КЛАДОВ

Тана и Морик возвращались с водой от колодца. Сестра и брат несли на спине по половине того самого вьючного седла, под которым ранее всегда ходил их осел. Осел странствовал с ними около года и таскал воду из колодцев, но потом он не выдержал тяжелых переходов и погиб. Они засыпали мертвого осла комьями сухой земли. Теперь это стало их делом — таскать воду. Отец разрезал седло посередине и так приспособил обе половины, что они удобно прилегали к спинам детей и надежно держали кувшины. Дважды в день проходили они по тропинке, вытопанной ослом: на рассвете и вечером, когда на западе возникал в небе огненно-красный диск, который становился все больше и больше, пока не скатывался за горы. Иногда в кувшинах не оставалось воды уже к обеду и тогда им приходилось идти еще раз — когда солнце стояло над морем и море блестело так сильно, что было больно глазам. Земля обжигала ступни ног. Тана и Морик закутывали головы платками; особенно жарко было в июле и августе.

— Глаза от солнца уже не болят, — сказала Тана.

Морик не смотрел на солнце. Его взгляд был устремлен вперед.

— Если он опять там копает, мы его сейчас увидим, — сказал Морик и пошел быстрее.

Тана пропустила брата вперед. Ему было двенадцать, ей четырнадцать, и она все еще не забывала за ним приглядывать, хотя за последний год он так вырос, что стал почти на голову выше ее. Все равно она боялась, что это

хождение с тяжелыми кувшинами в один прекрасный день может его сломить.

Высокие, суживающиеся книзу кувшины, торчавшие из обеих половин вьючного седла, были полны до краев и тянули назад. Над плечами выдавались стремяна. Тана и Морик так глубоко просовывали руки в эти стремяна, что могли локтями поддерживать ношу. До колодца надо было идти около часа. Хорошая вода была только там, в крепости. Тана и Морик шли напрямик, через разрушенные дома, потому что это было проще, чем идти вдоль улиц. Улицы исчезли под пеплом и обломками стен. Некогда огромный город на берегу моря был разрушен и сровнен с землей, и это сделано так основательно, что дома превратились в кучи мусора, погреба — в пещеры. В одной из таких пещер целых два года обитали с отцом и матерью Тана и Морик.

«Дом» им выделили те, кто управлял сейчас этой страной. Им еще отвели кусок земли, намного больший, чем те поля, которые они потеряли. После варварского нападения римляне пригнали сюда, на южное побережье иберийской провинции, около ста разоренных семей. Им предстояло вернуть мертвый город к жизни*. Но когда изгнанники увидели, что на месте домов остался один только мусор, когда они увидели заброшенные поля и сады, забытые илом водохранилища, многие из них сразу же отказались работать здесь, а те, которые решили было осесть, в первый же год покинули это место. Осталось только девять или десять семей. Этим немногих удерживал на месте не скудный урожай полей и не добыча на побережье — они поселились на мусорных кучах и стали тайно копать в них по ночам. Они упрямо верили слухам, что во время осады серебро и золото со всего города было снесено в одно место — в колодец, закрытый железным люком, спрятанным под разным хламом. В первый год в развалинах копали по ночам девять или десять человек, потом пять, потом три, а под конец всего лишь один.

Этот одиночка копал уже около двух лет. Тана и Морик помогали ему много ночей, они перестали ему помогать только неделю назад.

Они не нашли ничего, кроме истлевших лохмотьев.

— Хорошо, что отец хочет все бросить, — сказала Тана.

Морик остановился.

— Посмотри! А этот копает на том же самом месте, что и три дня назад! — прошептал он. — Да еще среди бела дня!

Но шептать вовсе не стоило — человек был далеко.

— Это не наша забота! — Тана подтолкнула Морику вперед.

— Наша, — упрямылся Морик. — Нечего ему там искать! Он копает слишком близко от нас.

— Мы же там никогда не копали, — возразила Тана.

— В том-то и дело, — упрямо сказал Морик. — Мы должны были там начать первые.

— Но отец больше не хочет, — сказала Тана. — Он считает, что рыбная ловля, с тех пор как он ею занялся, вполне может нас прокормить. Иди дальше.

Но Морик не двинулся с места. Он все еще смотрел на копавшего человека, и Тана тоже. Она увидела, с каким трудом человек нагибается, как тяжел для него каждый камень. В отблесках солнца его лицо и борода казались красными. Должно быть, он был очень стар. Он вытаскивал из хлама камни, относил их в сторону и складывал из них стену.

— Он хочет построить дом, — сказала Тана. — Такой старик!

Морик взглянул на нее с сожалением:

— Он только делает вид, что ему нужны камни... Он знает, где надо копать. Мы не должны больше скрывать то, что знаем, от отца.

Тана попыталась его отговорить:

— Оставь отца в покое! Он сделал себе лодку и копать больше не хочет.

— Отец снова начнет, как только узнает о том, что мы видели, — заверил ее Морик.

Морик пошел вперед так быстро, что Тана с трудом за ним поспевала. Он свернул с дороги, чтобы быть подальше от старика. Дети обошли холм, который находился между стариком и их пещерой. Шагов через двести они увидели дым. Он мог подниматься только из их пещеры. Пахло жареной рыбой.

— После рыбы захочется пить, — сказал отец детям, когда они вернулись. Он поворачивал над огнем два опа-

ленных прута с насаженными на них рыбинами. От огня его лицо было светлее, чем обычно.— Вы пришли как раз вовремя.

Похоже, что отец удачно порыбачил. Мать подняла ведро, в котором блестили рыбы.

— Все уже решено,— сказала она.— Мы уходим на побережье. Отец нашел родник, хорошее место для дома... Что с тобой? — она озабоченно взглянула на Морика.

Морик смотрел в огонь, избегая взгляда сестры.

— Не говори,— прошептала Тана.

— Что он не должен говорить? — спросил отец.

— Там копает один человек,— признался Морик.— Совсем близко от нас.

Отец быстро отложил в сторону прутья с рыбами, будто обжегся:

— Кто-нибудь вернулся?

— Он не из тех, что пришли с нами,— объяснил Морик.— Он чужой. Он очень стар и копает средь бела дня. И уже третий день в одном месте.

— Почему же вы мне ничего не говорили? — рассердился отец.

Тана стала защищаться:

— Ты же не хотел больше копать.

— Мы не видели, как он появился. Он просто оказался тут,— сказал Морик.— Он копает не спеша. И знает, где надо копать.

Отец захотел сразу же отправиться туда. Мать удержала его. Она показала на рыб:

— Это было хорошим началом...

— На побережье моря мы тоже будем жить впроголодь,— сказал отец.— Если там действительно кто-то копает, я отсюда не уйду.— Он взял Морика за руку.— Ты говоришь, он очень стар?

— Очень,— кивнул Морик.

— Тогда он кое-что знает,— загорелся отец.— Пошли, Морик, сходим туда.

— Лучше туда сходим мы — я и Тана,— предложил Морик.— Тебе он будет врать, будто строит дом.

— Я ему покажу! — угрожающе сказал отец.— Как он посмел копать недалеко от двери нашего дома!

Отец замолчал, что-то обдумывая, но когда Тана ска-

зала: «Может, он разрешит нам помочь ему, я видела, как ему тяжело», — отец согласился отпустить их.

— Только не давайте обмануть себя! — предупредил он.

Морик стал искать в углу кирку.

— Сперва поешьте, — сказала мать. — И возьмите с собой кувшин воды. Он наверняка хочет пить.

Морик торопливо ел. Тана тоже спешила. Когда они тронулись в путь, Морик сказал:

— Не беспокойтесь, если мы не сразу вернемся. Может, он будет копать и ночью, как это часто делали мы.

В одной руке брат держал кирку, в другой корзину. Тана прихватила кувшин с водой. Они вылезли наружу. Морик снова шел впереди, как и по дороге к колодцу. Когда они обошли холм, то сразу увидели перед собой старика. Заслышав их шаги, он не спеша водрузил на сложенную им низкую стену еще один камень и поднял глаза.

— Как хорошо, что вы принесли воду, — сказал он. — Этого-то мне и не хватало. — Он разговаривал с ними, как со старыми знакомыми. — Вы живете рядом?

— Да, и уже больше двух лет, — ответила Тана.

— А я только начинаю тут устраиваться, — с готовностью сообщил старик.

— Мы бы могли тебе помочь, — предложила Тана.

— Вы пришли как раз вовремя, — согласился он. — У меня нет ни кирки, ни корзины. Голыми руками многого не сделаешь, тем более такими, как мои. — Он указал на сложенную им стенку. — Это будет мой дом.

— Дом? — недоверчиво переспросил Морик. — Не при- творяйся, что ты хочешь достать одни только камни...

Старик высоко поднял брови.

— Ты прав, — сказал он. — Камни — только начало. Хорошо, что ты принес кирку. Главное лежит в глубине.

Морик не спускал с него внимательных глаз. Кожа на лице старика была похожа на кору старого дерева.

— Ты здешний? — Морик был полон решимости отстаивать их право на это место.

Старик кивнул:

— Я знаю здесь каждый уголок. Уж если где копать, то именно тут. Начнем!

Старик уже успел выкопать яму глубиной в три ступени. Морик спустился туда и стал копать. Когда стемнело, старик развел огонь. У него был небольшой запас сухих сучьев, и, хотя он жег их экономно, света было достаточно, чтобы осветить яму, в которой работал Морик. Сперва он стоял в яме по колено, потом по пояс, а под конец — по грудь. Когда корзина наполнялась, Тана вытаскивала ее, и старик откладывал в сторону камни, которые могли ему пригодиться для стен. Мусор Тана относила в сторону, сыпая его в кучу. Когда они прервали работу, чтобы попить воды, старик поднял с земли два камня и стал внимательно их разглядывать.

— Каждый из них — мой старый знакомый, — сказал он и, когда Морик с сомнением на него взглянул, добавил: — Еще немного, и ты наткнешься на железо.

Морик колотил киркой около получаса, как вдруг от удара раздался резкий звук. Морик отбросил кирку и стал отгребать мусор руками.

— Попробуй еще раз киркой, — сказал незнакомец. — Крышке люка это не повредит.

Морик ударил. Он опять попал по железу, и где-то в глубине зазвучала пустота.

— Мы пробились, — сказал старик. — Попали точно, куда надо.

Он подождал, пока Морик расчистит еще пару ступеней, потом спустился в яму сам, присел там на корточки, сгреб в сторону мелкие камни, сдул с освобожденного места землю и попросил подать себе торчавший из костра сук. Горящий конец сука он засунул далеко в дыру. Морик и Тана увидели ржавую металлическую поверхность крышки. Морик быстро убрал с крышки люка весь хлам.

— Клад здесь, под крышкой этого люка? — спросили Морик и Тана.

Они увидели, как блестят глаза старика.

— Когда я уходил, он был там, — подтвердил старик. — И там он должен быть — даже через шестьдесят лет. Кто бы мог его обнаружить?! Не осталось никого, кто знал бы это место.

Морик захотел сразу же открыть люк.

— Откроем люк на рассвете, — решительно сказал старик.

— Но почему не сейчас? — Морик ухватился за ржавое кольцо.

Загадочный незнакомец поднял голову:

— Я хочу, чтобы, когда я открою крышку люка, там все сверкало.

Он вылез из ямы с горящим суком в руках.

— Но что нам делать сейчас? — разочарованно спросила Тана.

— Я с удовольствием дал бы вам поесть,— смущенно сказал старик.— Но у меня ничего нет. Приходите утром!

Морик посмотрел на ржавую обивку. Потом они с Таной обменялись многозначительными взглядами.

От старика это не ускользнуло.

— Я вовсе не хочу от вас отделаться,— заверил он,— там, внизу, более чем достаточно не только для нас троих. Если бы вы не пришли, я бы сам пришел к вам. Мне бы ничего другого не оставалось, чтобы не умереть с голоду.

Но Морик не отходил от ямы. Тана же обратила внимание на слова старика о голоде.

— Я сейчас вернусь,— сказала она и убежала.

Старик сел, прислонившись к невысокой стене, и протянул к огню ноги.

— Подсаживайся ближе,— пригласил он Морику.— Тут теплее.

Мальчик неохотно придвинулся к старику. Глядя поверх потухающего костра, он наблюдал за незнакомцем, который сунул в огонь сук. Сухое дерево сразу же занялось.

— И вы тоже копали?

— Мы выдержали более двух лет,— ответил Морик,— но жить здесь нельзя.

— Теперь все будет по-другому,— пообещал старик.

Он внимательно посмотрел на Морику.

— Почему ты мне не доверяешь?

— Откуда я знаю, кто ты? — сдержанно ответил мальчик.

Но старик сделал вид, что не услышал упрека.

— Да, вы многого натерпелись,— вздохнул старик.

Он стал молча смотреть в огонь.

Морик изучал его морщинистое лицо. Он пытался определить возраст старика. «Может быть, семьдесят»,— подумал.

мал он. Что-то не нравилось ему в этом чужаке, вовсе не похожем на нищего, хотя он и был в лохмотьях.

— Хорошо, что вы остались,— сказал старик.— Теперь вам не надо уходить.

— Сперва копали не только мы,— признался наконец Морик.— Копали десять или девять человек, и все друг друга подкарауливали, но никто ничего не нашел. Мы работали много ночей. Когда отец услышал, что ты тут копаешь, он хотел прийти.

— Я так и думал,— сказал старик.— Мы же соседи.

— Он хотел оспорить твое право на это место,— объяснил ему Морик.

Старик отнесся к этому спокойно.

— Хватит нам всем,— уверил он еще раз и засунул новый загоревшийся сук поглубже в огонь.

Вскоре после этого вернулась Тана. Она несла деревянное блюдо, на котором лежали две рыбы и кусок хлеба.

— Все, что осталось,— сказала она и протянула блюдо незнакомцу.

— Почему не пришел отец? — спросил старик.— Ты его не позвала?

— Нет,— сказала Тана.— Завтра видно будет. Он думает, что мы еще копаем.

— Я с утра ничего не ел,— извинился старик, принимаясь за угощение.

Рыба ему понравилась. Он выпил воды и хотел передать блюдо детям.

— Разделите вторую рыбу! Попробуйте, она вкусная.

Но Тана отказалась:

— Мы уже ели.

Ей нравилось смотреть, с каким аппетитом старик ест. Когда он справился со второй рыбой, Морик опять пристал к нему:

— Почему не открыть сейчас? Только заглянем в эту шахту!

— Не раньше завтрашнего утра,— решительно сказал старик.— Я хочу, чтобы, когда мы откроем шахту, там все сверкало.

— Мы могли бы опустить туда горящую ветку,— предложил Морик.

— Будет мало света,— упрямо возразил старик.

Потом он задумался.

— Чем мне вам отплатить? — Он ударил себя кулаком в грудь.— Вы помогли этому старому бродяге! Почему — это его не беспокоит. Вы принесли ему поесть! Но ему не нравится, что вы с ним скучаете.

Некоторое время он ворошил угли, словно что-то искал там.

Неожиданно старик поднял глаза:

— Можно копать дальше!

— Но ты же только что не хотел этого! — удивился Морик.

— Не в этой яме,— сказал старик.— Здесь! — Он опять ударил себя кулаком в грудь.— Здесь тоже кое-что спрятано! — Он сощурил глаза.— Может быть это звучит бредово, но я знаю, что говорю: здесь зарыт слон! Его зовут Сур. Нравится вам это имя?

Тана и Морик озадаченно взглянули на него. Они не были уверены, всерьез ли он ждет ответа.

— Я знаю, что говорю! — повторил старик.— Там, внутри, Сур. Я увидел его, когда был еще мальчишкой. С тех пор мы не разлучались ни на один день. Сперва я следовал за ним, потом он за мной. Мы проделали трудный путь: до больших гор, а потом через горы, всегда покрытые снегом, все дальше — до самых ворот Рима...

— Ты шел с Ганнибалом? — с волнением спросил Морик.

— Все началось тут,— сказал старик.— Отсюда Сур унес меня, и сюда мы опять вернулись.— Он что-то искал глазами в темноте.— Прошло столько лет, а здесь все еще одни развалины! — Он взглянул на Морику.— Сколько тебе лет? Двенадцать? Я был не старше тебя, когда разрушили Сагунт. Я лежал вон там, всего в нескольких шагах отсюда. Я не мог пошевелиться, потому что был наполовину засыпан. Вокруг рушились дома. Город пылал, как костер. Жар опалил мне брови и волосы. Потом на меня опустилась ночь. Я не знаю, сколько она длилась.

Старик придвинулся к костру, на его лицо упали отблески огня.

— И никто тебя не вытащил? — спросила Тана.

— Никого не было,— объяснил старик.— Кто не умер, тех угнали, как скот, и это было хуже смерти. Город был

мертв. Я лежал неподвижно, и чужеземцы, рыскавшие по городу, подумали, что и я мертв. Только Сур не ошибся. Слон, который мог раздавить меня одной ногой, поднял ее, едва коснувшись моего плеча. От этого прикосновения я и очнулся.

Тана испуганно взглянула на старика:

— На тебя наступил слон — и ты остался в живых?

— Ни один слон не наступит на живое! — успокоил ее старик. — Когда я пришел в себя, то увидел над собой огромную гору: слона. У него был только один бивень. Он протянул мне хобот. Взгляд слоновьих глаз как будто придал мне храбрости. С того момента, как начался штурм города, для нас не было ничего ужаснее этих колоссов, которых гнали на городские стены. Но этот слон, так неожиданно возникший передо мной, не вызвал во мне никакого страха. Наоборот, я почувствовал, что теперь со мной ничего не может случиться. Эта мысль возникла не в голове — она пришла из сердца.

Погонщик слез со слона, чтобы узнать, в чем дело. Он увидел меня. Он был одним из тех, кого посылали в разрушенный город на поиски оставшихся в живых. Это был молодой человек. Через лоб на левую щеку бежал шрам, словно его лицо разорвало молнией. Я смотрел на него со страхом. Тут слон прикоснулся к нему своим единственным бивнем. Погонщик обернулся. Он кивнул так, будто слон сказал ему что-то, вытащил меня из-под обломков и взял с собой. С тех пор прошло уже столько лет, что я перестал их считать...

— А где ты был потом? — спросила Тана.

— Я шел по дороге в Сагунт.

— В Сагунт? Не в Рим? — удивленно спросил Морик. — Ты ведь шел с карфагенянами!

— Ты прав, я шел с ними в Рим, — подтвердил старик. — Сур был одним из тех слонов, с которыми Ганнибал перешел Альпы. И он был единственным из слонов, кто преодолел этот путь, и я вместе с ним. Я видел Рим и даже дошел до самого Карфагена.

Я видел, как Сагунт сгорел во второй раз...

— Сагунт, а не Карфаген?

Этот старик, говоривший загадками, показался Морик подозрительным.

— Для меня это был Сагунт! Второй Сагунт! — торжественно, словно клятву, повторил незнакомец. — Под конец от Карфагена осталось столь же мало, как и от Сагунта. На развалинах Карфагена меня охватила тоска по родине, и я вернулся.

— А Сур?

— Где остался слон?

Старик в третий раз ударил себя в грудь:

— С тех пор как он пустился в свои приключения, я повсюду таскался за ним. — Он переломил сук и кинул половину в огонь. — Подвигайтесь ближе, — сказал он, — ночь прохладна. — Он прислонился к стене. — О карфагенянах, перешедших со слонами Альпы, рассказывали много. Еще и сегодня встречаются люди, которые говорят об этом. Я же был со слонами до самого конца — пока они не погибли. Меня носил на себе слон Ганнибала.

Некоторое время он молчал, потом как бы очнулся от своих дум:

— Я вернулся в лохмотьях, с пустыми руками — это сущая правда. Одного только нельзя у меня отнять: я там был! Я проделал на слонах весь этот переход. И шел с Ганнибалом... Придвиньтесь поближе!

Тана и Морик придвинулись, насколько позволял жар костра. О яме, которая была от них менее чем в пяти шагах, они больше не думали. Сперва раздавался только треск огня. Потом старик отпил из стоявшего рядом кувшина и начал рассказывать свою историю...

БОЛЬШОЙ ПОХОД НА СЛОНАХ

1

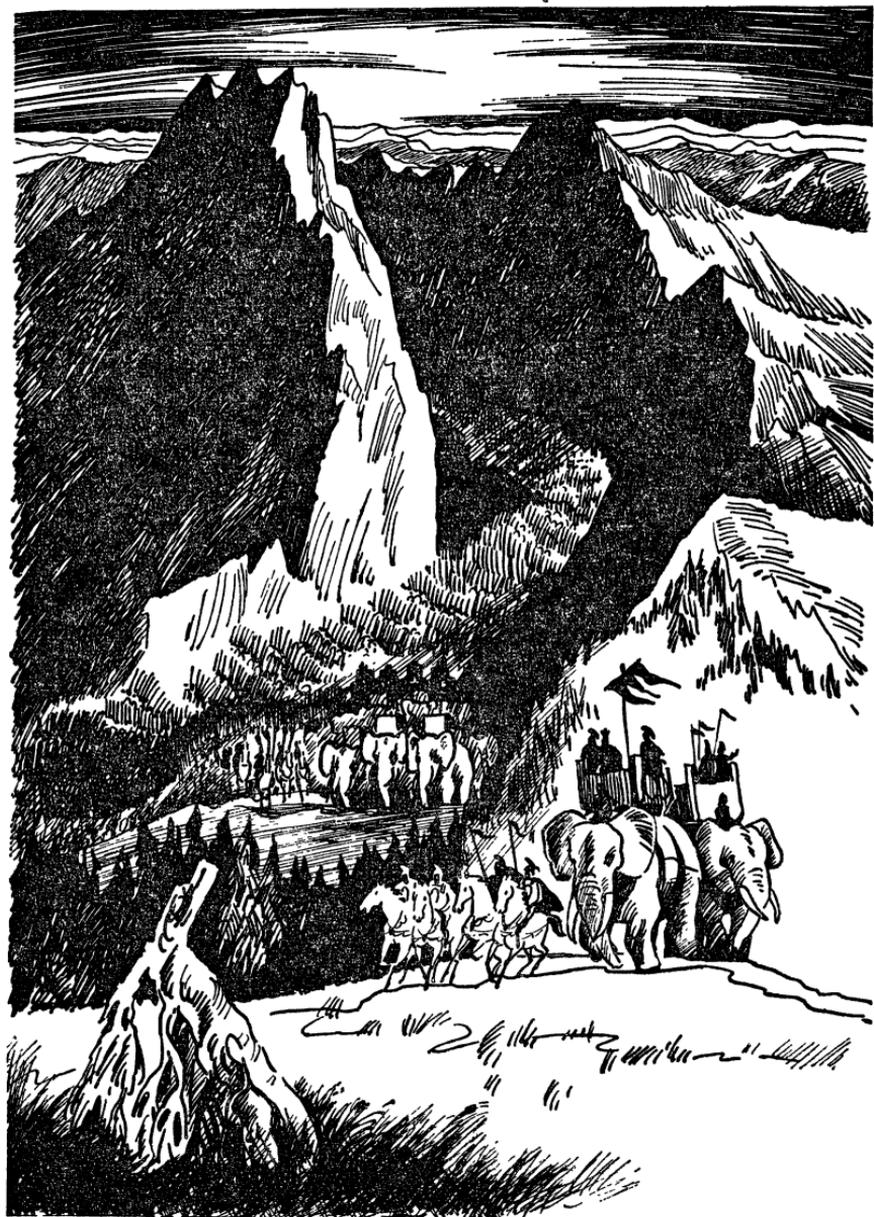

не было двенадцать лет, когда карфагеняне начали осаду Сагунта. Я был еще слишком мал, чтобы ясно понимать происходящее. До тех пор Сагунт считался городом, в котором неплохо жилось даже тем, которые, как говорится, перебивались с хлеба на воду. Рядом

находился морской порт. От южных ворот города до него было полчаса ходу. Дорога к побережью вела через сады и поля, приносявшие хороший урожай, ибо цепь холмов не допускала сюда северный ветер. Но богатство, переполнявшее дома знати, пришло не с полей и садов, а с моря. Море приводило в Сагунт множество кораблей. Так было всегда, с глубокой древности. Но теперь город все больше превращался в остров, штурмуемый волнами безжалостных завоевателей, пока этот остров не утонул в море огня. Как мог все это понять двенадцатилетний мальчик?

И раньше происходило многое, чего я не понимал. Из Карфагена тоже приходили корабли. Они привозили посуду, пурпурную материю, редкостные стеклянные маски, а увозили серебро и хлеб. Но вдруг на всех улицах города плохо заговорили о пунийцах*: о пунической чуме, заразившей все побережье. Двух членов городского совета*, выступавших за карфагенян, втащили на городскую стену и сбросили оттуда в ров. Говорили, что в Рим отправлены послы, чтобы обеспечить защиту от карфагенян с тыла.

И вдруг поползли слухи — как пламя, от одних ворот к другим: «На город идет Ганнибал!» Я видел осунувшиеся, искаженные страхом лица.

Кто такой Ганнибал, я уже знал: это был один из сыновей того самого карфагенского полководца, который завоевал Иберию* до самой реки Ибер*, сделав ее пунической провинцией. Нашего города отец Ганнибала — Гамилькар Барка* — не трогал. Мне сказали, что Барка означает Молния. Нас молния пощадила. Но теперь против Сагунта выступил его сын Ганнибал, в армии которого было больше воинов, чем всех городских жителей вместе с женщинами и детьми. Его прозвали Юная молния. И эта молния устремилась теперь на нас. Армия, с которой он вышел в поход, ползла с западных гор, как огромный червяк, у которого было начало, но не было конца: он продвинулся между побережьем и городом и окружил кольцом городские стены. Со дня на день все вокруг становилось другим. Где были раньше поля и сады, там простерлась пустыня. Этот червяк пополз в поля и сады, и вскоре там не осталось ни одного дерева. Зато вокруг города задымались костры, и ночью казалось, что в бесчисленных местах из земли поднимаются тени загробного мира.

Я не мог поверить, что причинившие столько зла назывались людьми. Или всем этим существам — там, снаружи, — не ясно было, что дерево приносит плоды? Или они никогда не голодали и не питались тем, что растет? Или не ведали, сколько усилий требуется, чтобы возделывать поле? Расположившись вокруг, карфагеняне стали приближаться к стенам города. Передние из них прятались под навесами, которые подкатывали к стенам на колесах.

— Они движутся на нас с таранами и скорпионами*, — сказал отец.

Мы стояли с ним на вершине стены. Я видел, что стенам угрожали чудовища из железа и дерева.

— Теперь уходи! — приказал отец и поднял оружие, лежавшее у его ног.

Уходя, я бросил на него взгляд и испугался. Он уже не был похож на моего отца. У него было чужое лицо. Ненависть к осаждающим исказила его черты. Мне стало страшно.

Там, где стоял мой отец, стена немного вдавалась в ложбину, уходившую в сторону моря. Именно здесь хотел Ганнибал ворваться в город. Сюда он велел собрать все орудия штурма. На нападавших со стен посыпался град

копий и стрел. Летели камни, проламывая многоэтажные осадные башни карфагенян. В руках у обороняющихся были также еловые шести, усаженные железными иглами длиной в локоть*. На иглы была намотана пакля, которую зажигали, прежде чем швырнуть шести вниз со стен; зажженная пакля разгоралась на лету, и пылающие шести разили людей внизу под стенами.

Но пустели не только ряды карфагенян, и на стенах уже оставалось мало защитников. Мы — мальчишки — подтаскивали им все необходимое: еду и оружие, камни, копья и стрелы. Часто мы делали это в самый разгар битвы. Тут стрелы настигали и детей.

Несколько раз я видел, как защитники в ужасе указывали на кого-то внизу, слышал их крики:

— Вон он, этот новый Б а р к а!

Я увидел человека в красном плаще, который расхаживал так спокойно, словно с ним ничего не могло случиться. Один раз он приблизился к стене шагов на тридцать; его плащ был таким красным, каким бывает огонь в полной темноте. Он подбадривал своих солдат, не обращая внимания на копья и стрелы. Вдруг он схватился за бедро; огонь плаща заколебался и потух, словно сдутый ветром, трое или четверо карфагенян подбежали и унесли его. На стенах раздался вопль:

— Ему конец! С сыном Молоха* покончено!

Толпа наших воинов, охваченная всеобщим восторгом, вырвалась из южных ворот, неистовствуя в расстроенных рядах врага, пока подоспевшие африканские всадники не уничтожили их всех до одного. Через неделю человек в красном плаще снова появился внизу, под стенами. С ним вовсе не было покончено! Он велел подкатить к стене деревянную башню — ее подкатили на колесах, и она была выше каменных городских башен. Деревянная башня была покрыта далеко выдающимся вперед навесом или крышей. Под этой крышей висели на крепких цепях четыре бревна. Окованными железом наконечниками ударили они в стену, в четырех местах одновременно. Стена застонала, потом она взревела и рухнула. Защитники города с испугом смотрели на то, как образуется брешь. И тогда башня из дерева направилась к каменной башне и опрокинула ее. Карфагеняне начали штурм. Но они натолкнулись на ошестинившие-

ся горящими копьями стены, которые не отступили, а бросились на атакующих. Карфагенянам пришлось покинуть поле битвы. Многие остались тут лежать. Но бреши в стене не могли зарости сами собой. Город был смертельно ранен. Он попал в клещи, сжимавшиеся все плотнее.

Тогда из Сагунта к карфагенянам перебежал человек; он сказал завоевателям, что готов возвратиться в город в качестве парламентаря с условиями, выставленными Ганнибалом. Условия полководца были жестокими: мужчины, женщины и дети должны были покинуть город, взяв с собой только одну вещь из одежды. Все остальное оставалось победителю. Сагунтянам велено было построить себе новый город — в трех часах пути от моря.

Парламентарь возвратился в город. Огромная толпа окружила его и выслушала. Но как только он произнес последнее слово, людей охватила долго нараставшая злоба. И парламентаря, так же как и тех членов совета, которые выступали за карфагенян, сбросили со стены. Богачи, вне себя от наглых требований врага, собрали все свое золото и серебро и сбросили в шахту, чтобы эти сокровища не достались карфагенянам. Сундуки, шкафы и столы были сожжены. Некоторые из знатных горожан бросались в огонь. Остальные побежали к стенам, чтобы быть там прежде, чем карфагеняне приступят к новому штурму. Смерть казалась желанней, нежели жизнь в нужде и бесчестии. И мы, подростки, тоже взяли в руки оружие и держались за него, видя в нем единственную надежду на спасение. Но все было самообманом. Издалека к стенам приближались серые колоссы, похожие на дьявольские скалы, на которых беснуются огоньки. Они приближались, как привидения. Наконец мы узнали в них боевых слонов с красными перьями на головах. За пышными пучками перьев прятались погонщики. Вид этих слонов, покрытых попонами и закованных в латы, заставил нас оцепенеть.

Потом внизу вдруг появился человек в пылающем плаще. Он что-то крикнул, и в ответ карфагеняне взвыли, как звери. Мы поняли, что он обещал им отдать город на разграбление.

Многие из наших пустились в бегство. Я стоял, не в силах пошевелиться: я видел, как слоны начали взламывать стену. Камни поддались. Стены были сложены без извест-

кового раствора и всего лишь обмазаны глиной. Близ того места, где я стоял, стена вдруг оголилась и рухнула. Взметнулось облако пыли. Когда оно рассеялось, я увидел, что слонов гонят в образовавшуюся брешь¹. Они громко трубили, задирая хоботы. Копье выпало у меня из рук.

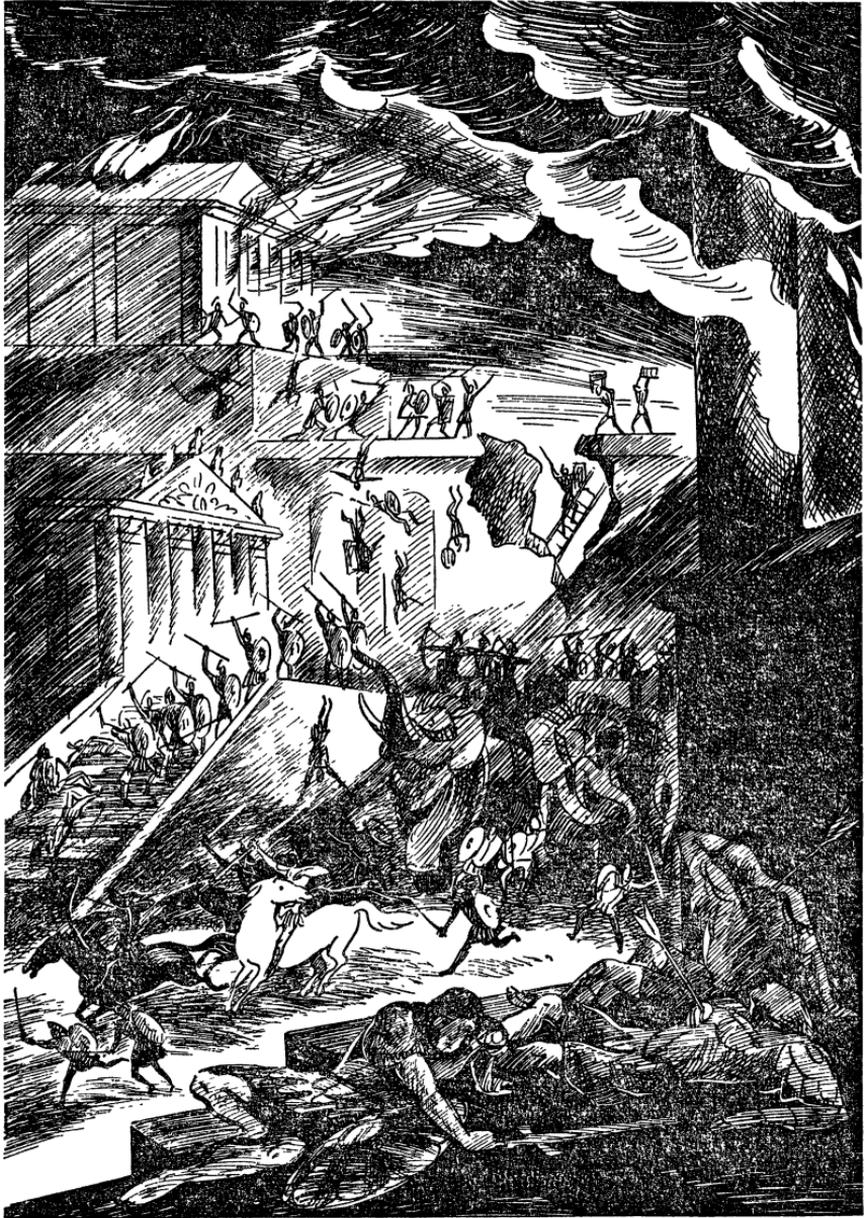
Я спрыгнул со стены и пустился наутек. Вокруг уже горели дома. Я бежал сквозь дым. Я звал отца! Мать! Брата! Не помню, как я добежал до дому, не знаю, что опрокинуло меня наземь. Вокруг меня вздымались стены огня. И сразу наступила ночь.

2

Когда я пришел в себя, передо мной стоял слон, у которого был всего лишь один бивень. Слон был так близок, что загоразивал собой половину неба. Мой взгляд скользнул по нему вверх. На его голове было нечто, что привело меня в изумление. Это был густой пучок длинных, красноватых прутьев. Казалось, на них сидят такого же цвета бабочки. Я силился понять, что это такое. Я вспомнил о страшных красных пучках перьев, которыми увенчаны были все слоны, двигавшиеся на город. Но от перьев ничего не осталось — когда я внимательно присмотрелся, то не увидел на голове слона ничего. Был светлый день, я пытался отыскать глазами солнце. Должно быть, оно стояло где-то позади слона, потому что его нигде не было видно. Значит, это солнце украсило голову слона красноватыми прутьями — наподобие пучка лучей над горизонтом перед восходом солнца... Но почему они так внезапно исчезли? Ни я, ни слон не двигались с места. Очевидно, пучок просто исчез оттого, что я к нему внимательнее присмотрелся, — мой взгляд как бы срезал его, иначе я не мог себе этого объяснить.

Свою мощную голову слон держал как-то боком. Я хорошо видел один глаз. Этим глазом, который был не больше лошадиного, слон спокойно рассматривал меня. Он не делал ничего, что могло бы меня насторожить. Я впервые

¹ В данном случае, как и в некоторых других, автор допускает вольное описание деталей и эпизодов.

испугался, когда на меня взглянул погонщик. Его лицо разделенное шрамом, не обещало ничего хорошего. Тогда я увидел, как слон прикоснулся к погонщику своим бивнем. Я услышал, как слон и погонщик о чем-то советуются. И тогда погонщик вытащил меня из-под обломков. Пока я пытался встать на ноги, человек объяснил мне, что за меня заступился слон.

— Он узнал в тебе своего будущего погонщика, — сказал он. — Я должен сделать из тебя погонщика.

Я понял его, хотя он и плохо говорил на нашем языке. Слона он называл Сур. На нем мы в конце концов и отправились в лагерь. Я ничему не противился. Было слишком необычно — ехать вдруг на одном из слонов, которые ломали городские стены. Без труда шагал Сур через развалины. Он опускал ноги, словно был невесом. Он уверенно шел своей дорогой — вон из разрушенного города. Позднее я заметил подвешенный к седлу железный багор. Но погонщику он был не нужен. В лагере он показал меня другим погонщикам. Они называли его Карталон.

Каждому, кто хотел его послушать, Карталон рассказывал, что меня нашел Сур. Карталон заставил меня лечь на землю и показал, как слон нашел меня: подошел, поставил ногу на мое плечо и сейчас же опять поднял ее. Отойдя на два шага назад, он остановился и повернул голову — настолько, насколько это может сделать слон. Покорившись всему этому, я смотрел на Сура, привязанного невдалеке вместе с другими слонами к торчавшим в земле кольям. Происходящее вокруг, казалось, не волновало его. Серый великан покачивался, как стоящий на якоре корабль, чуть поддающийся морскому волнению. Это покачивание меня успокаивало. И вдруг я поймал себя на том, что пытаюсь мысленно разговаривать с Суrom.

Карталон взял меня за плечо. На неправильном иберийском, на котором говорят все карфагеняне, прожившие здесь уже год или два, он сказал:

— Пойдем, теперь ты принадлежишь нам.

Я встал, глядя на его шрам. «Он носит на лице молнию!» — подумал я. Я все еще боялся его. Он повел меня в палатку, показал мое место, дал мне покрывало. У него была кое-какая еда, он поделился ею со мной, называя продукты по-финикийски. И в конце добавил:

— Скоро ты будешь говорить, как мы.

Поев, я почувствовал, что смертельно устал. Он это понял — от его взгляда ничто не ускользало. Он расстелил на земле какую-то шкуру. Едва улегшись на нее, я сразу же заснул. Было, очевидно, около полудня. Не знаю, сколько я спал — день и ночь или два дня и две ночи. Проснулся я оттого, что замерз. Очевидно, я ворочался во сне и раскрылся; наверное, еще и закричал, потому что Карталон протянул ко мне руку и укрыл меня. Но я уже не спал и слышал, как он захрапел.

Тогда я бесшумно скинул покрывало и прополз до щели, сквозь которую увидел звездное небо. Я выскользнул в ночь. Потом попытался угадать, где может быть Сур. Как только мои глаза привыкли к темноте, я разглядел слонов. Они стояли друг возле друга, как холмы, но один показался мне выше других. Я уже хотел было к ним направиться, когда вспомнил о цепи, которой Карталон привязал слона. Тогда я нашел между палаток тропу, ведущую из лагеря. Часовых не выставили — да и зачем: никакого врага больше не было.

Когда я вышел из лагеря, то сначала не мог понять, в каком направлении лежит Сагунт. Под двумя звездами, сверкавшими над горизонтом, громоздилась темнота. Я пошел на звезды. Я долго блуждал среди развалин, некоторые из них еще дымились. Когда я нашел место, где находился наш дом, ставший теперь кучей развалин, забрезжил рассвет. Я начал ждать. Ждал отца, мать, ждал брата. Я решил ждать до тех пор, пока они вернуться, или умереть здесь.

Стало совсем светло, и я начал замерзать. Вставало бледное, обескровленное солнце. Я смотрел на него и удивлялся, что у него еще остались силы подняться в небо. Когда я немного согрелся в лучах солнца, то увидел человека. Я сразу узнал его, но даже не попытался убежать. Я не мог подняться. Мне казалось, что я привязан.

Карталон был один, без Сура. Я почувствовал спазмы в горле и подумал: «Теперь уже нет никого, кто объяснил бы ему, как со мной обращаться».

Он остановился рядом, глядя на меня. Взгляд его не был злым. Когда он начал говорить, спазмы в моем горле прошли. Он говорил о Суре, больше ни о чем. Одну фразу

он повторял без конца: «Сур ждет тебя». Он говорил по финикийски, только изредка вставляя чуждые ему слова. Но я его понял. Когда он кончил, я осмелился взглянуть на него. Я опять увидел шрам на его лице, но на этот раз я подумал: «Разве он виноват, что ему рассекли лицо? Не сам же он это сделал! Это сделал кто-то другой». И вдруг я представил себе этого другого. Я испугался. У этого человека было такое выражение лица, как и у моего отца в тот момент, когда он схватился за оружие. Я уже видел это выражение на многих лицах. В то мгновение, когда эти люди собирались убить, их глазами как-будто смотрела сама смерть...

Позади Карталона я видел груды развалин — еще недавно там были дома. Карталон был один из тех, которые разрушили Сагунт. Его послали, чтобы убить меня. Но он этого не сделал. И вот он нашел меня во второй раз.

Чем дальше я на него смотрел, тем тяжелее мне было думать, что люди — такие, как он, — сровняли Сагунт с землей. Я пытался внушить себе, что город разрушило землетрясение, а вовсе не человек в красном плаще, вовсе не такие, как Карталон. Я хотел жить с ним в мире — с этим человеком, пришедшим от Сура.

Карталон присел рядом. Он вынул из кармана кусок хлеба, разделив его со мной. Я был голоден и стал есть. Солнце пригревало, я больше не дрожал. Покончив с едой, мы продолжали сидеть рядом, не произнося ни слова.

Я заметил, что правая рука Карталона обвязана куском кожи. Кожа была уже старой, засаленной и поблескивала на солнце почти как металл.

Карталон время от времени все еще поглядывал на меня; при этом он немного склонял голову набок почти как Сур. Я видел, что ему нравится сидеть на солнце. Он посмотрел вверх, но тут же отвел взгляд: солнце уже сильно раскалилось.

И вдруг Карталон указал на почерневшее бревно. Оно лежало возле наших ног. Из трещины выглядывала ящерица. Зеленая, она резко выделялась на обугленном дереве. Сперва она высунулась наполовину, потом осмелела и вылезла вся. Я увидел, что ее хвост кончается тупым обрубком. Ящерица прошмыгнула по дереву, потом оглянулась, резко повернув голову. Карталон наклонился вперед,

приглашающим жестом протянул ящерице раскрытую ладонь, и она с любопытством приблизилась — может быть, ее привлекла блестящая кожаная повязка? Ящерица вспрыгнула на ладонь, Карталон быстро сжал пальцы. Я опять испугался. Карталон же взял ящерицу двумя пальцами и показал мне на обрубок хвоста.

— Отрастает,— сказал он и отпустил ящерицу.— Потом он хлопнул меня по плечу.— Сур,— напомнил он мне и встал.

Я тоже встал и пошел за ним.

3

Для слонов наступило время, когда они опять стали просто слонами.

Война кончилась. Приближались холода, и солдат-наемников, мечтавших об отпуске, отпустили на родину: в Ливию*, на Балеарские острова*, в ближние и дальние деревни Иберии. В сторожевых башнях и укреплениях, сооруженных вдоль побережья, был оставлен только небольшой отряд. В лагере остались часовые, главным образом нумидийцы и спартанцы.

Лагерь соорудили неподалеку от столицы страны — Нового Карфагена. Город тоже вырос на берегу моря и быстро расцвел. Его порт, так же как и в Сагунте, был открыт на юг. Между Карфагеном и Новым Карфагеном оживленно сновали корабли. Они увозили серебро, рыбу и рабов в Африку и доставляли оттуда драгоценные товары и наемных воинов. С севера через Новый Карфаген везли олово. Многим наемным воинам* Новый Карфаген так нравился, что они забывали о родине. Гарнизон лагеря проводил там почти все свободное время. Возвращаясь в лагерь, воины хвастались городскими приключениями. Большинство этих рассказов не предназначались для моих ушей, но солдаты были так пьяны, что забывали об этом.

Один карфагенянин, много лет плававший по морю, любил встречать восходы солнца на скале возле порта — вовсе не из-за солнца, а из-за приходивших на рассвете кораблей.

— Некоторые из них приходят под кроваво-красными парусами,— рассказывал он.

Я видел это еще в Сагунте, но в новом городе я не хотел смотреть на такое.

Слоны доставляли мне много хлопот, особенно Сур. Я должен был содержать его в чистоте и кормить. Чем ближе я знакомился с этими гигантскими существами, тем удивительнее они мне казались. Все в них было особенным, даже их жажда и голод. Сур легко съедал за день до сотни мин пищи*. В его хоботе легко помещался огромный кувшин; он втягивал воду, потом поднимал хобот и выливал ее в рот. Твердую пищу Сур тоже брал хоботом, отправляя туда же. При этом он был привередлив: многое из того, что я ему приносил, оставлял нетронутым.

Бывало, он не трогал какую-нибудь ветку только потому, что она была не гладко обрублена, или ему не нравилось, что на ней попадают увядшие листья. Однако он не был таким привередливым, когда срывал ветки сам. Больше всего любил он искать еду без нашего участия, и это не отличало его от других слонов. Но лакомками были все: они срывали с дерева кору, раскапывали бивнями землю, обнажая корни, срывали траву целыми пучками и, высосав из нее все соки, опять выплевывали. Учувя в земле луковичу, они опускались на колени и долго копали бивнями или рыли хоботом, пока лакомый кусочек не отыскался. Когда палило солнце, что бывало все реже, они обмахивались какой-нибудь веткой, а потом съедали ее. Увидев на дереве плоды, они раскачивали его головой, пока плоды не падали на землю. Часто они бывали при этом нетерпеливы, и если дерево их не слушалось, то они целиком выкорчевывали его бивнями.

У Сура был только один бивень — правый, — и я никогда не видел, чтобы он им орудовал. Когда я спросил об этом Карталона, тот ответил:

— Этот бивень всего лишь украшение — бивень-слугу он потерял.

У всех слонов левый бивень является слугой — с его помощью они действуют, а правый бивень слоны щадят. Так, во всяком случае, говорили погонщики. Когда Карталон начинал рассказывать о Суре или о других слонах, то конца этому не было видно, как дна в полном до краев колодце. Карталон объяснил мне однажды, почему Сур не раздавил мне ногой плечо:

— Это потому, что в ступнях слонов спрятаны мягкие жировые подушечки.

А затем он сказал:

— Вообще в слонах есть что-то загадочное, чего нет у других животных. Я уже давно имею с ними дело, но до сих пор удивляюсь, как легко такой колосс берет препятствие, ложится или встает.

Но Карталон поведал мне не только это. Как-то он сказал:

— По ногам слона можно определить его высоту: она равняется двум обхватам его ноги. За одну ночь он преодолевает расстояние, на которое лошади не хватит не только ночи, но и дня в придачу!

Да, на свои ноги он может положиться. Но еще больше на свои уши! Он ловит ими малейшие шорохи: отчетливо слышит, когда взлетит птица или хрустнет сучок...

Но более всего хвалил Карталон хобот слона:

— Хоботом он разбивает все: одного удара достаточно, чтобы убить человека или переломить крестец льву,— можешь мне поверить. Хобот служит слону носом и шлангом, оружием и рукой. Хоботом он может поднять с земли самую маленькую монетку. С помощью хобота он обливает себя водой или прохладным илом. Когда слон чувствует тревогу, он поднимает хобот, как грозную змею.— Говоря о хоботе Сура, Карталон всегда приходил в восторг: — Посмотри на него внимательно! У него на кончике хобота только один «палец», а не два, как у других слонов. Так же как у него только один бивень!

Но Карталон не утаивал и слоновьих слабостей:

— Слабое место слона — это шея, он никого не может оттуда сбросить. Именно там сидим мы, погонщики, и управляем слонем... Шея у слонов слишком коротка, поэтому они не умеют оглядываться. Еще им мешают огромные уши. На слонов легко нападать сзади, это они знают и потому никогда не чувствуют себя в безопасности.

Но многие тайны слонов я разгадал сам. Я ухаживал за ними каждый день. Ночью я тоже был рядом с ними — я спал и чувствовал в темноте их присутствие. Всего их было сорок. Вскоре я знал их всех по именам, и они отличали меня от других погонщиков.

Постепенно я стал понимать и язык слонов. Если им

что-нибудь нравилось, то из глубины горла раздавалось тихое бормотание. Если их что-нибудь забавляло — раздавалось попискивание в кончике хобота. Когда они друг с другом советовались, слышалось легкое ворчание. Страх они выражали каким-то грудным kloкочущим звуком, гнев — грохотом, да таким, что казалось, что слон вот-вот разорвется. Как-то, когда один слон напал на другого, из его глотки раздался такой страшный вопль, что я застыл на месте.

Но обычно они ладили друг с другом, и с погонщиками тоже. Каждый из погонщиков любил только своего слона и считал, что все другие ничего не стоят. Горе тому, кто оскорбит слона, которого погонщик считает частью себя самого! Такому обидчику несдобровать.

В прохладные дни слоны чувствовали себя хорошо. Жару они переносили хуже, чем холод. Но даже в полуденную жару они иногда принимали пыльные ванны, особенно когда знали, что могут сбросить с ног надоевшие пути и зашагать к реке, к широкому броду неподалеку от лагеря. Иногда слоны поднимали пыль, чтобы узнать, откуда дует ветер.

В пыли слоны купались только в крайнем случае, их всегда тянуло к воде. Воду они любили больше всего. Одни сразу же уходили в глубину до тех пор, пока над водой не останутся только спина и затылок. Другие не спешили, окунаясь бесшумно, как облака. Некоторые, наоборот, плюхались в воду с таким шумом, словно падали скалы. Так обычно делали молодые слоны: они брызгались водой, им даже приходило на ум мыть прибрежные камни, до которых не добиралась река. Они лепили глиняные шары и гоняли их перед собой наперегонки, дрались за эти шары или вдруг втроем и вчетвером нападали на Карлика — слона, который был уже взрослым, но оставался не выше четырехгодовалого слоненка. Бояться ему, правда, было нечего: великаны просто дразнили его, никогда не заходя слишком далеко. Было видно, что он им нравится. Погонщиком Карлика был чернокожий великан, намного переросший своего подопечного.

— Кто из вас может сказать, что он выше своего слона? — похвалялся этот погонщик перед другими. — И у кого еще есть такой слон, у которого все друзья?

И чернокожий был прав: Карлика баловали все. Большие же слоны бывали завидушими, они при случае враждовали, колотя друг друга бивнями и хоботами. Каждый из них имел определенных друзей, с другими же слонами лишь более или менее ладил.

4

Друзьями Сура были Арба и Тембо. Сур сильно перерос их, но, когда они стояли где-нибудь в стороне, скрестив хоботы и погрузившись в молчание, трое друзей казались одинаковыми. И хоть спина Сура была выше, голову он старался держать так, чтобы его глаза были на уровне глаз Арбы и Тембо.

Сур тоже имел своего врага. Это был Рокко, самец в расцвете сил, моложе Сура, которому было уже более семидесяти. Сур давно имел «четвертые зубы», как говорил Карталон. И хотя Рокко ни разу не отважился напасть на Сура, но когда они вдруг случайно касались друг друга, то раздавалось рычание Рокко. Сур оставался при этом спокойным.

Каждый раз, когда Рокко подходил к Суру слишком близко, Карталон злился. Свою злость он вымещал на погоншике Рокко.

— Поглядывай за своим желторотиком! — советовал Карталон.

— А ты сдай своего на живодерню! — огрызался погонщик Рокко — его звали Гизгон.

Обычно они насакивали друг на друга, как бойцовые петухи, Рокко сопровождал ругань своего погонщика глухим рычанием, что заставляло Карталона требовать того же от Сура. Но Сур не поддавался. Только раз выказал он свой норов. Один раз Гизгон обозвал Сура старой клячей, не способной ни выкорчевать дерево, ни поднять ствол. И тогда Сур зарычал. Его, наверное, вывел из себя гневный визг погонщика.

Карталон был вне себя. У выхода из лагеря лежали стволы деревьев, целый штабель. Они были различной величины. Собрались все погонщики, они окружили Сура и Рокко и повели их к штабелю дров. Подобные споры слу-

чались и раньше. Но теперь друг другу противостояли два сильнейших слона. Выбраны были самые тяжелые стволы. Рокко должен был оттащить их по очереди к Суру, а Сур — назад в штабель. По команде слоны приступили к соревнованию. Я тоже закричал, когда очередь дошла до Сура.

Рокко перетащил уже все стволы, когда остался последний — он был так тяжел, что потребовалось поддеть его длинным рычагом, чтобы сдвинуть с места. Рокко принялся за него. Тонкий конец ствола ему удалось кое-как приподнять, но он опять уронил его. Гизгон так размахивал руками, что весь покрылся потом.

Рокко принимался за ствол снова и снова. Но под конец он засунул кончик хобота в рот и повернулся к Гизгону спиной так, чтобы тот уже не мог заглянуть ему в глаза. Гизгон поднял было ногу, чтобы ударить слона, но в последний момент передумал.

Тогда подозвали Сура. Он тщательно ощупал ствол, потом охватил его хоботом и чуть приподнял, ища точку равновесия. Когда ствол перевалился на одну сторону, он опустил его, приподнял дерево во второй, в третий и в четвертый раз, пока не ухватил его как надо, и тогда двинулся с ним вперед.

У всех захватило дух. Никто не закричал, даже Карталон. Сур отнес тяжелый ствол на место.

— Но Сур же больше, чем Рокко! — сердито сказал Гизгон. Никто не обратил на его слова внимания, и тогда он добавил: — Зато он трус! Такой трус, что готов убежать от крысы!

— Он даже тебя не боится, — ответил Карталон.

— Его пугают качающиеся бревна!

— Это можно проверить, — возразил Карталон.

Они опять накинулись друг на друга, их покрасневшие лица приблизились почти вплотную. Казалось, они начнут плевать. Но плевать они не стали, зато погонщик Рокко придумал новый план проверки слонов.

На краю лагеря солдаты выкопали небольшой ров. На него поперек уложили шесть бревен — тех самых, на которых испробовали силу Рокко и Сура. Два внешних бревна закрепили на концах колышками, четыре других, уложенных в середине между этими двумя, свободно положили

концами на чурбаки. Эти четыре бревна, если на них ступить, должны были качаться — хотя и не очень сильно, но все-таки заметно. Ров был глубиной в человеческий рост, шириной примерно в пять шагов. Гизгон был уверен в успехе. Он подвел своего слона к окопу, перешел по бревнам на другую сторону и приказал Рокко следовать за ним. Рокко, не колеблясь, быстро пошел по мосту. Он был уже на полпути, когда бревна вдруг закачались, и Рокко заколебался. Тогда Гизгон протянул слону полную пригоршню соли, и Рокко быстро сделал оставшиеся два-три шага.

Сур заметил неуверенность Рокко. Когда Карталон подвел Сура к бревнам, он уже явно нервничал. Спокойно разговаривая со слонем, Карталон быстро перешел на другую сторону и поманил его за собой. Сур, привыкший повиноваться, поставил ногу на бревно и сделал второй шаг. Но тут он вдруг остановился: бревно шевельнулось. Гизгон предложил Карталону дать Суру горсть соли. Карталон фыркнул:

— Он это делает и без соли.

Но, несмотря на все уговоры Карталона, Сур не мог преодолеть страха. Сделав два шага вперед, он тут же попятился. Так повторялось несколько раз. Карталон тоже делал навстречу слону все те же два шага, потом опять шел назад — это было смешно, и все громко смеялись. Карталон топнул ногой, поскользнулся и упал. Сур испуганно повернулся, наступив на бревна задними ногами, бревна опять закачались.

Карталон не видел никого, кроме Сура.

— Марш за мной! — грубо закричал он.

По дороге назад он не переставал бушевать и топтать ногами. Сур следовал за ним на некотором расстоянии. Кончик хобота он держал засунутым в рот, как до этого Рокко. Ругаясь, Карталон в бешенстве привязал слона и исчез в палатке. Весь день он больше не показывался.

Я остался с Суrom. Я разговаривал с ним, все время чувствуя, что он замкнулся в себе.

— Карталон не должен был этого делать, — говорил я слону. — Ты победил Рокко, и тебе вовсе не надо было еще доказывать свою храбрость.

Я старался найти слова, которые успокоили бы Сура.

— Лучше бы ты принес ему воды,— сказал кто-то сзади меня.

Я оглянулся и увидел человека, не похожего ни на погонщика слонов и ни на солдата-наемника.

Его глаза были большими и темными, лицо узким. Он был едва ли выше меня.

— Я Силен, писарь,— сказал человек. На вид ему было лет сорок.

— Ты думаешь, Сур хочет пить? — спросил я.

— Принеси полный кувшин воды, лучше сразу два,— посоветовал Силен.

Я принес воды. Сур набрал полный хобот, обрызгал себе сначала ноги и грудь, потом бока и спину.

— Почему он это делает? — удивился я.

— Он чувствует себя запачканным,— сказал Силен.— Смыкает с себя напавший на него страх.

Сур ополаскивался основательно. Я три раза ходил за водой.

— Теперь ты можешь с ним поговорить,— сказал Силен.— Он понятливее африканцев.

— Разве он не африканец?

— Сур — индус*. Или ты не знал этого?

Карталон мне этого не говорил. Теперь я понял, почему Сур так сильно отличается от других слонов. Он выше, его нежная кожа намного светлее землистой кожи других слонов, африканских. Высшая точка роста находится у него не на загривке, а в середине спины. Его уши намного меньше, они похожи не на угрожающие щиты, а, скорее, на большие листья — как раз сейчас, когда я смотрел на них, Сур помахивал ими в воздухе. Но сильнее всего отличался Сур от других слонов своим лбом. Лоб у него был выпуклый, и это придавало Суру достоинство, которого не было у остальных слонов.

— Прежде чем прийти сюда, он оставил позади себя весь знакомый нам мир,— сказал Силен.— Я знаю, как далек путь к этому миру.

Я взглянул на него с недоверием:

— Ты был там, откуда пришел Сур?

— Там были многие из нас,— ответил Силен.— С тех

пор как Александр* прошел этим путем, туда потянулось много греков. А откуда ты?

— Я из Сагунта.

На этот раз удивился Силен.

— Сур нашел меня в развалинах.— Я рассказал Силе-ну, как это было.

— Значит, он сам выбрал тебя своим погонщиком,— задумчиво сказал Силен; он посмотрел на Сура.— Теперь он опять спокоен. Погляди на него: насколько он мощнее других! Этот однобивневый слон — их тайный господин.

Я посмотрел на Сура: он тихо покачивался, погруженный в себя.

Силен спросил, не хочу ли я отправиться с ним к слоновьему броду. Я ни минуты не колебался. Силен мне понара-вился.

5

Когда мы с Силеном пришли к слоновьему броду, вода блестела на солнце. Мы уселись на высокой скале, которая была такой теплой, что казалась живым существом. Приближалась весна. Дни стали заметно длиннее. Коричневая земля прорастала зеленью. Силен смотрел на воду. Казалось, он забыл и про меня, и про слонов.

— И другие слоны мне нравятся,— сказал он вдруг.— О них я тоже высокого мнения.

— Ты говоришь об африканцах?

Силен вопросительно взглянул на меня:

— Разве Карталон тебе не рассказывал, что лесные слоны в Сала* почитаются небесными созданиями, которые спускаются с облаков на землю и живут здесь сто лет? И что в новолуние они собираются и обсуждают, достойна ли еще земля их посещений? — Силен заметил, как удивили меня эти слова.— Я знаю,— продолжал он,— я знаю, что Карталон смотрит на слонов не так, как я. Для него важно, чтоб они были сильными, чтоб их можно было хорошо использовать на войне. Но они вовсе не созданы для насилия, даже если и похожи издали на скалы. Они чувствуют более тонко, чем любое другое животное. Их спины легко ранимы тяжелыми ношами, и менее всего пригодны слоны для взламывания стен и топтания людей.

— Действительно, Карталон другого мнения,— встал я.

— Сур вовсе не воин,— решительно сказал Силен.— Африканцы порой делают вид, будто созданы для того, чтобы распространять вокруг себя ужас. Когда они поднимают над головой наподобие щитов свои огромные уши, когда вздымают к небу свой хобот, когда топчут ногами — так, что содрогается земля,— тогда лучше держаться от них подальше. Как правило, они любят жить в мире, но люди все время стремятся посадить им на загривок погонщика, даже в Индии. С тех пор как Александр натолкнулся в походе на боевых слонов, их стали домогаться для своих армий все властители, чтобы использовать как движущиеся крепости. На берегу Красного моря даже создан был слоновий рынок. Фараоны продавали боевых слонов карфагенянам. Хотя слоны не всегда делали то, чего от них ожидали. Это правда, они не раз растапывали бунтарей и врагов, когда их до этого доводили. Один слон ворвался в осажденный город, чтобы отыскать своего павшего в бою погонщика, убивая при этом и своих и чужих. Лишившись всякой надежды найти своего друга, он лег, раненный, под разбитой стеной, не желая больше никого убивать. Этого слона звали Никон, его имя до сих пор не забыто... *

Силен замолчал. Солнце спустилось ниже, но еще грело достаточно сильно.

— В Индии,— оживился Силен,— слона считали верховным животным бога Индры, а Ганешу — бога мудрости — там изображают человеком с головой слона. Индусы верят, что мир стоит на восьми слонах. Под крышей мира — в лесах, где вырос Сур,— находятся переполненные жизнью ущелья. Цветки миндаля там крупнее, чем бабочки. Над вершинами утесов кружат орлы. Под огромными деревьями раскинулись мшистые ковры, на которых в лунном свете играют с кроликами яки. И слоны там танцуют, околованные луной, а с заходом луны скрываются в джунглях — бесшумно, как облака в темном небе. Индусы называют слона Хастин, что значит — Умелый. Слоны большие путешественники, они вечно странствуют в поисках воды. Они высылают вперед разведчиков, которые приносят им сведения о хороших пастбищах. Слоны легко

преодолевают высокие горы, они не боятся даже снега. В любой местности находят они правильную дорогу. Сур проделал далекий путь — именно это отличает его от других.— Помолчав, Силен добавил: — В один прекрасный день Сур отправится назад.

Я испуганно взглянул на него.

— Индусы называют это Махапрастан — Большое Приключение. Оно никого не минует.

Слоновый брод тем временем стал совсем красным. Солнце повисло над горизонтом. Силен смотрел на закат, его лицо пылало.

— Пошли назад,— предложил он.— Становится прохладно.

Я проводил его до палатки, снаружи она ничем не отличалась от той, в которой жили мы с Карталоном.

— Я здесь всего несколько дней,— сказал Силен.— Я был в Гадесе* вместе с Ганнибалом. Как только лагерь наполнится наемниками, он тоже вернется. Если хочешь, приходи ко мне завтра,— пригласил он меня, прежде чем скрыться в палатке.

6

Понемногу в лагерь стали возвращаться отпущенные на отдых наемники. Некоторые вели за собой ослов с поклажей — столько надавали им из дому вещей. Я слышал, как один из них похвалялся: «Этого мне хватит до самого Рима!»

В лагере стало весело, никто уже не ходил в город. Иногда наемники по ночам вели себя так шумно, что это беспокоило слонов. Погонщики стали жаловаться начальникам. Те в ответ только смеялись: то ли еще будет!

Карталон нашел верное средство, чтобы держать в покое Сура. Между передними ногами слона он привязал курицу, и Сур, боясь на нее наступить, не двигался с места. Карталон все еще не мог простить Суру поражения. Он без конца устраивал ему новые испытания и настаивал на том, чтобы при этом присутствовал не только я, но и другие погонщики. Сур со всем легко справлялся. Он перетаски-

вал тяжести, брал препятствия и вытапывал ногами ямы там, где ему приказывал это делать Карталон. Карталон называл эти ямы окопами. Когда на дне ямы появлялась вода, Сур отсасывал ее.

Силен, которому я рассказал об этих окопах, объяснил мне, что слоны давно уже копают колодцы — в этом деле они мастера.

Один раз, когда я вернулся от Силена, Карталон упрекнул меня:

— Лучше бы ты совсем перешел к нему в палатку!

— Я бываю там слишком часто? — спросил я.

— Да, — сказал он грубо.

Вскоре выяснилось, что в нем накопилось. Слово «грек» он употреблял как ругательство. Он обвинял Силена в мыслях, которые настоящий карфагенянин считает постыдными. Особенно возмущало его то, что Силен причисляет кельтов и римлян к таким же людям, как и карфагеняне.

— И такой человек — писарь у Ганнибала! — горячился Карталон.

Потом он упрекнул меня в том, что я забыл, кто вытащил меня из-под развалин. Я молча смотрел на него. Он хотел, чтобы я защищался. Но я ничего не сказал. Тогда он немного поостыл и признал, что Сур мною доволен.

— Я только не хочу, чтоб из тебя получился грек. В тебе сидит карфагенянин! — Под конец он успокоил меня: — Считай, что между нами ничего не было.

Он вынул из кармана монету и потер ее рукавом. Потом он показал ее мне той стороной, на которой изображена была вздыбленная лошадь.

— Ты видишь, она подняла передние копыта. Она убьет всякого, кто осмелится встать на ее пути: Карфагенский бог войны Хаддад* поднял ее на дыбы! Ты должен знать, что там, где карфагеняне искали место для постройки города, они сперва нашли череп быка — верный знак бедствий и порабощения. Строить там город не было смысла. Тогда они стали копать в другом месте. Здесь они обнаружили в земле череп лошади — знак власти над другими народами. — Карталон все еще тер монету рукавом, пока она не заблестела. — Я подарю тебе лошадь Хаддада, —

сказал он и с этими словами потащил меня из палатки.

Я не знал, что у него на уме, но мне было ясно: он что-то задумал.

Он отвязал Сура от колышка. Не обращая внимания на взгляды и вопросы погонщиков, он повел меня и Сура к песку, лежавшему между штабелями дров и окопом, который Сур отказался перейти. Очевидно, он хотел предоставить Суру возможность исправить свою оплошность.

Он подмигнул мне:

— Пусть Сур ее тебе вручит,— сказал он и бросил монету под ноги слону — сзади, так что Сур не мог видеть куда.

Я с интересом ждал, что за этим последует.

Монета исчезла в песке. Сур получил приказ найти ее. Он повернулся, постоял минуту в раздумье, потом стал ошупывать хоботом песок.

Через несколько минут он выловил ее кончиком хобота и протянул Карталону. Карталон показал на меня. Сур протянул монету мне, и я взял ее. Взглянув на нее, я немного смутился.

— Не хочешь ее? — спросил Карталон.

— Хочу,— сказал я,— но на ней вовсе не лошадь Хаддада. На ней какая-то пальма...

Карталон взял монету.

— Что за ерунда! — крикнул он и сердито бросил монету. Сур видел, куда она упала, и, несмотря на возражения Карталона, опять поднял ее и протянул мне во второй раз.

— Ищи Хаддада! — резко приказал Карталон.

Сур послушался. Он искал так долго, что Карталон потерял терпение и стал сам копать в песке. Я тоже. Сур следил за нами. Но монета Хаддада исчезла.

— Он проглотил ее! — рассвирепел Карталон.

Я не понял, кого он имеет в виду: песок или Сура? Я крепко зажал в руке другую монету, подаренную слонем. Карталон был так зол, что совсем позабыл о ней. Он топал на слона ногами — как в тот раз, когда Сур испугался качающихся бревен.

Из лагеря донесся какой-то шум. Наемники бежали и кричали. Наконец мы поняли в чем дело: возвращается Ганнибал!

Настроение Карталона сразу же изменилось.

— Теперь все будет по-другому! — заволновался он. — Безделью конец! Теперь-то каждый сможет себя показать! И ты тоже! — Он дружелюбно толкнул Сура в бок.

Прошел Силен. Он спешил на площадь посреди лагеря, где разбивали красную палатку.

Карталон презрительно посмотрел ему вслед:

— Этот никогда не поймет, для чего созданы слоны! Но Ганнибал это знает. Ты видишь: его еще нет, а все уже пришло в движение!

Карталон словно помолодел лет на десять. Когда я хотел поднять с земли цепь, которой привязывали Сура, Карталон легко опередил меня. Потом он смешался с толпой погонщиков. Оставшись с Суrom, я раскрыл ладонь и стал разглядывать монету. Я радовался, что у меня осталась именно эта монета, хотя она и была меньше первой. Ведь ее подарил мне Сур. Пальма на ней уже сильно истерлась, но это меня не огорчило. Я даже не стал ее чистить. Я сунул ее в мешочек, который висел у меня на шее на кожаном шнурке. В нем я раньше носил свои сбережения; их я выбросил в ту самую шахту, в которой исчезли клады богачей. Теперь в мешочке лежала только одна монета, которую мне подарил Сур.

К вечеру по лагерю разнеслась весть, что Ганнибал вернется через два дня. И сразу же устроит смотр войскам.

— Тогда ты наших слонов не узнаешь! — сказал Карталон.

Его глаза лихорадочно блестели.

7

Возбуждением был охвачен не один Карталон, а весь лагерь. Все лихорадочно чистили оружие, приводили в порядок военные доспехи. Наемники с покрасневшими лицами подставляли солнцу кончики копий и лезвия мечей, чтобы убедиться, достаточно ли ярко они блестят. С доспехов выводили ржавые пятна, всадники чистили скребницами лошадей и так долго возились со своими седлами и оружием, что под конец все сияло — от шлема на голове всадника до копыт лошади. Весь лагерь подмели, перед красной па-

латкой постелили ковры и установили шесты с натянутыми на них широкими ярко-красными полотнищами. Полотнища и стены палаток колыхались от морского ветра. Воздух был полон вопросов, криков, приказов; иногда раздавалась ругань — это когда у какого-нибудь начальника лошадь блестела меньше, чем у другого, или когда на метательном снаряде вдруг обнаруживались следы ржавчины. За плохо начищенный щит наказывали строже, чем за убийство, и бывало, что людей заставляли взрыхлять коленями и локтями песок перед лагерными воротами, вместо того чтобы дать им время дочистить оружие. Чем выше был поставлен человек, тем больше он волновался,— это было правилом. Некоторые из погонщиков совсем потеряли голову. Карталон все делал очень спокойно и тщательно, а иногда помогал и тем солдатам, которые боялись, что не успеют вовремя подготовиться к смотру. Ясно, что погонщики не могли обойтись без помощи друг друга: один человек мог оседлать лошадь, но не слона.

— Скоро ты Сура не узнаешь! — опять повторил Карталон, когда мы вели слона к палаткам, в которых всю зиму хранилось слоновье снаряжение.

Через несколько часов передо мной стоял колосс, в котором я и правда не сразу узнал Сура. С боков слона свисала попона устрашающе красного цвета, грудь покрывал железный щит, усаженный острыми шипами. На голове укрепили букет страусовых перьев, таких красных, словно они были обрызганы кровью. Так Сур превратился в крепость, готовую двинуться вперед по приказу Карталона.

Изменился и голос, которым Карталон отдавал приказы Суру. Ходячая крепость повиновалась ему беспрекословно. Карталон показал Сура другим погонщикам, чтобы они тоже могли им полюбоваться, сам же расхваливал вид других слонов.

Такими я видел слонов со стены, когда они атаковали Сагунт. Теперь я рассматривал их вблизи уже безо всякого страха. Сур казался мне подавленным. Он печально уставился в пустоту.

— Может быть, ему чего-нибудь не хватает? — спросил я у Карталона.

— Чего ему может не хватать? — ответил Карталон. — Сейчас-то он намного красивее, чем обычно...

Он оборвал разговор, сердясь то ли на меня, то ли на Сура.

— Смотри не осрами меня завтра! — предупредил он Сура. — Ни на кого он не будет смотреть так внимательно, как на тебя. Для него ты самый главный — и ты это знаешь!

Сур никак не реагировал на эти слова. Вечером, когда его опять привязали к колышку — уже без красной попоны, без доспехов и перьев, — он оставался таким же замкнутым. С другими слонами творилось то же самое. Все они были такими же угрюмыми. Было ясно, что им не нравится то, что сейчас с ними делают.

По дороге в палатку Карталон молчал. Только в палатке он дал волю своему раздражению:

— Что он себе только думает? Ему кажется, что он все еще тот самый безобидный пожиратель травы, каким был раньше, а вовсе не страшный колосс, перед которым дрожат целые легионы!

Карталон был взбешен. Казалось, он хочет с кем-нибудь подраться, и всерьез, а не так, как тогда с Гизгоном. Его глаза злобно сверкали, шрам горел.

— Волчье отродье! — гневно выдохнул он. — Давить их надо! Для этого и существуют слоны — для чего же еще?

Его лицо опять приняло спокойное выражение, только глаза еще оставались злыми.

— Не так-то просто заполучить слонов и приучить их к войне, — сказал он. — В Африке много лесов и ущелий, и слоны ориентируются там лучше нас. В степи они выставляют часовых, которые зорко за всем наблюдают. Часто они обманывают нас, но иногда мы застаем их врасплох: когда ветер дует с их стороны и не приносит никаких запахов. Тогда они и попадают в расставленные ловушки. Они стоят, ничего не подозревая, как вдруг повсюду вспыхивает огонь! Это горит вовсе не степь — это факелы погонщиков! Тогда стадо впадает в панику. Вожак видит в кольце огня просвет и устремляется в него, а за ним все стадо. Но там вырыты ямы! И кто в них попадет, тот наш. Сперва слоны не верят, что мы друзья. Но голод делает их ручными. Когда они через несколько дней возьмут из наших рук пищу, то станут совсем другими. Часть нашего «я» переходит в них. Тогда мы отправляем их в Карфаген. Во внутренней

стене города устроены стойла для трехсот слонов. Они поселяются в этих стойлах и становятся карфагенянами, как и ты.— Он внимательно посмотрел на меня.— О, владыка мира! — воскликнул он вдруг.— Из-за этих слонов я совсем забыл о тебе! Таким ты не можешь предстать перед его глазами.

Карталон был одет во все сине-красное, как и все погонщики, когда они сидят на готовых к бою слонах. Я же все еще был в одежде, которую носил в Сагунте. Карталон достал еще один сине-красный костюм и заставил меня надеть его, но он был мне слишком велик.

— Не беда! — рассмеялся Карталон.— Старайся быстрее подрасти...

Он повязал мне голову белым платком, таким же, как у него. Потом он отступил, рассматривая меня.

— Второй Карталон! — крикнул он восторженно.— Вот Сур-то удивится!

Я смущенно оглядел свое одеяние.

— Смотри на меня! — весело крикнул Карталон.— Тогда тебе станет ясно, как ты выглядишь!

Я еще никогда не видел Карталона таким беззаботным. Его настроение передалось и мне.

— Представляешь, — продолжал Карталон, — представляешь, как ты будешь выглядеть завтра на спине Сура? Готов поспорить, что с тобой заговорит сам Ганнибал! И еще я знаю: он примет тебя за карфагенянина! — Карталон запнулся.— Видел ли ты его когда-нибудь?

— Только его плащ, — сказал я, опустив глаза.

Карталон смутился.

— Забудь об этом! — сказал он.— Ты видишь, я уже совсем позабыл, что ты из Сагунта. И ты об этом забудешь, когда узнаешь его по-настоящему...

8

Карталон встал задолго до рассвета. Когда он меня разбудил, было еще темно. Он уже накормил и напоил Сура. Я надел свою новую одежду погонщика. Мы быстро поели, а потом не оставалось больше ничего, кроме забот о слоне.

Задолго до обеда наемники и слоны построились на равнине перед лагерем. Целых два часа в воздухе раздавались только приказы. Потом все стихло. Сигнальщики сообщили: едет Ганнибал.

Я сидел на Суре — между Карталоном и кроваво-красным букетом перьев. Я увидел, как вдоль реки приближается облачко пыли. В середине горело пятно, как солнце в предрассветном тумане. Я разглядел всадников, они быстро приближались. Я сосчитал их — восемь, кроме Ганнибала.

Карталон шепнул мне, кто эти всадники: это братья Ганнибала — Магон и Гасдрубал, командир конного отряда Магарбал, начальник наемников Мономах, личный врач Сунхал, жрец Богуд и два наблюдателя из Карфагена — Миркан и Бармокар... Карталон еще что-то сказал, но его слова потонули в диком реве — Ганнибал въехал в середину открытого четырехугольника, образованного пешими, всадниками и слонами.

Сопровождающие немного отстали, и Ганнибал остановил свою лошадь. Лошадь под ним отливала чернотой, и алый плащ всадника еще усиливал этот блеск. Казалось, что ночь ворвалась в яркий день и ослепила его. Ганнибал поднял руку. Стало тихо.

Ганнибал начал на финикийском, потом перешел на язык наемников*. Солдаты отвечали ему оглушительными выкриками. Казалось, будто волшебник разговаривает с горами, и горы, по очереди просыпаясь, вторят ему раскатами грома. На любой его призыв наемники отвечали диким ревом одобрения.

Карталон восторженно орал, я тоже. Я кричал даже тогда, когда не понимал слов Ганнибала.

Закончив говорить, Ганнибал стал объезжать войско. Он начал с противоположной нам стороны. И там стояли слоны. Возле них он задерживался дольше, чем перед сотнями наемников. Беспokoясь, что я не понял финикийских слов, Карталон стал переводить мне речь Ганнибала на иберийский.

Он говорил взволнованно, дыша мне в самое ухо.

— То, что ты видишь, — начал Карталон хриплым голосом, — это лучшая армия, которую когда-либо носила на себе земля! Эта армия перемелет Рим. Рима не должно существовать, чтобы он не покорил нас, как покорил уже

сотни городов. Чем был когда-то Рим? Грязной деревней! Кем были римляне? Грубыми мужиками, которые даже не знали, как держать в руках весло! Но к тому времени моря уже принадлежали Карфагену. Карфагеняне утвердились на всех побережьях. Без разрешения карфагенян римлянин не смел ополоснуться в море. И так будет опять. Барка — Молния — подарил Карфагену испытанную армию, верных слонов, готовых двинуться на врага подобно стене! Эта стена уже шагнула через море, в Иберию, чтобы основать здесь еще один город — Новый Карфаген*. Перед старым Карфагеном Рим уже разучился дрожать. Там сидят в красных креслах люди, которые мило беседуют с римлянами, вместо того чтобы с ними сражаться. Отныне Карфаген здесь! Карфаген — это он!

Последние слова Карталон прокричал, иначе бы я его не расслышал: в ответ на обращение Ганнибала опять раздался рев. Ганнибал приближался к нам.

Карталон продолжал:

— Я видел, как Ганнибал побеждал превосходящих по численности врагов. Так, однажды, когда олкады* хотели перейти реку Ибер, армия Ганнибала отступила. Олкады опьянели от ложной победы. Когда они приблизились к нашему берегу, всадники и слоны Ганнибала напали на них. Тогда-то олкады и хлебнули своей победы — все утонули! Ганнибал знает, как одолеть врага, даже когда на одного из наших приходится трое чужих. На него ты можешь положиться...

Опять раздался рев солдат одного из отрядов, поэтому Карталон закричал:

— За нас думает он! Достаточно ненавидеть римлян так, как он, — большего не надо. Мы похороним все это волчье отродье! Ты должен ненавидеть римлян, ибо другого они не заслуживают! С самого начала они были разбойниками. Ромул — первый римлянин — убил своего брата Рема только за то, что Рем перепрыгнул канаву, которую Ромул вырыл, чтобы разделить «твое» и «мое». Во все времена Рим устанавливал границы, стоившие другим жизни. Но теперь Ганнибал уничтожит римлян...

Ганнибал тем временем подошел к наемникам, выстроившимся возле слонов. Карталон перегнулся вперед, его губы коснулись моего уха.

— Теперь дело за тобой,— прошептал он.— Слушай, что я скажу.— Ганнибал был младше тебя, когда отец заставил его поклясться перед алтарем Молоха* в вечной ненависти к римлянам. Ему было всего девять лет. А тебе уже двенадцать... Клянись! — крикнул Карталон, потому что наемники опять заревели.— Клянись Ганнибаловой клятвой: «Я буду ненавидеть Рим, пока он не исчезнет! Я буду топтать римлян!..» — Он затряс меня, стараясь перекричать наемников.

Но я уже не понимал смысла его слов: наемники кричали слишком громко.

Тут Ганнибал направился к нам. Он ехал вдоль строя слонов. Перед Суром он остановил лошадь и спешился. Я удивился, какой он маленький,— в седле он выглядел высоким. Я увидел, как он сунул руку в один из седельных мешков. Подходя к Суру, он протянул слону кусок каменной соли. Теперь я близко видел его лицо, его глаза и тразу забыл о его маленьком росте.

— Сур,— сказал Ганнибал.— Старина! Давненько мы не видались. Как живется? — обратился он к слону, и Сур взял из его руки соль.— Впереди у нас большой путь,— продолжал Ганнибал.— Так далеко еще не ходил ни один слон: мы отправляемся через Альпы!

Сур засунул кусок соли в рот. Потом он стал размахивать хоботом — это означало, что он доволен.

— Прогулка будет нелегкой,— доверительно сказал ему Ганнибал.— Но ты всегда был молодцом, чего бы от тебя ни требовали.

Сур положил свой хобот на плечо Ганнибала. Это был признак особого доверия — так он делал только с Карталоном и со мной.

— Хитрец! — улыбнулся Ганнибал.— Мы понимаем друг друга!

Ганнибал взял хобот слона и потерся об него лицом. Потом он взглянул вверх, на меня и Карталона.

— Что это значит? — воскликнул он весело.— У тебя сын?

— Можно так сказать,— заулыбался от этих слов Карталон.— Мальчик обязан мне жизнью.

— Ну, маленький Карталон, как ты управляешься с Суrom? — спросил меня Ганнибал.

— Как нельзя лучше,— ответил я по-финикийски.

— Разве ты не карфагенянин? — поразился Ганнибал.

— Он будет им,— заверил его Карталон.

Ганнибал рассмеялся:

— Ты и Сур подходите друг другу!

При этом он смотрел не на Карталона, а на меня. Я еще никогда не видел таких глаз.

— Надеюсь на тебя, маленький карфагенянин,— сказал он мне.— Такие, как ты, мне нужны.

Я почувствовал, как загорелось мое лицо. Не спуская с меня глаз, Ганнибал сел на лошадь, чтобы двинуться дальше.

— С ним ты отправишься в поход,— прошептал позади меня Карталон.— Или ты все еще хочешь поменяться с кем-нибудь, кто не с нами?

Я хотел сказать «нет», но это «нет» застряло у меня в гортани.

— Не забывай, что ты поклялся ненавидеть римлян так же, как он!

Я все еще смотрел на отъезжавшего Ганнибала. Я не мог признаться, что вовсе не клялся. Я не мог признаться в этом даже самому себе.

9

Теперь я видел его часто, почти каждый день, и он всегда замечал меня, когда я появлялся неподалеку. «Мой маленький карфагенянин!» — кричал он мне еще издали. Казалось, Ганнибал знал в лагере всех людей, несмотря на то что было их здесь около сорока тысяч. Все они сопровождали его в разных походах, вместе с ним голодали, на его глазах отличались в бою или бывали ранены. Большинство из них служили еще его отцу. Всем им всегда вовремя и хорошо платили. Некоторые из них обязаны были Ганнибалу жизнью. На залитых кровью полях лежали они с ним, как убитые, когда после страшной работы оружие выпадало у них из рук.

Обо всем этом я знал от Карталона, который рассказывал мне о походах Ганнибала, и особенно часто с тех пор, как он появился в лагере.

— Каждому из нас он родной брат,— уверял меня Карталон.— Так же, как его отец, Барка, был каждому из нас отцом. Откуда бы ни пришел человек, в лагере Ганнибала он становится карфагенянином.

Карталон знал много историй не только о Ганнибале, но и о его отце — Барке.

— Даже загнанный в ловушку, Барка все равно оставлял врага с носом,— рассказывал Карталон.— Один раз римские триеры* окружили корабль с красными парусами, на котором находился Барка. Когда на врага были брошены последние копья, Барка стал защищаться глиняными горшками. Он повелел бросать их на триеры преследователей. Римляне сначала смеялись над этими странными снарядами, но когда горшки раскололись, никто уже не смеялся: триеры вдруг закишели ядовитыми змеями, которые накинулись на римлян. И Барка ускользнул. Он вышел невредимым даже из горных крепостей Эрикэ и Эйркте, где выдерживал долгую осаду римлян в первой войне. За право покинуть крепости вместе со своим войском римляне потребовали плату: восемнадцать денариев за каждого человека. Но в результате за это заплатились римляне, ибо с этими выкупленными воинами Барка завоевал Иберию, а Ганнибал завоеует с ними Рим — он обещал это в Гадесе.

Теперь я знал, почему Ганнибал ездил в Гадес, в то место, где Африка ближе всего подходит к Иберии, возле Геркулесовых Столпов. По требованию верховного жреца Богуда Ганнибал приносил там жертву Мелькарту* — герою, ставшему богом.

— Время от времени верховный жрец любит задабривать богов,— сказал Карталон.— Но мне кажется, что Ганнибалу это вовсе не нужно. Ведь у него есть мы! Каждый из нас в этом лагере даст разорвать себя ради него на куски! Кроме этих двух наблюдателей из Карфагена! — поправился он.

Вот уже пять дней эти двое были у всех на языке.

«Миркан, Бармокар! Пособники Рима!» — об этом кричали повсюду. Смятение охватило весь лагерь. Карталон потащил меня за собой. Его глаза опять злобно сверкали.

— Они стоят у позорного столба! — кричали вокруг.

Все бежали к холму перед воротами лагеря. Когда мы пришли туда, холм уже был окружен плотной стеной воинов. Карталон подталкивал меня вперед. Мы с трудом протиснулись сквозь толпу, и я увидел двух наблюдателей, привязанных к столбам. Я с трудом узнал их — наголо обритых, с окровавленными лицами.

Перед ними стоял Мономах*. В руке он держал плетку. Рядом с ним находился еще какой-то карфагенянин, раньше я его никогда не видел.

Никого в лагере не боялись больше, чем Мономаха, который командовал пехотой. Он был кумиром наемников; говорили, что он убил своей рукой более четырехсот врагов.

Мономах обвел взглядом толпу — все замолчали. Тогда он велел говорить стоявшему рядом незнакомцу.

Человек объяснил:

— Я пришел из Карфагена. Четыре дня тому назад в городе появились послы от римлян. Они подали жалобу на разрушение Сагунта. Это их дело. Но они потребовали отдать под суд Ганнибала. В этом нет ничего удивительного — все привыкли к наглости римлян. Но послушайте, что потребовал Ганнон*, старый враг Барки! Он, этот предводитель тех самых карфагенян, в руках которых вместо оружия набитые кошельки, потребовал, чтобы Ганнибала выдали римлянам!

Вопль ненависти потряс воздух над холмом.

— А один из партии Ганнона даже предложил, чтобы Ганнибала распяли на кресте, как проигравшего битву! Толпа опять заревела.

Мономах ударил привязанных к столбу плетью.

— Дай им! — закричали вокруг. — Сорви с них лживую маску!

— Они разоблачены, — язвительно оскалился Мономах. — Мы проверили, что у них под одеждой. Лживое нутро прожгло им кожу и выступило на ней!

Мономах разорвал на пленниках рубахи. Все увидели, что на коже Миркана и Бармокара выжжено клеймо: пучок розог и топор — символ Рима.

— Предатели! — закричали в толпе. — Римляшки! Негодяи!

— Проход Ганнибалу! — раздался вдруг громкий голос Мономаха.

Толпа расступилась, и в проходе появился Ганнибал, сопровождаемый Магарбалом и Силеном.

— Что с вами? — удивленно спросил Ганнибал у обоих наказуемых. — Я вас почти не узнаю!

— Теперь ты видишь их истинные лица! — убежденно сказал Мономах.

Ганнибал подошел ближе. Бармокар отвернулся от него, а Миркан с ненавистью смотрел прямо на Ганнибала.

— Что ты так смотришь? — спросил его Ганнибал.

— Потому что я тебя ненавижу!

— Откуда у тебя столько ненависти?

Я люблю Карфаген!

Я тоже люблю Карфаген, — сказал Ганнибал.

— Нет! — крикнул Миркан. — Ты против Карфагена!

— Как ты можешь это утверждать? — спокойно спросил Ганнибал.

— Ты такой же, как твой отец! — продолжал кричать Миркан. — Он тоже думал только о войне. Но твои войны поглотят больше людей, чем войны твоего отца! Не на Рим — на Карфаген падут развалины Сагунта! — Миркан так кричал, что раны на его лице опять стали кровоточить.

Ганнибал заметил клеймо на теле Миркана и смущенно обратился к Мономаху:

— Ты зашел слишком далеко...

Начальник наемников стал оправдываться:

— Таких надо клеймить, как скотов, чтобы не было сомнений, кто их хозяин...

Ганнибал приказал отвязать Миркана.

— Отпустить этого негодяя? — возмутился Мономах.

— Отпустить обоих! — еще резче приказал Ганнибал.

Миркана и Бармокара освободили от веревок.

— Возвращайтесь к Ганнону, — сказал им Ганнибал. — Скажите ему: сделаю, что он хочет — добровольно отправлюсь в Рим.

Наступила мертвая тишина. Все вытянули головы.

— Да, я предстану перед римлянами! И эти все люди тоже будут скоро стоять перед воротами Рима!

Раздались громкие крики одобрения. Когда шум смолк, Ганнибал продолжал:

— Но мы придем туда не для того, чтобы вести переговоры. Мы будем действовать! С нами будет не так просто,

как с теми карфагенянами, которые думают, что все на свете можно купить, вплоть до собственной чести. Скажи, сколько заплатил Ганнон за свой новый пост? — едко спросил он Миркана. — Пятьдесят талантов* золота, не так ли?

Миркан не ответил.

— Ну, что ж, он не прогадал, — продолжал Ганнибал. — Я слышал, что римляне заплатили ему сто талантов за то, чтобы выдать меня!

— Это ложь! — выкрикнул Миркан.

Его голос потонул в воплях ненависти. Ганнибал призвал к молчанию.

— Передайте привет его попугаю! — крикнул он двум карфагенянам.

Все в лагере знали, что приверженцы Ганнона подарили своему предводителю попугая, который был научен говорить: «Ганнон всегда прав».

— Попугай повторяет все, что ему вдолбили, — это не удивительно, — с издевкой продолжал Ганнибал. — Удивительно, что Ганнон все повторяет за римлянами! Передайте ему привет, вашему попугаю Ганнону!

Миркан и Бармокар спустились с холма, сопровождаемые слехом. Карталон в восторге барабанил по моей спине. Он делал мне больно, сам того не замечая. Мне было не до смеха. Я смотрел на бесстрастное лицо Силена. Когда все смолкли, Ганнибал обратился к посланцу из Карфагена:

— Ну а что было дальше? С этими римлянами и советом* ста?

Человек ответил:

— После бесконечных переговоров наши наконец спросили: «Чего римлянам, собственно, угодно, ибо Ганнибала им не заполучить». Тогда предводитель римлян засунул в тогу кулаки и объявил: «В одном кулаке у меня мир, в другом — война!» — «Давай что хочешь!» — сказали наши. Римлянин раскрыл правый кулак и крикнул: «Вот вам война!»

— Слышите — война! — заключил Ганнибал. — И они ее получают!

— Война! Война! — взревели тысячи людей, окружавших холм.

Передние кинулись к Ганнибалу и подняли его на руки.

В толчее я потерял Карталона. Толпа понесла Ганнибала с холма по дороге в лагерь.

— Ганнибал прав! Ганнибал прав! — кричали в толпе.

10

На холме остались я и Силен. Мы стояли возле одиноких столбов. Силен был бледен. Он молча направился к слоновьему броду. Я пошел за ним. Там мы уселись на скале, как и в первый раз. В моей голове все перемешалось. Я не мог поверить, что Ганнон — карфагенянин Ганнон — потребовал выдачи Ганнибала римлянам. Но Силен подтвердил это, хотя не сказал против Ганнона ни слова. Он даже стал его защищать:

— По-другому он поступить не мог. Он человек старого закала. Финикийцы — предки карфагенян — были скорее хорошими купцами, нежели воинами. Они не стремились завоевывать земли — они бороздили моря на торговых кораблях. Их звали красными, потому что торговали они в основном пурпуром. Когда они закрепились в Африке, они заплатили африканцам много денег, чтобы построить здесь город и порт — основать Карфаген. Они всегда и везде за все платили: за серебро и олово, за золотой песок и слоновую кость, за львиные шкуры и лес. За это их везде принимали с радостью. Они платили за все — так они завоевывали мир. Их грузы текли рекой: янтарь с севера навстречу золоту с юга, благовония с востока навстречу корабельным канатам с запада. От всего этого им, конечно, многое и перепало, но и они брали на себя немалый риск. Их корабли отваживались доплывать до самых дальних островов за Геркулесовы Столпы. Они даже добрались до загадочной страны Агисимба*, где обитают гиппопотамы. Один карфагенянин, по имени Магон, трижды пересек огромную пустыню, не обращая внимания на песчаные бури и на разбойников, скрывающихся в оазисах. Другие путешественники достигли широт, где зимой моря покрываются льдом; а одному из них удалось обогнуть на корабле Африку. И то, что кажется в их рассказах небылицей, только доказывает, что им посчастливилось увидеть самое необычайное: солнце, которое день

за днем вставало от них по левую руку, однажды встало по правую!* Так случилось, когда они огибали Африку. Во все времена карфагеняне были моряками, первооткрывателями, исследователями пустынь, купцами — только не воинами. Когда им надо было защищаться, они покупали себе наемных солдат. Но войну они ненавидели. Они стремились с ней скорее покончить. Просчитавшихся полководцев они строго наказывали. Это правда, своих собственных полководцев, проигравших битву, они распинали на кресте...

— И ты это одобряешь?

Это спросил не я. Между мной и Силеном упала тень; сзади стоял Карталон.

— Я повсюду искал тебя! — упрекнул он меня.

— Подсаживайся к нам! — пригласил его Силен.— Мы говорим о Карфагене.

— С меня достаточно того, что я только что услышал,— холодно ответил Карталон.

— Я еще не кончил,— спокойно сказал Силен.

— Ответь мне только на один вопрос,— потребовал Карталон.— Если бы от тебя зависело дать ответ римлянам, ты выбрал бы войну?

— Нет,— возразил Силен и встал.

Карталон накинулся на него:

— А ты не римлянин?

— Был бы я тогда здесь? — в свою очередь спокойно спросил его Силен.

— Кто тебя знает, как долго ты еще будешь здесь!— крикнул Карталон.

— Ты забываешь, кто сделал меня своим писарем! — предостерег его Силен.

Карталон смягчился.

— Конечно, ты не предатель,— сказал он.— Не похож на предателя. Но ты слишком много думаешь, много размышляешь, поэтому и не похож на всех нас.

— Это возможно,— согласился с ним Силен.

По дороге в лагерь Силен несколько раз пытался втянуть Карталона в разговор, но тот оставался замкнутым. Зато в палатке Карталон говорил со мной до поздней ночи: о войне и о римлянах, о римлянах и о войне.

— Пусть твой греческий друг расскажет тебе обо всем,

на что способны эти римляне! — твердил он мне. — Спроси его, не нападали ли они на нас в Сицилии, объединившись с разным сбродом. Ударили нам в спину! Спроси его, не отняли ли они у нас Сардинию, когда наши руки были связаны мятежом наемников — после первой неудачной войны! Спроси его, не повышали ли они в мирное время свою дань, чтобы задушить Карфаген долгами! Если бы Барка не превратил Иберию с ее серебряными рудниками в Новый Карфаген, мы задохнулись бы от долгов, как этого хотелось Риму! Но теперь мы им за все оплатим! Все опять будет как вначале: ни один римлянин не посмеет ополоснуться в море без нашего разрешения! Войну начали не мы, а римляне, — заверил он меня и стал перечислять разрушенные римлянами города... И вдруг запнулся: — Ты думаешь о Сагунте, — огородил он меня своим предположением.

— Да, — ответил я.

— Его разрушил Рим, — сказал он без колебаний.

Я посмотрел на него с удивлением. Он перешел на шепот:

— Ты думаешь о красном плаще. Ты думаешь о металлических снарядах, о скорпионах и слонах, штурмовавших Сагунт...

— Но это же были карфагеняне! Они окружили, а потом разрушили Сагунт, — растерянно возразил я.

— А что было до этого? — спросил он. — Разве не сбросили с городских стен тех, кто выступал за Карфаген? Я знал, что так было, поэтому не стал спорить.

— Почему до этого дошло? — выпытывал Карталон.

— Не знаю, — сказал я.

— Зато я знаю, — продолжал он тоном, который заставил меня насторожиться. — Римляне настроили жителей Сагунта против нас. Рим хотел, чтобы Ганнибала вынудили напасть на Сагунт. Рим связался с Сагунтом только в пику Новому Карфагену. Рим довел дело до того, что Сагунт стал для Ганнибала занозой в глазу! Разве можно упрекнуть его в том, что он выдернул занозу? И когда он это сделал, разве шевельнул Рим хоть пальцем, чтобы спасти Сагунт? Рим спокойно смотрел, как Сагунт погибает. Сагунт послушно делал все, что требовал Рим, а Рим дал ему погибнуть.

«Он прав,— подумал я,— ни один римлянин не пришел нам на помощь. Из развалин меня вытащил не римлянин, а карфагенянин Карталон. Карфагеняне пригрели меня, когда я остался круглым сиротой. Слон Ганнибала — вот кто спас мне жизнь...»

— Рим тебя предал,— Карталон произнес это как приговор. Он нагнулся ко мне: — Мой маленький карфагенянин! Ганнибал отомстит за Сагунт!

Он стал стелить мне постель — как тогда, когда вытащил меня из развалин. После того как Карталон погасил светильник, я еще долго лежал с открытыми глазами, уставясь в темноту палатки. Я видел перед собой Ганнибала; его красный плащ уже не пугал меня.

11

В последовавшие за этим недели главным в нашей жизни стало оружие. Обычно я просыпался от лязга железа, топота коней, громких приказов, и всегда в эти ранние часы Карталон уже бодрствовал и каждый раз смеялся, когда я спросонья не понимал, что уже начинается день, хотя вокруг было темно.

— Разбей свой сон, как скорлупу ореха! — приговаривал он и так широко зевал, что его челюсти трещали. Карталона радовала новая жизнь, которую принес с собой Ганнибал.— Оружие наточено,— убеждал он меня.— Теперь мы отшлифуем людей, и тогда пусть начнется!

Карталон повел меня в поле между лагерем и рекой, где муштровали наемников.

— Постепенно они понимают, откуда дует ветер. Глянь, как они тебе нравятся? — спросил он и рукой, затянутой в кожаную перевязь, указал на облако пыли.

Там — в пыли — были люди, но видел я только рога и оскаленные черепа хищных зверей — устрашающие шлемы на головах полуголых воинов. Они с воем набрасывались друг на друга.

— Наши бешеные! — гордо объяснял Карталон.— Это кельты!* Они дерутся как львы! Смерти они не боятся, и она становится их союзником.

И хотя оружие наемников было обмотано тряпками,

многих, когда рассеивалась пыль, уносили с поля на носилках. Я даже видел следы крови.

— Без крови дело не пойдет,— говорил Карталон со свирепым выражением на лице.— Кровь тоже относится к нашему ремеслу.

С вершины холма хорошо видно было все поле. Иногда оно принадлежало одним только всадникам*. С быстротой перелетных птиц носились по полю конные отряды, все время меняя направление. Они поднимали за собой тучи пыли, и, когда во главе шести тысяч всадников появлялся Магарбал, пыль вставала стеной. В тихую погоду стена пыли двигалась по полю словно призрак. Вдруг стена разрывалась с быстротой, от которой захватывало дыхание, всадники окружали воображаемого врага, осыпая его градом коротких, звенящих молний. Под двадцатью четырьмя тысячами копыт гудела земля.

Вначале эти сухие бури производили на меня жуткое впечатление, но вскоре я с нетерпением стал ждать того дня, когда на поле опять появятся всадники.

И слоны все более привыкали к тому, что призваны сюда для войны. В тяжелых доспехах выходили они из лагеря, действуя по приказу, и все время на их пути встречались препятствия, которые им нужно было преодолеть. Один раз слонов погнали в небольшой лесок, в котором скрывались наемники. Они стали дразнить слонов громкими выкриками. Я сидел на Суре впереди Карталона, пристегнутый к вместительному седлу. Вдруг Карталон перегнулся вперед и что-то закричал в ухо Суру. Это был «большой клич» — звериный вопль, приводивший слонов в бессознательное бешенство. Другие погонщики тоже раздражили своих слонов, и они бросились на лесок, который тем временем уже опустел. Слоны стали топтать и вырывать с корнем деревья. Каждый слон вытоптал в лесу целую просеку. Большие деревья, падая, вырывали с корнями подлесок. Карталон и я прикрывались щитами, но с нами ничего не могло случиться, потому что деревья падали вперед — туда, куда двигался слон.

— Так будет и с римлянами! — восторженно орал Карталон.

Я тоже орал, потому что сидел на слоне, который валил перед собой деревья.

На широком поле, за лесом, серая лавина остановилась. Слоны успокоились. Мы оглянулись: маленького лесочка как не бывало!

— Так мы растопчем Рим,— сказал Карталон, и я поверил ему.

Карталон решил, что мое обучение на этом закончилось. Всем командам, к которым привык Сур, Карталон обучил меня за один прием, словно сам он хотел отстраниться от дальнейшего. Сур понимал двадцать две команды. Я легко выучил все слова этих команд, и вскоре Сур стал отлично меня слушаться. Труднее было с теми знаками, которые погонщик передает слону ударами своих ног или перемещением туловища. Я весил наполовину меньше Карталона, и мои ноги не были такими длинными, как у него. Но в конце концов Сур стал понимать и меня: когда я нагибался вперед, Сур опускался на колени, когда я откидывался назад — Сур вставал; он поворачивал в ту сторону, куда я перевешивался. Он поднимал хоботом камень, когда я называл камень по-финикийски. Когда я ронял палку, Сур доставал ее; если я несколько раз ронял ее, Сур на третий раз сначала почесывал себе палкой бок, потом вручал мне, и тогда я оставлял его в покое. Мы понимали друг друга почти без слов. Со временем мне стало казаться, что Сур с большим удовольствием носит на себе меня, нежели Карталона. С Карталоном он то и дело спорил, пытаясь сделать что-нибудь по-своему, чего Карталон, конечно, не разрешал. Надо сказать, что каждый слон, несмотря на одинаковую дрессировку, сохранял свои особые привычки, спорить с которыми не следовало.

Были слоны, которые злились, когда к ним подходили не с левой, а с правой стороны, а слон Тембо не разрешал своему погонщику залезать на себя, если тот не садился перед этим сначала на землю. Со всем этим необходимо было смиряться; погонщики хорошо знали повадки каждого слона, а наемники получили строгий приказ оставить серых великанов в покое.

Все говорило о том, что с учениями скоро будет покончено и начнется поход на Рим. Все больше войск участвовало в маневрах. И наступил день, когда Ганнибал сам вывел армию на учение.

Впервые Сур понес нас вместе — Ганнибала и меня.

Ганнибал сначала справился у Карталона, в состоянии ли я управлять слоном. А Карталону и самому не терпелось показать, чему я научился под его руководством.

Но управлять слоном мне почти не пришлось. После того как Сур поднял нас на вершину холма, откуда хорошо видно было все поле, управлять всем стал Ганнибал. По его приказу заработали метательные снаряды, по его мановению пришли в движение тяжеловооруженные воины; он дал знак, и в дело вступили клинья конных отрядов; потом он отозвал их и велел перестроиться в мощные клещи. Он приводил в движение все вокруг, сам не двигаясь с места. В разные концы посылал он с приказами всадников, и там, куда они скакали, его приказы ломали всякое сопротивление. Ганнибал ни разу не повысил голоса, не крикнул. Сур оставался спокоен, он не нервничал и не пугался, как это часто бывало, когда на его спине командиром был Карталон.

— Таким спокойным Сур еще никогда не был,— сказал Ганнибал, когда мы возвращались на слоне в лагерь.

Он сказал это так, словно поведение слона было моей заслугой, но я ведь ничего особенного не сделал. Своими солдатами Ганнибал тоже был доволен. Он благодарил их, проежая мимо, а они громко отвечали ему, размахивая оружием.

— Мы хорошо подходим друг к другу, все трое,— сказал Ганнибал, когда мы слезли со слона. Он потерся лицом о хобот Сура и потрепал меня по плечу.

Карталон смотрел на нас с гордостью. В тот же вечер было решено, что через четыре дня мы выступаем. Шесть тысяч всадников, тридцать четыре тысячи наемников и сорок слонов должны были перейти через Альпы.

В оставшиеся четыре дня до начала похода всем дали немного отдохнуть. Кони день и ночь паслись на лугах, слоны по полдню купались в реке. Наемники пропадали в городе, возвращаясь порой только под утро. Да и в лагере бражничали все ночи напролет. На четвертый день в лагерные ворота въехали повозки, нагруженные кувшинами и мехами с вином: купцы Нового Карфагена прислали наемникам свой прощальный подарок.

Вино было отличным. Теперь никто из наемников и не думал покидать лагерь. Уже в обед началось всеобщее

пьянство. К вечеру мало кто понимал, что делает. Орали песни, плясали. А играли с таким азартом, что некоторые проигрывали свое жалованье за целый год вперед. Были и такие, что теряли в игре свою долю грядущей добычи. Вино толкало наемников на сумасшедшие выходки: один силач попробовал поднять с земли слона и еле унес ноги от расвирепевшей громадины; а один начальник приказал сотне своих солдат выйти из лагеря без оружия, а потом штурмовать его в четырех местах; в ограде лагеря образовались широкие бреши.

С наступлением темноты многие уже валялись без чувств в палатках и просто на земле, а в полночь все уже спали мертвым сном, даже часовые. Ганнибал, не хотевший никого лишать удовольствий, велел сменить часовых еще перед обедом.

В палатке Карталона, как и во всех других, пахло вином. Карталон пригласил в гости погонщиков Арбы и Тембо. Меня он тоже все время уговаривал пить:

— Пей, теперь ты мужчина! Пей, гроза римлян! Тебя носит на спине Сур, слон Ганнибала!

И я пил, пока уже не видел вокруг ничего, кроме розового тумана. Я даже не заметил, как ушли гости.

12

Кто-то тряс меня за плечо. В руке у человека был фонарь. Я разглядел его лицо и наконец понял, что это Иттибал, погонщик слонихи Арбы, с которой Сура связывала трогательная дружба. Иттибал пробовал также разбудить и Карталона, но безрезультатно — Карталон выпил гораздо больше меня.

— Разве уже пора? — спросил я Иттибала. — Ведь еще совсем темно.

Иттибал был вне себя, он нес какую-то чепуху. Наконец я понял: исчезла слониха Арба. Я вскочил, принес кувшин воды и вылил воду Карталону в лицо.

Карталон встал, ругаясь. Прошло какое-то время, пока он понял мои слова.

— Исчезла Арба? — Он смотрел на Иттибала, как на привидение.

Иттибал вытолкал его из палатки. Снаружи было еще темно.

Несмотря на фонарь, который нес Иттибал, мы то и дело натыкались на сонных воинов.

— Как только Арба смогла уйти мимо всех этих спящих? — плакался Иттибал.

— Это слоны! — захохотал Карталон; его возглас прозвучал как упрек Иттибалу: для слонов, мол, нет ничего невозможного!

Наконец мы пришли на место. Когда Карталон стоял перед колом, от которого отвязалась Арба, он не знал, что и сказать. То и дело изучал он оставшиеся на колу звенья цепи. Арба разорвала совсем новую цепь.

— Слониху к этому что-то вынудило, — сказал он наконец.

Он осветил в лицо Иттибалу и отчетливо произнес:

— Не заметил ли ты, что слониха за последний год здорово пополнела?

— У нее хороший аппетит, — сказал Иттибал. — Она ест за двоих.

— Будем догонять ее на Суре, — мрачно сказал Карталон. — Уж если ехать на поиски, то только на нем!

Карталон потребовал, чтобы Иттибал немедленно заявил о случившемся.

— Ганнибал сожрет меня, — запричитал Иттибал. — Через несколько часов выступать, а слонихи нет!

— Он сожрет тебя, если ты не заявишь, — убеждал его Карталон. — Ты знаешь, как важен для него каждый слон.

Я заметил, что Иттибал дрожит. Тогда я вызвался пойти к Ганнибалу. Иттибал дал мне свой фонарь, и я пошел.

Палатка Ганнибала тоже не охранялась. Полог был приоткрыт, я вошел и увидел троих спящих: Ганнибала, Магарбала и Мономаха. Ганнибал сразу проснулся и стал расспрашивать меня о случившемся. Проснулись Магарбал и Мономах. Ганнибал был совершенно трезв — я это заметил сразу.

— Далеко слон уйти не мог, — сказал он, выслушав меня.

— Пропал слон? — повернулся ко мне Мономах. —

Ну, погонщик у меня попляшет! Что нам — отложить из-за него завоевание Рима, что ли? — разбушевался он.

Магарбал сказал, что надо разбудить всадников.

— С двумя сотнями всадников мы его сразу найдем!

Но Ганнибал решил иначе:

— Пусть погонщики этим сами займутся. Лучше всего, если вы возьмете Сура.

— Карталон того же мнения,— сказал я.

— Он в слонах понимает,— одобрительно отозвался Ганнибал.

— А когда мы выступаем? — снова вмешался Мономах.

— Как только найдем Арбу,— успокоил его Ганнибал.— Я не могу пренебречь ни одним слоном.

Я побежал назад к Карталону и Иттибалу, и мы втроем поехали на Суре. Стало светать. След от волочившейся по земле цепи вывел нас из лагеря через одну из брешей, пробитой пьяными наемниками, в чистое поле.

— Наверное, Арба решила выкупаться,— предположил Иттибал, когда мы увидели, что след ведет к слоновьему броду.

Но там мы никого не нашли. Карталон заметил, что след уходит вдоль берега реки. Далее наш путь лежал по целине; волочившаяся здесь цепь пообрывала верхушки низких кустиков. Сур быстро шел по следу.

Мы повернули вдоль изгиба реки. Вдруг Карталон шепотом приказал Суру остановиться, но слон не послушался. Карталон указал вперед, и мы с удивлением переглянулись: Арба была не одна — рядом с ней стоял маленький слоненок. Ветер дул нам навстречу, и слониха нас не замечала, хотя мы были от нее шагах в пятидесяти. Арба выбрала место, где берег полого спускался к неглубокому месту реки. Слониха как раз приготовилась покормить детеныша. Она встала над камнем, и слоненок забрался на него передними ногами, чтобы достать до вымени. Арба стояла к нам задом. Ее вид заставил меня расхохотаться. Тут Арба обернулась. Она захлопала ушами и несколько раз ударила хоботом по земле. Слоненок испуганно соскользнул с камня. Растерявшись, Арба подхватила хоботом слоненка и понесла его в реку. Она зашла так глубоко, что вода доставала слоненку до живота. Сур

озабоченно затрубил. Тогда Арба повернула обратно.

Выйдя на берег, она остановилась и опустила слоненка на землю. Видно было, что она успокоилась. Сур направился к ним, словно был в этой семье третьим. Слониха опять побежала. Едва она удалилась на несколько шагов, слоненок так отчаянно затрубил, что вздрогнул даже Сур. Арба вернулась к слоненку. Теперь она вела себя так, словно рядом не было ни Сура, ни нас троих — только она и ее детеныш. Он был голоден, и этот голод был сильнее, чем страх перед теми, кто к ним приближался. Слоненок снова попытался достать вымя, которое находится у слоних между передними ногами. Но он был еще слишком мал. Тогда мать опустилась на колени. Таким образом малыш наконец добрался до вымени. Когда Арба поднялась с колен, слоненку это не понравилось, и он снова затрубил. Арба хотела отойти, но он загородил ей путь. Арба попробовала его отпихнуть. Маленький плакса, покрытый бело-желтой шерстью, с копной волос на голове, не отступал от матери. Он продолжал скулить, пока слониха снова не опустилась на колени, чтобы накормить его досыта. Теперь рассмеялся Иттибал. Слоненок не обращал на нас никакого внимания.

— Здорово она меня обхитрила! — зло произнес Иттибал.

— Она всех обхитрила, — сказал Карталон. — Но так нам и надо: мы за ней плохо следили. Хотя подобные случаи у боевых слонов и не предусмотрены.

→ Что теперь делать? — Иттибал беспомощно взглянул на Карталона.

— Возвращаться в лагерь, — сказал Карталон. — Пусть все это видят. Это надо видеть!

Он разрешил Суру подойти к слонихе. Слоненок с любопытством смотрел на Сура. Он стал обнюхивать ноги Сура, ища вымя, но разочарованно отвернулся. Сур притронулся своим хоботом к хоботу Арбы. Они покачивали головами, словно совещались друг с другом. Потом Сур повернулся и пошел назад в лагерь. Арба двинулась за ним, а слоненок засеменил под животом матери, между мощных колонн, несших над землей Арбу. Но большую часть пути Арба несла слоненка впереди себя, обняв его хоботом. Он ни разу не затрубил, пока не увидел лагерь.

Все наемники и погонщики были уже на ногах. Время подвигалось к обеду. Маленьким хоботом втягивал слоненок незнакомые запахи. Услышав непривычный лагерьный шум, он опять затрубил и остановился. Он не хотел больше делать ни шагу.

Из лагеря вышли люди, но Карталон никого к ним не подпускал. Только когда появился Ганнибал, сопровождаемый Магарбалом, Мономахом и Силеном, Карталон вздохнул свободно.

— Никто так не понимает слонов, как он,— сказал Карталон.

— Он сожрет меня,— опять запричитал Иттибал.

— Не бойся! — успокоил его Карталон.— Ганнибал не захочет, чтобы у него испортился желудок.

— Вот так сюрприз! — крикнул издали Мономах.

Ганнибал спокойно подошел к Арбе и протянул ей соль. Арба взяла соль, засунула ее в рот и замахала хоботом. Ганнибал протянул слоненку пустую ладонь. Слоненок осторожно притронулся к руке Ганнибала. Запах руки ему, видно, понравился, и он ухватил ее своим маленьким ртом. Ганнибал поманил за собой слоненка, отступив от него на несколько шагов. Глаза малыша еще не полностью открылись, он почти ничего не видел. Спотыкаясь, наскочил он на Ганнибала, и тот упал на песок. Мы громко рассмеялись. Испугавшись, слоненок опять залез под живот матери.

— Из него выйдет толк,— предсказал Ганнибал, вставая.— Еще и дня не исполнилось, а уже сшиб Ганнибала!

Любуясь слоненком, Ганнибал совсем забыл, что теперь ему придется принять важное решение. Мономах напомнил ему об этом.

— Нам никогда не переправить его через горы,— сказал он.

— О чем говорить! — сказал Ганнибал.— В горах он замерзнет.

— Одного его оставлять тоже нельзя,— неуверенно сказал Иттибал.

Он смотрел в лицо Ганнибалу, словно ожидая приговора.

Ганнибал внимательно осматривал Арбу. Она была самой сильной его слонихой.

— Тебя нам будет не хватать,— пробормотал он под конец.

Но Мономах упрямо проговорил:

— Нам нельзя из-за этой игрушки терять обученного слона! Мы слишком многим рискуем.

— Ты прав,— сказал Ганнибал.— Мы рискуем слонем — таким же сильным, как Арба! Ты же только что видел, каков этот слоненок.

— Ну и что? — не уступал Мономах.— Сейчас дело не в нем, а в Арбе!

Ганнибал испытующе взглянул на него:

— А ну-ка попробуй их разлучить...

Он отступил назад, оставив Мономаха перед слонихой и слоненком. Арба словно поняла слова Ганнибала: она оттопырила уши и, как только Мономах шагнул к слоненку, грозно рыкнула. Тогда к слонихе подошел Ганнибал, и она сразу же успокоилась.

— Но ты же считал, что у тебя будет их сорок,— примирительно сказал Мономах.

— Значит, завоюем Рим с тридцатью девятью слонами,— улыбнулся Ганнибал.

Он снова протянул руку слоненку. Но тот не захотел больше играть. Тогда Ганнибал повернулся к лагерю и отдал приказ выступать.

13

Все погонщики одобрили решение Ганнибала оставить Арбу со слоненком в лагере, хотя понимали незаменимость в походе каждого слона.

— Он всегда поступает как надо,— сказал Карталон, выразив этими словами всеобщее мнение.

Никого не беспокоило, что для защиты Нового Карфагена здесь остается тридцать тысяч человек, главным образом лигурийцев, балеар и нумидийцев* под командованием брата Ганнибала — Гасдрубала, и что такая же армия, преимущественно иберийцы, посылается в Африку. В успехе похода никто не сомневался. Наемники верили своему двадцатишестилетнему полководцу и без колебаний отправились в путь по его приказу.

Только слоны перед самым походом вдруг заволновались. Как всегда в предчувствии какой-нибудь перемены, они тесно сдвинулись головами и начали глухо ворчать. Эту особенность слонов, в которой было что-то торжественное, погонщики хорошо знали и боялись им помешать.

— Это их старая привычка, оставшаяся у них еще с тех пор, когда они были свободными, — объяснил мне Карталон. — Пусть себе совещаются! В конце концов они сделают все, чего мы от них ожидаем. Они уже давно заодно с нами. Но совсем перестать думать они не могут.

За один день армия продвинулась вперед на расстояние, легко преодолимое за четыре-пять часов. Ганнибал берег силы людей и животных. Мимо города Онусса* он вышел к реке Ибер. Чаще всего он ехал на одной из своих лошадей, все они были вороной масти, горячие. Было очень красиво, когда над их крупом развевался красный плащ. Иногда он ехал на Суре, и тогда Карталон сажал меня на место погонщика, говоря: «Я знаю, что ты ему нравишься».

С Ганнибалом было хорошо, я не чувствовал никакого стеснения. Он любил шутки, и когда говорил о Карфагене, который он покинул девятилетним мальчиком и никогда больше не видел, — он говорил не о клятве перед алтарем Молоха*, а о разных проделках и шутках над рабами своего отца.

— Я часто убегал в порт, и там они искали меня на кораблях.

— И я любил бывать в порту и на кораблях...

— А сейчас?

— Сейчас я люблю слонов.

— Я тоже, — сказал он.

Иногда Ганнибал погружался в молчание, которому не мешал шум движущейся рядом армии. В такие минуты к нему не приближались ни Мономах, ни Магарбал, ни его брат Магон, который был всего на несколько лет старше меня и считался правой рукой Магарбала. Даже Силен в такие минуты его не беспокоил. Я тоже боялся нарушить молчание. Был тих и Сур, он делал все, чтобы избежать окрика. Карталон ехал на Тембо, который еще больше привязался к Суру с тех пор, как с нами не стало Арбы.

Один раз Ганнибал очень удивил меня. Он неожиданно

начал говорить. Сперва я подумал, что он рассказывает мне какую-то старинную сказку, но вскоре я понял, что он признается мне в одном сне, который его преследует.

— Один очень похожий на меня человек,— начал он,— дал мне знак безбоязненно следовать за ним. Позади меня не было ни одного наемника — я был одинок, и вместе с тем я чувствовал позади нечто такое, что во много раз сильнее всей моей армии. Я боялся оглянуться, мне было страшно...

— Я этому не верю,— вырвалось у меня; я взглянул ему в лицо.

— Слушай дальше,— улыбнулся он.— Я долго не решался оглянуться. Но вдруг мне показалось, что сзади приближается гроза, которая вот-вот ударит меня в затылок, и тогда я заставил себя оглянуться и увидел над собой черную тучу, занявшую половину неба. Как только я на нее взглянул, она разверзлась и выбросила из себя дракона, который полетел на землю, раскачивая горы и вырывая с корнем кусты и деревья...

Внимая словам Ганнибала, я мысленно видел перед собой лесок, вытоптаный Суром и другими слонами, и так как я не знал, как выглядит дракон, то представил его себе черной тучей берсеркеров* с рогами и хищным оскалом.

— Это было как обвал огромной скалы, хоронившей в своем падении все вокруг,— продолжал Ганнибал,— и чем дальше я следовал за своим странным проводником, тем более я привыкал к мысли о том, что позади меня все погребено; разрушения были такими страшными, что никто не осмеливался встать мне поперек дороги.

— Это армия бешеных германцев,— невольно вырвалось у меня, хотя я вообще-то не хотел говорить.— Это бесноватые.

Я думал, что Ганнибал рассердится, но он только сказал:

— Никому об этом не рассказывай. Пусть это останется между нами.

С того раза я никогда не забывал об этом сне. Я был горд, что, кроме нас двоих, никто о нем не знает.

Во время марша лагерь разбивали редко. Встречавшиеся племена почти не оказывали нам сопротивления. Мы легко преодолевали ущелья и реки. Серьезным препят-

ствием для слонов была только река Ибер. Зато они использовали ее для того, чтобы хорошенько выкупаться. Сур, Тембо и Рокко — три самых больших слона — без колебаний приблизились к обрывистому берегу и так положили стопталаи его край, что остальные слоны легко соскользнули в воду. Высоко задирая хоботы, перешли они реку. Только Карлику пришлось плыть.

Некоторые наемники боялись бурной реки больше, чем схватки с врагом. Чтобы помочь им добраться до противоположного берега, Ганнибал дважды сам переплывал реку. Но над водобоязнью солдат он смеяться не позволял.

— Вода — особое дело. Страшнее, если кто-нибудь боится крови, — говорил он.

Видно было, как ценен для него каждый воин.

Но один раз он отослал назад три тысячи человек. Когда мы шли через области, населенные илергетами, карпетанами и баргузиннами, многие еще соглашались идти и дальше — на Рим. Но у подножия Пиренеев пятьсот пехотинцев-карпетан тайком покинули лагерь. Дорога на Рим показалась им вдруг слишком долгой. О бегстве пятисот человек доложили Ганнибалу. Все думали, что остальных карпетан — их еще оставалось две с половиной тысячи — он повелит охранять, выставив часовых. Но он, наоборот, отослал их домой, и по всей армии было объявлено, что Ганнибал избавился от карпетан потому, что ценит их недостаточно высоко. Тем самым все остальные еще более уверились в своей ценности.

Неподалеку от взморья мы начали переходить Пиренеи. Слонам было легче преодолевать ущелья и горные хребты, чем пехоте и всадникам, и Ганнибал посылал слонов прокладывать дорогу на крутых склонах. Во главе слонов шел Сур, и Ганнибал так уверенно сидел на нем, как будто ехал по знакомой дороге, а не по местам, которых карфагеняне еще никогда в жизни не видели.

Ганнибал отрядил разведчиков по другую сторону гор. Когда мы разбили лагерь возле города Илиберра*, разведчики сообщили, что среди кельтов прошел слух, будто Ганнибал хочет покорить Галлию, и они собрались у города Рускинона*, чтобы преградить нам путь.

Мономах был за то, чтобы смести их в море.

— На этом мы потеряем два дня, не больше,— сказал он.

— И еще несколько тысяч воинов,— холодно дополнил его Ганнибал.— А их нам будет не хватать перед Римом. Магон предложил растоптать кельтов слонами.

— Мне их жаль,— возразил Ганнибал, не пояснив, кого он имеет в виду — слонов или кельтов. Он отправил в Рускинон послов, говоривших на галльском языке, и велел передать воинственным вождям, что пришел не как враг галлов, а как друг. Это значит, что он готов явиться к ним в лагерь для переговоров безоружным, в крайнем случае, в сопровождении переводчика. Он рад будет также принять их у себя и не будет против, если они придут вооруженными и со свитой.

Вожди пришли. Ганнибал угостил их самыми лучшими блюдами, которые только смогли приготовить его повара. Он не жалел ни вина, ни слов — то и другое ударило гостям в голову. Каждый из них получил в подарок коня и оружие, украшенное драгоценными камнями. Дело зашло так далеко, что один из вождей перешел в армию Ганнибала, а все другие поставили карфагенянам наемников. Дорога на Родан* была открыта. Ганнибал беспрепятственно подошел к стране, которую занимало галльское племя вóлков, селившееся по обеим берегам Родана.

В последующие дни Ганнибал так отдалился от военных дел, что стал посвящать по несколько часов в день беседам на греческом языке с Силеном. При этом он восседал на Суре, а Силен ехал рядом верхом на лошади. Иногда Ганнибал диктовал ему по-гречески, и Силен записывал. Позже я узнал от Силеня, что Ганнибал диктует ему историю своей жизни.

— Но почему он пишет ее на греческом, а не на своем родном языке? — удивился я.

— Потому что он хочет, чтобы его книгу прочли во всем мире,— объяснил Силен.— Финикийский язык мало кто знает.

Как-то Ганнибалу пришла в голову мысль, чтобы Силен научил греческому и меня. При этом присутствовал и Карталон, он сразу помрачнел, казалось, что он хочет возразить. Но он отступил; если уж Ганнибал решил, значит, так надо. Впрочем, его недоверие к Силену, столь

сильное в лагере, на марше постепенно исчезло. В один прекрасный день он поразил меня своими словами о том, что особенно ценит греков. Конечно, он имел в виду спартанцев, служивших в карфагенской армии, которых Ганнибал всегда держал в авангарде. Карталон считал теперь Силена «одним из наших».

Впрочем, Силен решил, что мне лучше изучать латинский язык, нежели греческий. Он еще в лагере научил меня некоторым латинским словам и сейчас делал вид, будто я уже хорошо говорю по-латински, что я просто кое-что позабыл, о чем он вынужден мне напомнить. Скоро я мог беседовать с ним о простых вещах и даже пробовал объясняться на латинском с Суром — и слон меня понимал.

14

Лето было в разгаре, когда наша армия подошла к реке Родан. Волкам Ганнибал заранее сообщил о своем прибытии и передал их вождям подарки. Но когда мы подошли к большой реке, все волки, способные носить оружие, уже переправились на левый берег*, даже многие женщины и дети. Они перенесли туда и часть своего имущества. Собравшиеся здесь волки решили, что Родан достаточно широк, чтобы преградить Ганнибалу путь. Они соорудили по ту сторону реки укрепления и готовы были встретиться с оружием в руках каждого, кто переправится к ним на берег.

На реке были не только волки. Родан был оживленной торговой дорогой, на маленьких кораблях, на плетенных из тростника и сколоченных из дерева лодках доставлялись по нему в глубь страны товары из большого порта. Некоторые слуги торговцев навсегда осели на этих берегах и вели здесь торговлю на свой страх и риск. Ганнибалу это было на руку. Смущенные лица его воинов, смотревших на широкую реку, оживились, когда люди увидели на берегу сотни лодок. Наемники боялись реки больше, нежели воинственно настроенных волков. Только Ганнибал видел в них серьезных противников. Он стремился за волками на тот берег не ради того, чтобы доказать, что чувствует себя сильнее их. Для него важнее было преодолеть Альпы, он

вовсе не намерен был терять время на борьбу с народностями, которые, как он считал, после победы над Римом все равно перейдут на его сторону. Но так как здесь не миновать было битвы, то он хотел выиграть ее с наименьшими потерями.

Он велел скупить все имеющиеся лодки и сколотить из бревен плоты, чтобы сразу перевезти на другой берег такое количество войск, чтобы у волков пропала охота сражаться. Берег заполнился плотами, челноками и лодками. Волки на другой стороне реки неотрывно наблюдали за этими приготовлениями, ожидая с часу на час переправы.

Ганнибал же тем временем изменил план штурма. Подкупленные подарками волки с правого берега перешли на его сторону; они провели карфагенских всадников вверх по реке, на один дневной переход — туда, где русло Родана разделяется на два рукава. Там они переправились на сколоченных за ночь плотях, заставив коней плыть рядом на поводу. Одежду и оружие запаковали в непромокаемые мешки из шкур. Некоторые из всадников сами переплыли реку, держась в воде за эти мешки или за круглые щиты, которые прыгали на волнах, как маленькие лодки. Так они почти без потерь переправились на другой берег.

После короткого отдыха всадники двинулись в тыл врага и, когда увидели его, кострами дали знать Ганнибалу об этом. Тогда он отдал приказ к переправе своим солдатам. В первый раз слоны оказались позади. Большие и маленькие лодки двинулись через реку, перегородив течение, и под защитой этого заслона через нее поплыли плоты, которые теперь почти не сносило.

Волки распевали боевые песни и, бряцая оружием, готовились кинуться навстречу атакующим. Тут на волков с тыла напали Ганнибаловы всадники, ряды волков смешались, многие были убиты на месте, другие бежали, побросав оружие. Ганнибал не велел их преследовать. Он даже запретил собирать с поля брошенное оружие. Тем самым он стремился показать побежденным, что не хочет их уничтожать, а желает привлечь на свою сторону. Осталось переправить на другой берег тридцать девять слонов, которые уже волновались от шума, доносившегося с другого берега. Ганнибал не спешил.

Некоторые погонщики хвастались, что могут сразу же

переправить своих слонов на тот берег. Один погонщик, спеша опередить других, сел на слона и направил его в реку. Слон все глубже входил в воду, она уже доставала ему до спины. Погонщик не обращал на это внимания, он уже не раз переплывал на слоне реки. Но вдруг слон окунулся с головой, затем выдохнул воздух, подняв целый фонтан брызг, а потом исчез под водой. Погонщик в страхе заорал, он не умел плавать и спасся только благодаря тому, что успел ухватиться за всплывшего слона. Слон вылез обратно на берег, и погонщик больше не пытался переправить его через Родан. Еще один погонщик тоже захотел было отличиться. Он стал подманивать за собой слона, и, когда тот двинулся за ним, погонщик побежал в воду. Но слон повернул назад.

После всего этого шума слоны уже больше не захотели плыть. Ганнибал стал совещаться с погонщиками. Под конец он предложил построить ниже по течению дорогу в реку, но не через всю — такого Родан не позволил бы, — а просто причаленный к берегу помост длиной в семьдесят и шириной в пятнадцать шагов, покрытый землей и дерном, чтобы слоны, вступив на него, думали, что все еще идут по берегу, хотя по обе стороны и будет вода. Плот, достаточно большой, чтобы удержаться на себе восемь или десять слонов, должен стоять готовый к отплытию на конце помоста.

Погонщики нашли этот план замечательным. На строительство помоста и плота ушел целый день. На следующее утро к замаскированному мостику повели первых восемь слонов. Ганнибал сидел на Суре, чтобы хорошо видеть все вокруг, но оставался в стороне, приказав вступить на помост сначала слонихам. Они были послушнее, и Ганнибал рассчитывал на самолюбие самцов, которые последуют вслед за ними.

Слонихи одна за другой вступили на искусственную дорогу. Бревна были покрыты глиной, на глину положен дерн, по краям воткнуты кусты. Потом слонихи, а за ними и несколько слонов во главе с Суром перешли на плот, также выложенный дерном. Слоновый плот был таким вместительным, что на нем свободно поместились десять слонов. Тогда на плот пробрались гребцы, взяв спрятанные в кустах весла. Отвязали канаты, которыми плот был

привязан к деревьям на берегу. Плот подхватило течением и понесло. Гребцы направили его к другому берегу.

Слоны съежились, как под ударом молнии, захлопали ушами, словно створками ворот, хоботы взлетели вверх. Они искали врага, который так коварно выбил у них из-под ног твердую почву. Мощные туши слонов застыли, как скалы, внутри их нарастал грохот, и тут затрубил Сур. Он был так взволнован, что не удержался и прыгнул в реку. За ним прыгнули еще два слона. Ганнибал, два погонщика и я оказались в воде. Мы ухватились за край плота. Слоны в воде сразу успокоились, плывя возле плота.

Сур держался около меня. Ощутив под ногами дно, он приподнялся из воды и пошел вброд, высоко задирая хобот. Когда середина реки осталась позади, я опять забрался в седло. Я нашепывал на ухо Суру ласковые слова, но он не подавал никакого знака, что хочет разговаривать. Он все больше вылезал из воды. Теперь Сур уверенно шел вперед, опередив двух других слонов. Уже на берегу я почувствовал, что он обижен. Когда Ганнибал к нему приблизился, Сур сердито вылил на него полный хобот воды — в благодарность за неожиданную переправу.

— Разве я не достаточно мокрый? — спросил его Ганнибал, трясаясь от смеха.

Сур был обезоружен этим и сразу смягчился.

К вечеру всех слонов переправили на левый берег. Карталон, которого Ганнибал отправил назад на пустом плоту, заставил погонщиков привязать к передним ногам слонов кур и кроликов, чтобы слоны стояли спокойно. Но не все погонщики захотели это сделать, и еще несколько слонов спрыгнули с плота в воду. В последний раз плот даже перевернулся. Это стоило жизни двум гребцам. Но реке не досталось ни одного слона или погонщика.

15

После того как через реку переправили всех слонов, к карфагенянам присоединились несколько тысяч волков, снова взявшихся за оружие.

Ганнибал назначил три дня отдыха. Соорудили укрепления, причем волки предложили свою помощь, усердно копая рвы и поднося бревна. Слоны, освобожденные от

всякой работы, потопали к реке. Теперь они навешали ее, как старую знакомую. Наемники и волки занялись меновой торговлей. Подул благотворный южный ветер. Люди сложили оружие, запрятав его так далеко, словно в будущем оно никому не понадобится. О войне уже никто не говорил.

Слоны проводили все дни на реке. Как и в мирное время, проделывали мы с ними безобидные трюки. Слоны тоже играли друг с другом. Один раз Карталон раздражил карликового слона, пугая его своим бормотанием, а потом побежал от него, крикнув мне, чтобы я вскочил на него сзади. Я скользнул слону на загривок, откуда он не мог меня скинуть. Когда он захотел лечь на землю, я спрыгнул и дал ему немного соли, чтоб успокоить. Карлик сердито отвернулся, не обращая внимания на соль и на уговоры своего великана-погонщика. Я отошел, почувствовав угрызения совести. Вдруг я ощутил удар по спине и резко обернулся, думая, что это Карлик ударил меня хоботом. Но он стоял все на том же месте. Погонщики хохотали. Тут я увидел возле своих ног комок глины — ее швырнул Карлик, попав мне в спину. Я увидел, что он доволен. Это видели все. И мне стало немного легче.

Мы вернулись в лагерь при заходящем солнце и застали там большой переполох. Выкапывая ров, волки наткнулись на мощный череп. Привязав слонов, мы пошли на площадь перед палаткой Ганнибала, где лежал этот череп. Он был величиной в половину человеческого роста и пялился на нас огромной черной дырой. Притащившие его сюда уверяли, что нести его было легко. И говорили, что в первый момент, когда они его увидели, им показалось, что в нем сидит нечистая сила.

— Голова Циклопа, — сказал кто-то в толпе.

Наемники, обступившие удивительную находку, не сомневались, что перед ними череп какого-то древнего великана. Карталон и еще некоторые погонщики с сомнением качали головой. Они обменялись взглядами, и Карталон сказал:

— Как этот слон мог попасть сюда?

— Слон?! — Никто не хотел этому верить.

Из палатки в сопровождении Силена вышел Ганнибал. Он с удивлением стал рассматривать находку.

— Он лежал в земле на глубине в человеческий рост, —

доложил начальник, наблюдавший за строительством укреплений.

— Такой огромный череп бывает только у слона! — сказал Ганнибал.

— Да, это череп слона, — подтвердил Карталон; он подошел ближе к черепу и объяснил: — Вы приняли эту дыру за глаз циклопа, а это отверстие для хобота. — И указал также на едва видные дырочки, где, как он утверждал, помещались слоновьи глаза.

Теперь каждый мог представить себе этот череп на шее слона.

— Но как слон мог попасть сюда? — спросил Ганнибал?

— Наверно, он давно здесь лежит, — предположил Силен.

Во время объяснения Карталон притронулся к черепу, и кусок истлевшей кости остался у него в руке. Теперь череп выглядел еще страшнее, а так как никто не мог объяснить появление слона в этой местности, что так далеко от стран, в которых водятся слоны, то догадка Карталона снова подверглась сомнению, и опять весь лагерь стал называть находку не иначе как Циклопом.

Многие думали, что череп принесет нам несчастье, и никто не понимал, почему Ганнибал оставил его лежать возле палатки.

Вечером все заметили на юге пыльное облако. Оно быстро приближалось. Его появление никого не испугало и даже не насторожило Ганнибала. Вместе с тремястами всадниками отрядил он своего младшего брата в низовье реки Родан, чтобы убедиться, что оттуда нам ничего не грозит. Портовый город в устье реки принадлежал римлянам.

Магон и его всадники вернулись в лагерь на загнанных лошадях, у некоторых из них пот смешался с кровью. Раненые были и среди всадников. Половина их не вернулась. Не хватало и лошадей. В мгновение ока распространился слух: идут римляне! Магон сразу же поскакал к палатке Ганнибала. Я увидел, как он подъехал, я как раз чистил оружие Ганнибала. У Ганнибала сидели Магарбал, Мономах и Силен. Бледный и усталый Магон вошел в палатку. Его левый рукав был в крови.

— Ты ранен? — спросил Ганнибал и послал за Синхалом. Врач сразу же пришел.

— Царапина, больше ничего, — успокаивал их Магон. Но Ганнибал настоял на осмотре.

Пока врач промывал и перевязывал рану, Магон рассказывал, как в полдень триста его всадников натолкнулись на такой же по численности отряд римлян. Никто не захотел уступить, и каждое войско потеряло убитыми примерно половину воинов.

— Когда большинство лошадей были ранены и остались без всадников, возникла паника. Неуправляемые лошади пустились наутек, увлекая за собой и тех, на которых еще были всадники. Так мы и разошлись... Если кто и остался цел и с их стороны, и с нашей, то только благодаря лошадям... — Докладывая, Магон смотрел в пол. Теперь он взглянул на Ганнибала: — Мы сделали все, что могли.

— Хорошо, что я не отправил с тобой всю мою армию, — не без резкости сказал Ганнибал.

— Надо было дать им улизнуть? — возмутился Магон.

— Самим надо было улизнуть, — ответил Ганнибал. — И притащить с собой побольше римлян!

— Двоих мы привезли, — сказал Магон. — Двоих раненых.

Ганнибал просветлел:

— Надо их сейчас же допросить!

— Но они полумертвые, — возразил Магон.

— Тащите их сюда! — потребовал Ганнибал. — Они нужны мне, пока еще живы. Многого мне от них не надо.

Пленников принесли на носилках. Они потеряли много крови и выглядели, как мертвецы. Это были юноши. Ганнибал велел дать им вина. Он заговорил с ними на латинском.

— Мы не римляне, — ответил один по-кельтски. — Но наш вождь продал нас римлянам, он их союзник.

— Много вас в римском войске? — спросил Ганнибал.

— Четыреста человек, — сказал другой. — Проклятая война! — Он застонал.

— Для вас война кончилась, — успокоил его Ганнибал. — Как только вас вылечат, я дам вам коней.

Синхал осматривал раны пленников, а полководец продолжал расспрашивать. Когда их вынесли из палатки,

Ганнибал уже знал, что римский консул Публий Корнелий Сципион высадив в Массилии* свое войско с шестидесяти военных кораблей и сейчас сооружает лагерь на тридцать тысяч человек, чтобы преградить карфагенянам путь на Рим.

— Наскребли не так уж и много,— пренебрежительно сказал Ганнибал.

— Тем лучше,— возразил Мономах.— Ни один из них от нас не уйдет.

— Надо атаковать их, пока они не закрепились на Родане,— предложил Магарбал.

— За каждого воина, которого я потерял, пусть убьют троих! — с искаженным лицом потребовал Магон.

— Проклятущие вы пожиратели римлян! — заметил Ганнибал тоном, который заставил всех насторожиться.

— Ты что, их жалеешь? — вскинулся Мономах.

— И их тоже,— сказал Ганнибал.— Но в первую очередь нас самих.

— Может, нам вообще не стоит драться с римлянами?

— Не здесь,— четко ответил Ганнибал.

Мономах вскочил:

— Бежать нам от них, что ли?

— Да,— сказал Ганнибал,— через горы.

Мономах так опешил, что опять сел.

Ганнибал повернулся к Магону:

— Сколько ты потерял из трехсот человек?

— Половину,— подавленно сказал Магон.

— Против трехсот римлян!

— Они отчаянно боролись за свою жизнь,— защищался Магон.

— Верный знак, что эти тридцать тысяч сразу побросают оружие, как только нас завидят! — заметил Ганнибал сухо.— Победа над Сципионом будет стоить нам четвертой части нашей армии, а может, и больше. А если римляне уклонятся от боя, то задержат нас еще недели на две. И путь через Альпы уже будет закрыт.

Мономах, Магарбал и Магон посерьезнели — Ганнибал объяснил им все несколькими фразами.

— Мы разобьем римлян под Римом,— решил он.— Римского консула мы оставим с носом. Пусть войдет в пустой лагерь. Большого он не заслужил. Победа над ним

доставит нам мало радости. Мы разобьем римлян там, откуда им некуда будет бежать. Завтра наша армия поднимется вверх по Родану. Мы должны скорее постучаться в ворота Рима.

После этих слов никто уже ему не возражал. Когда Магарбал, Мономах и Магон ушли, Ганнибал еще долго совещался с Силеном.

— Другого пути нет,— сказал Ганнибал.— Нам нужно перейти через горы. Море принадлежит римлянам с тех пор, как они победили нас на море. И мы — старые мореплаватели — вынуждены разбить их на суше, у их же собственных ворот.

Он спросил Силену, слышал ли тот что-либо о Сципионе.

— Все равно что ничего,— признался Силен.

— Что-то в нем есть,— сказал Ганнибал.— Иначе они не послали бы его против меня.

16

Утром, еще перед рассветом, мы начали отход. Слоны шли впереди. Ганнибал ехал верхом на одной из своих лошадей. Он сам разведывал дорогу с небольшим отрядом всадников. Мы продвигались вверх по течению без каких-либо помех. Так продолжалось три дня подряд.

Настроение у солдат было подавленное. Несмотря на большие потери, понесенные Магоном в его разведывательной стычке, все наемники ждали момента напасть на римлян. Никому не нравилось, что Ганнибал уклонился от боя.

Вечером третьего дня Ганнибала посетили посланцы некоего Бранка, который называл себя царем острова Инис* и предлагал свою дружбу. Менее чем через два часа прибыли еще посланцы от «царя Инис», но теперь они называли его Колхом. Как только люди Бранка увидели людей Колха, они сразу накинулись друг на друга с бранью. Выяснилось, что Бранк и Колх — братья.

— Царем всегда был Бранк,— говорили одни.

— Колх — лучший царь,— утверждали другие.

С оружием в руках готовы они были наброситься друг

на друга. Ганнибал, выслушав тех и других, решил признать Бранка. Его посланцев он отправил назад с подарками. Людям же Колха он сказал, что, если тот не сдастся ему сам, он возьмет его в рабство и сошлет так далеко, откуда он никогда не вернется.

— Так оно и должно быть,— сказал Ганнибал своим советникам,— пусть все дерутся за дружбу с нами.

— Почему ты выбрал Бранка? — спросил Магон.

— Все дело в деревьях,— ответил Ганнибал. Он указал на группу деревьев, которые росли от нас примерно в ста шагах.— Мне так скучно было слушать этих посланцев, что я стал гадать на растущих там деревьях: Колх — Бранк — Колх — Бранк... Счет кончился на Бранке. Но этот вождь должен будет со мной кое-чем поделиться*.

Через день мы дошли до острова Инис. В сущности это был вовсе не остров, а просто большой кусок земли, омываемый с двух сторон водами Родана и Исары. С северной стороны Инис ограничивала цепь холмов, тянущаяся от Родана к Исаре.

— Здесь можно выдержать осаду с горсточкой умелых воинов,— оценил Ганнибал местоположение этого острова.— И никто не умрет с голоду!

На острове были заливные луга, почва покрыта илом: все, что могло потребоваться человеку, росло тут в избытке. Ганнибал решил остановиться здесь на несколько дней, дать отдохнуть войску и пополнить запасы продовольствия.

За четыре месяца пути мы оставили позади себя почти шесть тысяч стадиев*. Тем временем армия увеличилась. Но самое трудное было впереди — это чувствовал каждый. Приближалась осень. Все прозрачнее становился воздух. На востоке поднимался белый заслон — горы, покрытые вечными снегами. Наемники часто поглядывали в ту сторону, и, хотя они на острове ни в чем не нуждались, они уже не были такими бодрыми, как в Ново-Карфагенском лагере. По ночам с гор дул ветер, пахнувший снегом.

От Ганнибала не укрылось то, что многие в его армии мучаются сомнениями. Магарбал, Мономах и Магон уговаривали его выступить перед наемниками. Но Ганнибал и слушать об этом не хотел.

На четвертый день — последний день пребывания ар-

мии на острове — в лагере появились всадники с востока. Как ползучий огонь, пронеслась по лагерю новость: у Ганнибала в гостях всадники, перешедшие Альпы! Позднее вся армия обступила предводителя всадников. Это был светловолосый богатырь, намного выше Ганнибала.

Первым начал Ганнибал. Он сказал:

— Это Магил, царь боев. Он пришел к нам через горы. Там, где обитает его народ, уже говорят о нашем приближении. Магил принес нам хорошую новость: не только его народ, но и другие племена готовы выступить с нами против римлян. Восстание уже началось. Когда у инсумбров* появились римские землемеры, чтобы выбрать земли для новых римских городов, они были убиты, а гарнизоны изгнаны из укреплений. Пришло время, чтобы явились мы, говорит вождь Магил, нас уже ждут. А теперь слушайте его!

Магил выступил вперед и поднял голову. Таким образом он показался всем еще выше. Он говорил очень громко, широко раскрывая рот. Мало кто понял смысл незнакомых слов, еще немного, и над ним стали бы уже смеяться. Но Ганнибал вовремя начал переводить:

— Вы, наверное, задумываетесь о трудностях лежащего перед вами пути. Белизна, глядящая на вас с небес, пугает вас. Но слушайте: и мы перешли через эти горы, но шли не со слонами, а с женами и детьми. Беловез* провел свой народ через Тауринский перевал. Элитори провел своих ценоманов через Альпы. Бойи, лигурийцы, сеёны — все они прошли через эти горы. Двадцать лет тому назад вожди боев Атис и Галатас провели здесь свои народы на юг. Конколитан поднялся со своими людьми вверх по Родану, так же как и вы. Дорог и проводников хватает. Там, наверху, в горных долинах, тоже живут люди, как и повсюду. И нет на свете гор, которые упирались бы в небеса.

Затем Ганнибал указал на Магила и его спутников.

— Они прошли тем путем, которым пройдем и мы! — крикнул он. — Или вы думаете, что они перелетели через Альпы на крыльях?

Магил опять открыл рот и что-то крикнул. Он протянул руку по направлению к слонам. Ганнибал перевел его слова:

— Разве у вас у самих — не горы, эти ваши слоны? Когда они спустятся с вами с Альп, римляне так побегут от вас, что вы их уже не догоните!

И опять случилось так, как четыре месяца тому назад, когда начался марш: вся армия закричала, как один человек:

— Ганнибал прав!

— Мы встретим вас, как братьев,— закончил свою речь Магил, воодушевленный криками одобрения.— Я всем расскажу о воинах Ганнибала,— пообещал он.

Ганнибал с трудом уговорил его задержаться еще на день.

В последний день перед походом у всех на острове было праздничное настроение. Наемники тешили себя мыслью, что их с нетерпением ждут по ту сторону гор. Над Альпами стали подшучивать:

— Они расступятся, как только увидят наших слонов!

Хладнокровие сохраняли одни только слоны. Когда мы на рассвете выступили, слоны бесшумно вышли из лагеря. Серая цепочка холмов, покачиваясь, двинулась в горы.

17

Десять дней подряд по левую нашу сторону все время были реки, сначала Родан, потом Арар, а по правую поднимались отвесные скалы. Иногда они так близко подступали к реке, что казалось: мы не сможем между ними пройти. Но дорога все-таки была, и вскоре армия привыкла передвигаться между скалами и рекой. Бранк приказал всадникам ехать во главе колонны, и они служили посредниками между армией и теми племенами, через чьи территории мы проезжали. Без потерь дошли мы до горного потока Друета, который впадал в Арн. Этот стремительный поток нам надо было перейти. Он был неширок: наши пращники* попробовали перекинуть на другой берег стволы деревьев, и успешно, но наемники, лошади и слоны боялись приблизиться к берегу бурного потока. Люди Бранка не скрывали от нас, что это опасная река, ее берега покрыты сыпучей галькой, в ней много водоворотов, а для переправы через нее не пригодны ни плоты, ни лодки.

Тем не менее Ганнибал приказал соорудить плоты и

спустить их на воду. Первый же плот засосало в водоворот, он перевернулся, и одиннадцать наемников утонуло. Ганнибал приказал установить в реке на одинаковом расстоянии друг от друга шесты и связать их кожаными ремнями, чтобы за эти перила люди могли держаться, переходя реку. На установке шестов утонуло еще несколько человек, их унесла река. Вода была с привкусом льда.

Наемники взирали на горы, которые по мере приближения к ним вздымались все выше и выше. Теперь они занимали половину неба. На вершинах гор лежал снег, и небо казалось к нему приклеенным. Облака, висевшие над вершинами гор, были грязно-белого цвета. Воздух был холодным и резал кожу, как нож, воины проклинали все на свете и хотели вернуться назад, на Родан, чтобы в открытом бою схватиться с римлянами, вместо того, чтобы мучиться в этом аду, полном невидимых дьяволов.

Одежду и оружие снова сложили в походные сумки — надо было переходить реку. Ганнибал шел одним из первых. На другой стороне реки горели костры, зажженные для того, чтобы люди могли обсушиться. Перила сослужили воинам Ганнибала верную службу. Слонам перила, конечно, не помогли. К тому же вид огромных пылающих костров на другом берегу реки приводил их в волнение, и было просто невозможно перевести их через нее. Вскоре погонщики отыскали брод, где слоны смогли перейти реку. Как и при переправе через Родан, первыми были пропущены слонихи.

Сначала слоны не захотели входить в воду, два из них даже повернули назад, но в конце концов трое храбрецов рискнули. Они осторожно и внимательно ощупывали ногами дно, прежде чем сделать следующий шаг. Они перебрались через реку живые и невредимые. Но никак не удавалось убедить войти в воду тех двух слонов, которые повернули назад в самом начале. Великан-погонщик нашел особый брод, через который перебрался и Карлик — места ему все же приходилось плыть.

Карталон предложил построить оставшихся тридцать пять слонов вплотную друг к другу и завести их в реку. Все согласились, слонов разместили в три ряда, Сура и Рокко поставили по краям первого ряда.

Слоны начали шаг за шагом двигаться вперед. Вдув-

шаяся река, доходившая им до животов, а еще больше страх перед ледяной водой заставляли их крепко прижиматься друг к другу. Как единый остров, состоящий из серых холмов, подошли они к середине реки, потом прошли еще немного. Внезапно четыре или пять слонов потеряли точку опоры на дне, покрытом галькой. Они повалились в воду, увлекая за собой остальных. Среди слонов началась паника, которую невозможно было унять. Каждый погонщик думал только о себе и своем слоне. Карталон, который сидел позади меня, закричал на Сура. Но среди крика других погонщиков и тревожного рева слонов невозможно было различить ни слова. Сур стоял в воде как скала. Он снова пошел только тогда, когда почувствовал, что рядом нет других слонов. Он осторожно переставлял ноги. Кончик откинутаго хобота виднелся надо лбом между огромными буграми. Когда Сур пошел, Карталон перестал кричать. Сур так долго ощупывал ногой дно, прежде чем сделать шаг, что Карталон от нетерпения стал постукивать меня по спине. Наконец осталось пройти всего три или четыре шага до берега. Но Сур снова остановился. Карталон стал уговаривать его, потом ударил по ушам палкой. А потом он сделал то, чего еще никогда не делал с тех пор, как я стал ездить на Суре: он схватил железный багор, висевший сбоку седла, и стал колоть слона за ухом. Боль заставила Сура сделать еще один шаг. Потом он оступился и сбросил меня и Карталона в воду. Я успел схватиться за торчавший из воды бивень. Под ногами я ощущал гальку. Меня она держала, а Сур никак не мог нащупать передними ногами твердую опору. Он был вне себя от страха; он даже попытался сбросить меня и все больше и больше увязал в гальке. Меня снесло волной, но Карталон поймал меня и выволок на берег.

— Он растоптал бы тебя,— сказал, задыхаясь, Карталон.— Когда он в таком состоянии, ни ты, ни я для него не существуем.

Карталон сбегал за зелеными ветками и бросил их Суру, но их смыло водой, прежде чем Сур успел протянуть к ним хобот. Я хотел подойти к Суру в воде, но Карталон удержал меня.

— Не надо,— коротко сказал он.— Никто ему теперь не поможет.

Я чувствовал себя ужасно. Я смотрел на Сура. Он не сдавался и продолжал бороться за свою жизнь. Он храбро заставил себя идти вперед, пока не вышел из сыпучей гальки и не ощутил одной ногой твердую землю. Тогда он подтянул другую ногу и, перенеся на нее вес тела, вытащил всего себя. Передняя часть его тела возвышалась из воды. И тогда он затрубил. Но в его реве больше не слышалось страха.

Никогда еще Сур не казался мне таким героем, как теперь, когда он выбрался на берег. Он стоял, возвышаясь над смертью. Карталон все еще удерживал меня.

— Не подходи к нему! — предостерег он.

Но я вырвался, в несколько прыжков достиг Сура, обхватил руками ту его ногу, которой он ступил на твердую землю, и зарыдал, и мне не было стыдно слез.

Пять погонщиков и четыре слона погибли в реке. При этом известии Ганнибал побледнел. Выслушав рассказ Карталона, он отвернулся и стал глядеть на крутые горные склоны. Через несколько минут он посмотрел на нас и, увидев, что мы замерзли и дрожим, хрипло сказал:

— Сядьте возле огня, а то умрете от холода.

Мы не стали привязывать слонов, чтобы они побольше подвигались и быстрее обсохли. Погонщики уселись у костров, поворачиваясь к огню то спиной, то лицом. Они постепенно приходили в себя.

Слонам же, чтобы прийти в себя, потребовалось несколько часов. Некоторые из них сбились в кучу, чтобы согреться. Другие неприкаянно бродили по берегу, ища своих друзей, смытых водой.

Ближе к вечеру случилось неожиданное: схватились Рокко и Сур. Оба сразу начали ворчать. Потом, как бы понукаемые невидимыми погонщиками, они двинулись друг на друга, пока не прислонились вплотную головами, и теперь каждый старался столкнуть другого с места. Вскочили перепуганные погонщики. Карталон и Гизгон хотели сперва подойти к разъяренным слонам, но вскоре решили, что лучше разрешить слонам подраться. Каждый понимал, что это будет битва за то, кому быть вожаком стада на время перехода через горы.

Сур и Рокко были примерно одинаково сильны. У Сура был только один клык, но хобот у него был мощнее, и он

попытался схватить им Рокко за голову. Рокко увернулся и сам стал нападать. Два гиганта со всей силой давили друг на друга; по их телам пробегала дрожь. Они со скрежетом терлись лбами; звук был такой, будто между ними что-то разламывается на куски.

— Остановите их! — в волнении закричали некоторые погонщики.

Карталон не захотел вмешиваться, а Гизгон объяснил, что будет еще опаснее, если один из слонов побежит, тогда другой изувечит его своими бивнями.

— Когда-то это должно было произойти, — взволнованно сказал погонщик Рокко.

Он был уверен в победе. Рокко сумел оттолкнуть Сура на несколько шагов, и было похоже, что Сур проиграет. Потом Сур неожиданно шагнул в сторону, Рокко поскользнулся, задев бок Сура. Рокко упал на колени. Сур тоже споткнулся. Потом оба выпрямились и снова приготовились к битве. Теперь они поменялись местами и пошли друг на друга с поднятыми хоботами. Они наносили мощные удары, хоботы их громко шлепали то по головам, то один о другой. И вот когда Рокко поднял хобот для нового удара, Сур своим хоботом молниеносно рассек воздух и с такой силой ударил по бивням Рокко, что они обломались.

Рокко в замешательстве положил кончик хобота в рот. Потом он повернулся и медленно побрел к реке. Там он стал мыть себе грудь и бока с такой тщательностью, как будто был весь покрыт грязью. Сур оставил его в покое. Он поднял хобот высоко в воздух и громко протрубил победу. Все слоны собрались вокруг него.

Рокко продолжал мыться. Он смывал свой позор. Когда он вышел из воды, его погонщик и Карталон подошли и предложили ему соли. Он взял соль у обоих. Гордость его была сломлена.

— Это не должно было кончиться именно так, — сказал Карталон, и в его голосе послышалось извинение. — Но рано или поздно это надо было решить.

Гизгон думал так же. Карталон же просил Гизгона не беспокоиться:

— С одним из слонов так уже было. Со временем концы нервов втянутся в голову. От этого он не умрет.

В этот момент Рокко чихнул. Карталон и Гизгон испу-

ганно отскочили, слоны вздрогнули. Рокко не осмелился подойти к стаду. Когда наступила ночь, он все еще стоял в стороне. Его погонщик завернулся в одеяло и улегся спать у его ног. На рассвете он проснулся от холода. Рокко исчез. Его следы уходили в реку. Проснувшись утром, мы увидели, что погонщик Рокко неподвижно лежит на берегу ничком. Ганнибал дал ему другого слона.

18

Мы снова тронулись в путь. У нас осталось тридцать четыре слона. Сур шел во главе. Слоны следовали гуськом друг за другом, положив хобот на спину впереди идущего. Цепочка слонов бесшумно поднималась в горы.

Ганнибал выслал на разведку большой отряд всадников. Мы видели, как, достигнув крутой дороги, они спешили и повели лошадей под уздцы. С ними шли четыре проводника, которые служили у нас с тех пор, как мы ушли с острова. Они уверяли, что нечего бояться нападения, пока в горах остается достаточно места для того, чтобы уклониться от боя.

Горы придвинулись ближе: спереди, справа и слева. Они как будто росли на глазах. Таких гор мы еще никогда не видели. Лачуги, прилепившиеся к склонам гор, были похожи на замерзших птиц с распростертыми крыльями. Скот, прижавшийся друг к другу от холода, собирался под нависшими скалами. Все вокруг было чужим, угрожающим. Снежные вершины срезали своими белыми краями все больше неба. Сверху к нам доносились странные крики. Ничто не двигалось, это-то и казалось зловещим: все вокруг было мертво и все-таки следило за нами.

А потом вдруг вершины гор исчезли: их затопили тяжелые тучи, покрывшие небо. Начался дождь, он размыл дорогу. Наш передовой отряд скрылся в тучах. Горы стали невидимыми. Они исчезли, но мы знали, что они рядом.

Ганнибал проскакал мимо нас. Он торопил лошадь, чтобы догнать передовой отряд. Через час мы тоже подошли к нему. Ганнибал созвал своих военачальников. Он взобрался на Сура, чтобы его лучше видели.

— Нам надо подготовиться к встрече с врагом,— сказал он.— Друзей, которые показывали нам дорогу, проглотил дождь. Магал сообщил мне, что горцы любят поспать и что они не воюют ни ночью, ни в тумане. Так что ночь, во всяком случае, принадлежит нам; что касается тумана, то мы еще посмотрим. Нам необходимо выбраться из этой долины, чтобы обрушиться на головы горцев и не дать им напасть на нас.

Армия снова двинулась. На этот раз слонов поставили в середину. Магарбал и Магон шли впереди. Ганнибал шел рядом со слонами, Мономах с наиболее опытными и верными наемниками замыкал шествие, чтобы в случае чего отразить нападение сзади. Видимость была плохая.

Карталон ругался; он сказал с презрением:

— Нечего было о них думать! Нет ничего плачевнее удирающего человека! Трус не заслуживает жизни.

Меня заразил гнев Карталона.

— Покинуть Ганнибала в беде! Ганнибала! — возмутился Карталон.— Никто из его людей на такое не способен. Вот увидишь, как они будут за него сражаться!

Я вспомнил тучу бесноватых, как они набрасывались друг на друга на песчаном учебном поле лагеря. И мне нетрудно было себе представить, как Мономах пойдет в атаку на врагов.

От дождя дорога стала скользкой. Сур осторожно переставлял ноги. Он шел с большим напряжением, будто его что-то настораживало в густой пелене тумана. Справа от дороги поднимались не очень крутые горы, слева была пропасть, глубокая или нет — трудно было сказать из-за дождя. Мы посмотрели вверх, но там все тонуло в тучах. Тучи, пропасть, горы — все неестественно неподвижное. В горах стояла тишина. Мы понимали, что от врага здесь не уйти. Тут у одного слона вырвался из-под ноги камень. Камень покатился вниз, увлекая за собой грохочущую лавину. И опять наступила мертвая тишина. Теперь Сур пошел быстрее. Он был напуган, и я чувствовал, что его страх возрастает. Мне тоже стало страшно, и я посмотрел на Карталона.

— Не надо бояться,— сказал он хрипло.

Тут сверху опять свалился камень. Мы услышали глухие удары. Должно быть, это был огромный кусок скалы.

Люди и животные в испуге отпрянули назад. Колонна остановилась. Сур стоял так, будто он сделал свой последний шаг и будет стоять вечно. Уши у него оттопырились, а хоботом он указывал на гору.

Обломок скалы упал между четвертым и пятым слоном; вреда он никому не причинил. Но некоторые слоны испугались и захотели повернуть назад. Тропинка была узкой, и тогда они решили уйти вниз по склону. Один из них оступись, перевернулся и полетел вниз.

Погонщики делали все возможное, чтобы успокоить слонов, а те все больше волновались. Тогда Сур начал трубить, и его призывы оказались более действенными, чем все команды погонщиков. Слоны попытались собраться в кучу.

Но теперь с горного склона на нас посыпался град камней. Камни ранили людей и животных. Раздались крики и стоны. Наемникам приказано было забраться на склон. Но на сыпучей, покрытой мокрой травой поверхности удержаться было трудно. Под градом камней наемники с лошадьми стремглав летели в пропасть.

Самое худшее произошло в обозе. Нагруженные лошади сошли с тропы, потеряли равновесие и рухнули вниз вместе с грузом.

— Это ад! — кричал Карталон.

Наша армия, зажатая между пропастью и горной стеной, не могла ни отступить, ни защищаться. Враг, причинявший нам столько ущерба, оставался невидим: он мог с нами делать все, что захочет. Поэтому всеми завладел страх. На миг мне явилась безумная мысль, что это сами горы стараются сбросить нас в пропасть.

В ужасе соскочил я со спины Сура и спрятался между его передними ногами. Я весь дрожал. Это и есть война? Это была совсем не такая битва, как на учебной равнине. Я взглянул на Сура. Он засунул хобот в рот. Он тоже был испуган. Под градом камней я не переставал думать: «Только бы камень не задел Сура, только не Сура!»

Не помню, сколько времени прятался я в ногах у Сура. Вдруг я увидел, что он вынул хобот изо рта и протянул его к человеку, шедшему к нам. Чья-то рука вытянула меня из-под ног слона.

— Что ты там внизу делаешь?

Это был Ганнибал.

Я растерянно посмотрел на него:

— Это конец?

— Это только начало,— ответил он.

Его глаза сверкали. Я прислушался к происходящему в вышине.

— Больше ничего не будет,— успокоил меня Ганнибал.— Они сбросили вниз все, что у них было. Теперь они будут спать, пока мы их не разбудим.

Наемники собирались вокруг Ганнибала. У одного на лбу кровоточила рана.

— Вот трусы! — сказал Ганнибал, указывая наверх.— Они обрушили на нас гору, а теперь уползают в свои норы.

Он обнял раненого солдата за плечи:

— Враги дорого заплатят за твою рану. Завтра мы им покажем.

Вперед вышли погонщики, потерявшие слонов. Их было шестеро. А еще двое погонщиков свалились в бездну вместе со своими слонами.

— Завтра мы сбросим их вниз,— сказал Ганнибал, стиснув зубы.

Он взобрался на Сура и приказал мне занять место погонщика.

— Ты пойдешь впереди,— сказал он Карталону.— Не будем перегружать Сура. Он еще долго будет мне нужен.

Мы тронулись в путь.

— И ты тоже будешь нужен! — сказал он мне.

— Я испугался,— признался я, опустив голову.

— И я,— ответил Ганнибал.— Но нельзя же вечно бояться.— Он легонько хлопнул меня по плечу: — Все еще боишься?

— Нет,— сказал я.

И это была правда. Страх улетучился, ибо за моей спиной сидел Ганнибал.

19

Дождь перестал. Через полчаса мы вышли на широкое плато и разбили лагерь. Быстро стемнело. Враг так и не показывался. Ганнибал приказал жечь костры всю ночь:

тогда сверху увидят, что в лагере есть люди. Когда настала ночь, Ганнибал с отрядом отборных наемников — всего шестьсот человек — тайно и с величайшей осторожностью взобрался на вершину, откуда горцы сбросили на нас лавину камней.

— Он оплатит им за все, — шепнул Карталон, ложась спать рядом со мной.

Погонщики улеглись возле слонов, которые собрались вокруг Сура. Всего осталось двадцать шесть слонов, восемь упали в пропасть. А сколько погибло людей и лошадей!

Ночью я проснулся и вскочил, услышав крики и ржание. Мне показалось, что моего лица касается чья-то холодная рука. Но это был только сон. Стало свежее. Засыпая, я видел, как заблестели звезды.

Утро выдалось ясное, вокруг сверкали горы. Мы увидели, что горцы готовятся занять вчерашнюю позицию. Они выходили из своих хижин и взбирались на вершины.

Вдруг вершины пришли в движение. Шестьсот наших бойцов во главе с Ганнибалом обрушились сверху на ошеломленных горцев. Стрелы посыпались градом. Перепуганные враги кинулись вниз. Но наемники не давали им уйти. Каждая скала грозила гибелью, в каждой расщелине ждала засада.

К полудню, когда армия вновь тронулась в путь, никто уже не опасался, что на нас посыплются камни: горы, ущелья и долины — все было во власти Ганнибала. Некоторые хижины горцев горели.

После двух часов подъема мы вышли к укрепленным сооружениям горцев. Вперед мы выслали отряд всадников. На них никто не напал, и они беспрепятственно въехали за ограду, в долину с обработанными полями. На лугу пасся скот. В хижинах было так много припасов, что их хватило бы нашей армии на три дня. Жители исчезли. Или они были все перебиты, или бежали, побросав все свое добро. Ганнибал приказал распределить провизию среди наемников. Скот привели с пастбищ и закололи, поскольку в обозе он не был нужен. Для наших животных тоже нашлось много корма. И все-таки мы чувствовали себя в покинутых хижинах беспокойно.

Слоны тоже разбрелись в поисках добычи. Я увидел,

как Сур подбрасывает в воздух кожаный мешок, полный соли. Он не мог его открыть и бросал до тех пор, пока мешок не лопнул. Другие слоны тоже подошли за своей долей лакомства. Тембо стаскивал с хижины крышу, чтобы добраться до сухих фруктов, подвешенных к балкам. Погонщик стукнул его сзади палкой, и у Тембо сделалось такое выражение, словно он мальчишка, застигнутый на месте воровства. От смущения он засунул кончик хобота в рот.

После тщательных поисков наемники нашли вино. Они уже и так были опьянены победой над горцами, и им не потребовалось много вина, чтобы пережитые ужасы показались не такими уж страшными, а горы впереди — просто смешотворными. Разве Ганнибал не поразил врагов, как хищная птица? А теперь и вообще нет никаких врагов! Казалось, они забыли, чего стоила им эта победа. Но после подсчета выяснилось, что пропасть поглотила две тысячи солдат, четыреста лошадей и восемь слонов. Не говоря уже о трехстах солдатах, погибших в то утро от рук свирепых горцев. В число потерь не вошло и огромное количество раненых, которые не могли продолжать подъем. О них позаботились, как могли. Ганнибал попросил, чтобы им соорудили надежное укрытие.

В селении осталось много собак, которые не убежали вместе с хозяевами. Наемники давали им отбросы, и скоро собаки настолько осмелели, что начали подходить к слонам. Вскоре мы заметили, что серые гиганты ведут себя с собаками, как кошки. Когда собака лаяла на слона, слон выгибал спину точь-в-точь как кошка. Но если собака переступала дозволенную черту, ей случалось получить удар хоботом.

Однажды слон ударил человека. Это произошло так быстро, что погонщик не успел помочь бедняге. Один солдат подошел к слону и предложил ему пригоршню сухих фруктов; слон поднял хобот как будто для того, чтобы взять их, но вдруг нанес воину такой удар, что тот свалился на землю. Когда так случается, то слоны еще и пронзают свою жертву бивнями или затаптывают ее. Но слон не сделал этого. Он повернулся и зашагал прочь, как будто ничего не случилось.

Погонщики и наемники подбежали к человеку.

— Он мертв,— заметил один.

Но пострадавший вскоре пришел в себя и поднялся на ноги.

Погонщик попросил у него прощения за проступок своего слона:

— Мой слон никогда не делал этого раньше.

— Это моя вина,— сознался воин, ко всеобщему удивлению.— За день до того, как мы вышли из зимнего лагеря, я хотел поднять слона с земли. Теперь я просто решил проверить, не забыл ли он этого. Память у него оказалась прекрасной.

Погонщик попросил его выпить с ним:

— За слона, который подарил тебе жизнь!

— Мне все едино,— сказал воин, который никак еще не мог поверить, что остался в живых.

В этот день случилось еще нечто такое, о чем говорили долгое время спустя. Слон, которого считали умершим, внезапно объявился в лагере. Он прошел через весь лагерь, пока не нашел своего погонщика. При виде воскресшего слона погонщик не смог сдвинуться с места. Слон хоботом обвил погонщика за плечи и потряс его, чтобы тот поверил, что перед ним живой слон, а не привидение.

Ганнибал подошел и поприветствовал вернувшегося домой. Вокруг слона уже собралась толпа солдат и погонщиков. Слон был ранен, но это заметили не сразу. Падая, он содрал себе кожу, а потом залепил рану куском глины.

— Он знает, как себя лечить,— восхищенно сказал Ганнибал.— Этот слон неистребим — пусть он будет для вас примером! — Ганнибал сам угостил слона.— Давайте ему двойную порцию соли,— приказал он.— Ты сам не знаешь, какая ты ценность,— обратился он к слону.— Или знаешь? Может, из пропасти ты выбрался именно потому, что знаешь это? — Он повернулся к толпе.— Если бы мы пробилась всего с пятью слонами, в наших руках уже была бы половина Италии.

Ганнибал видел по лицам, что его не поняли.

— Римляне знают, что мы идем со слонами,— объяснил он.— Они так боятся слонов, что удирают от них в горы. Они думают, что слоны опасны только на равнине. Так что равнины уже наши, хотя нас там еще нет.

Погонщики и наемники слушали Ганнибала. Один спросил:

— А почему у самих римлян нету слонов, если они их так ценят?

— На это легко ответить,— улыбнулся Ганнибал.— Потому что слоны не выносят запаха римлян.

Ганнибалу сказали, что в одной из хижин кого-то нашли. Ганнибал заспешил туда, и я побежал за ним.

Мы вошли в бедную хижину, построенную, как и все другие, из бревен. Наемники не стали ее обыскивать, решив, что она не сто́ит их внимания. Несколько воинов заглянули в нее и увидели, что кто-то сидит у очага.

— Человек такой старый, что непонятно, мужчина это или женщина,— доложил один из наемников.— А может, он мертв?

Я держался возле Ганнибала и мог видеть все. Комната была пуста, только у очага стояла скамья. На ней кто-то сидел. Космы седых волос закрывали лицо.

— Кто ты? — спросил Ганнибал на кельтском языке.

Человек поднял лицо. Рука — обтянутые кожей кости — убрала волосы с висков. Это была женщина. И вдруг случилось такое, чего никто не ожидал. Старая женщина наклонилась. Она засунула руку в очаг и смела золу. Засветились красные угольки. Старуха взяла пригоршню углей и протянула их Ганнибалу — он отпрянул в испуге.

— Вот, ешь! — крикнула старуха.

Угли упали на глиняный пол. Старуха так взглянула на нас, что мне показалось: у нее пустые глазницы.

— Оставьте ее, она сумасшедшая,— сказал Ганнибал и повернулся, чтобы уйти.— Она не сделает никакого вреда.

В ту ночь сгорела хижина, где жила старуха. Пламя быстро распространялось вокруг. Вскоре сгорели все остальные хижины, и для раненых не нашлось больше укрытий.

Армии огонь не причинил никакого вреда. Палатки воинов стояли поодаль. Да и большая часть провизии уже была унесена из этого селения, которое с самого начала вызывало у всех какое-то жуткое чувство.

Слоны были укрыты на ночь в ложбине, защищенной от ветра. Отблески огня, мелькавшие на фоне гор и неба,

и треск пламени беспокоили слонов, но погонщикам удалось предотвратить панику. Сур и еще два слона вели себя так, будто ничего не случилось и бояться нечего. И они не ошибались: огонь слонам ничем не грозил.

Когда селение превратилось в черное пятно, двадцать семь серых гигантов уже были готовы к походу. На этот раз Ганнибал поставил их впереди. На рассвете мы снова двинулись. Начинались уже четвертые сутки нашего восхождения. Утро было ясное. Горы казались вымершими.

20

Но люди в горах все-таки были. В полдень, когда ярко светило солнце, навстречу нам вышло несколько человек. Их было плохо видно, потому что перед собой они несли ветки деревьев.

— Не хотят, чтобы мы видели, кто они? — спросил Ганнибал, сидевший сзади меня на Суре.

Наконец восемь стариков вышли из-за движущихся кустов.

— Попрошайки! — определил Ганнибал, разглядев их. — Они пришли просить мира.

Он не спустился с Сура, когда восемь стариков подошли к нему. Магарбал, Мономах, Силен и Магон, все верхом, выехали вперед. Старики, окруженные всадниками, с тревогой смотрели на Ганнибала. Самый старший сказал:

— Мы принадлежим к тому же племени, что и люди, поднявшие на вас оружие. Мы тоже аллоброги*, но мы не против вас. Черное пепелище, оставшееся вчера на месте большого селения, научило нас многому. Ваши боги, должно быть, намного могущественнее наших. Поэтому мы не будем бороться против вашей мощи, а готовы служить вам. Мы знаем, что вы хотите перейти горы. Для нас они — дом родной. Нам известны здесь все дороги. Если вы пожелаете, мы проведем вас к перевалу, где удобнее всего пройти армии. Если где и встретятся горцы, которые против вас, мы отговорим их от сражения.

Все восемь стариков положили ветки к ногам Сура, и самый старший из них обратился к слону:

— Эти ветки — знак нашей дружбы. Мы просим тебя принять их.

Сур схватил ветки безо всякого колебания и начал жевать их с жадностью и большим удовольствием. Лицо старика просияло, он радостно воскликнул:

— Он принял наши дары, он наш друг!

— Не заблуждайся,— сказал Ганнибал на финикийском языке,— он имеет в виду ветки, а не вас.— Потом он сказал по-кельтски: — Если каждый будет встречать нас так хорошо, как вы, тогда в ущелье не будет мертвецов. Хотите хорошего — что ж, мы не против. Ведите нас к перевалу!

Старик обрадовался, что их предложение принято. Новость, что к Ганнибалу пришли опытные проводники, мгновенно распространилась среди воинов, и настроение улучшилось. Кто их мог послать? Сбежавшие дети и женщины? Все мужчины, способные носить оружие, были убиты. Пришедшие старики были неопценимы как проводники в диких горах — так думал каждый.

Проводники пошли во главе колонны. Ганнибал постепенно отстал от них и, когда они ушли вперед, стал совещаться со своими доверенными.

— Что вы о них думаете?

— Они боятся нас, и это хорошо,— ответил Мономах.— Теперь с нами не может случиться ничего серьезного. Они ведь покажут дорогу.

Магарбал и Магон думали так же.

— А ты? — спросил Ганнибал у Силена.

— Они прятали свои лица.

— Это когда они подходили к нам,— заметил Магон.— Но после того, как они убрали ветки...

— Тогда еще больше,— прервал его Ганнибал.— Эти старики напоминают мне некоторых карфагенян, людей Ганнона...

— Но ты все-таки им доверяешь?

— Я позволил им идти впереди, потому что они знают дорогу,— сказал Ганнибал.— Но я не спущу с них глаз и надеюсь, что узнаю по их спинам, когда они поведут нас неверной дорогой. На их лицах ничего не прочитаешь.

— Если это лисицы, то мы сдерем с них шкуру,— произнес Мономах со злобной улыбкой.

— С радостью обойдусь и без их шкур,— сказал Ганнибал.

Он отдал приказ внимательно наблюдать за вершинами, на которые мы должны были взбираться. Потом он снова подъехал на Суре к старикам, которым подъем не стоил, казалось, никаких усилий. Они отдыхали, когда армия отставала или когда Ганнибал повелевал остановиться. Все восемь стариков были высокого роста и издали совсем не выглядели стариками. Ганнибал постепенно преодолел свое недоверие к ним. «Им также хочется, чтоб горы остались позади»,— сказал он себе.

Дорога шла по суровой, но хорошо обозримой местности. Не было никаких признаков новой опасности. И ночь прошла спокойно. В следующие два дня дорога стала круче. Армия двигалась медленно, как огромная змея, но настроение у солдат было хорошим. Они видели, что горы остаются позади и что они приближаются к перевалу.

— Дня через полтора мы будем там,— обещали проводники.

Они спросили Ганнибала, хватит ли нам троих проводников или к перевалу нужно идти всем восьмерым. Ганнибал видел, что пятеро стариков совершенно измучены. Он вознаградил их — что вызвало у них удивление — и отпустил. Трех других, которые не так сильно страдали от трудностей дороги, Ганнибал оставил при себе.

Люди стали ощущать высоту. Каждый наемник должен был нести свой походный мешок и еще оружие. Лошадей нельзя было перегружать, так как местами дорога была очень крутой. На этой высоте попадались только отдельные деревья. Один неосторожный шаг мог вызвать падение камней. Горы отвечали на это громовым эхом. Люди и животные с тревогой оглядывались. Они видели пугающую дикость во всем, что их окружало, и стремились вперед. Другого выбора у них не было.

На следующий день — это был уже восьмой день подъема — мы ясно увидели впереди перевал. К нему вело ущелье, дно которого терялось в черной глубине. Ущелье было узким, но неуклонно поднималось к перевалу. Посередине ущелья, занимая почти всю его ширину, возвышалась гигантская скала. Проводники сказали, что обойти скалу можно с обеих сторон. Ганнибал разделил

армию на две части и приказал обходить скалу, чтобы вся армия могла в тот же день достичь седловины перевала, ведущего в Италию. Проводники заверили его, что в седловине хватит места для всей армии. Солнце освещало перевал, пока всадники, наемники, слоны и обоз входили в ущелье. По приказу Ганнибала тыл прикрывали пращники. Слоны, которых снова поставили в середину колонны, приближались к голой скале, которая поднималась в ущелье, как замок. Карталон и я, как и все остальные, с тоской смотрели на перевал.

— Еще три часа, — сказали проводники.

Радостная весть быстро обошла всех. Наемники восприняли подъем по почти отвесному склону как свою обычную дневную работу. Под ногами слонов дорога осыпалась. Сур двигался с величайшей осторожностью. Мы с Карталоном шли впереди него. Все погонщики шли рядом с животными, никто не сидел в седлах*.

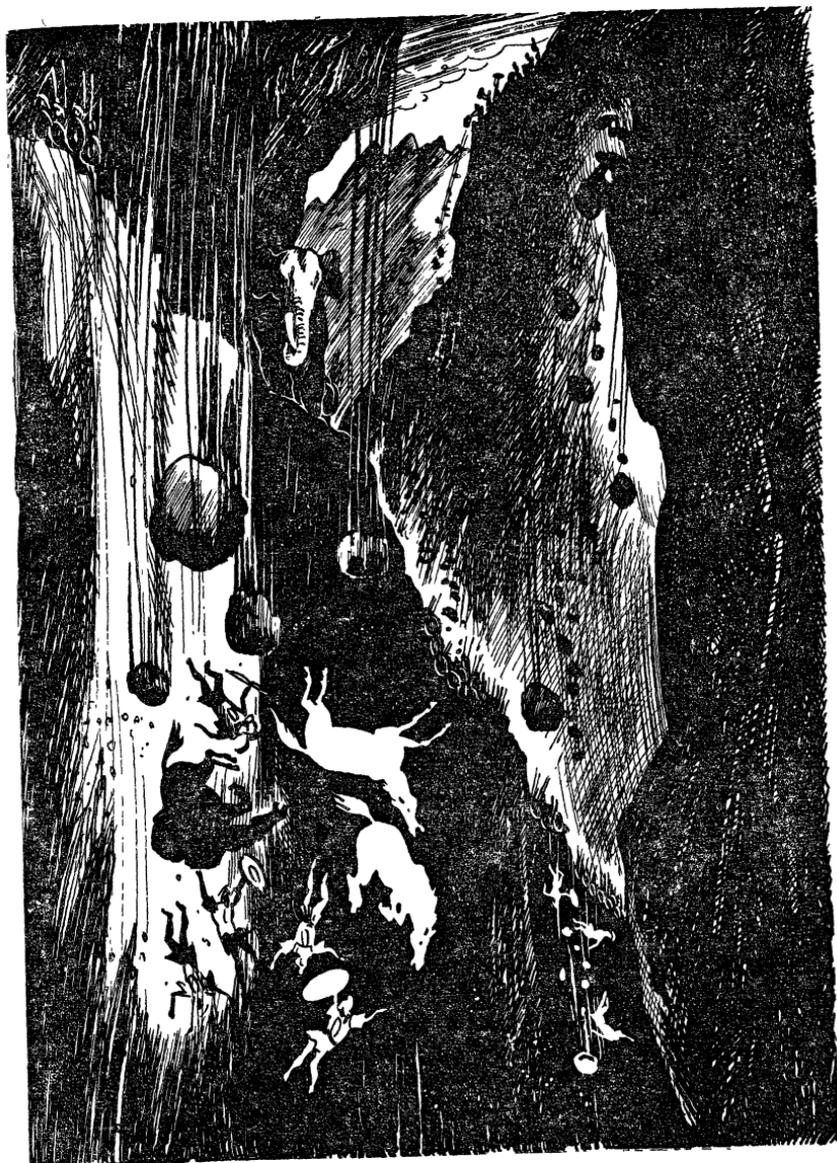
Горный кряж почти перпендикулярно вставал над ущельем. Под ним, как черные покрывала, легли тени.

Внезапно мы услышали сверху крики. От них загрохотали, проснувшись, горы. Некоторые слоны так испугались шума, что побежали назад. Но недалеко: дорога не выдержала их тяжести. Вьючные животные, гонимые страхом, тоже потеряли тропу. Так мы понесли значительные потери от одной только звуковой атаки.

Потом снова, как и в первый раз, сверху посыпался град камней. Нас загнали в ущелье. На склоне не росло травы, поэтому каждый падающий камень увлекал за собой целую лавину камней, а эта лавина уносила в пропасть людей и животных. На вершины, откуда неслась смерть, невозможно было взобраться. Старики заманили нас в ловушку еще более хитрую, чем первая.

На этот раз не только я залез под Сура. Нашел там убежище и Карталон. Сур был странно тихим. Он шел медленно, но уверенно, будто заранее знал, когда и где упадет камень. Мы прятались у него под животом, совсем как испуганные слонята.

Сейчас Сур стоял не шелохнувшись. Впереди него упал огромный кусок скалы. Он быстро сделал два шага вперед. Сразу же позади обрушился камнепад. Было похоже на то, будто слон играл в игру, в которой он знал наперед

каждый ход. Так он прошел примерно шагов тридцать, подобравшись к нависавшей сверху скале. Он прижался к ней и встал неподвижно, будто сросся с этой серой громадиной. Мы с Карталоном укрывались под Суром, как под скалой, от которой исходило тепло.

Мы устали друг на друга, открыв рот. Посередине этого ада Сур нашел уголок, где смерть не могла нас поймать. Большая часть армии осталась без укрытия от сыпавшегося сверху града камней и осколков скал. Группа людей собралась вокруг Сура. Время от времени кто-нибудь из сидевших с краю падал в пропасть, сметенный камнями.

А потом по ущелью пронесся крик ужаса:

— Идут дьяволы!

Люди, которые нанесли нам такой сокрушительный удар, теперь сами спускались с гор. Они смело сходили с такой крутизны, где, казалось, невозможно было и шагу ступить. Горцы достигли своей цели, отрезав Ганнибала от всадников, слонов и наемников Мономаха. Теперь они решительно двинулись к арьергарду. Ганнибал с отрядом бесноватых кинулся на них и отбил атаку горцев. Магарбал набросился на них с тыла. Битва продолжалась с переменным успехом часа два. В тесном ущелье невозможно было атаковать врагов с фланга, и горцы удерживали свою позицию до наступления темноты. Ночь остановила оба сражения. Ганнибал все еще был отрезан от своей армии. В полночь он попытался прорваться, но ему оказали сильное сопротивление, и он был ранен. С большим трудом солдаты спасли его от рук аллоброгов. Решительная битва была отложена до утра.

Когда рассвело и мы попытались прорвать с двух сторон заслон, то увидели, что за каменными завалами никого нет. Горцы отступили поздно ночью. Отойти они могли только по отвесным горным стенам, нависавшим с двух сторон над заслоном. Как они это проделали в ночной темноте и без шума, никто не мог объяснить. Они оставили после себя зловещую тишину. Людей, стоявших у покинутого каменного завала, охватил страх. Они обыскали ближайшие вершины. Вокруг бесшумно летали птицы. Это были огромные птицы, каких никто раньше не видел. Утро было тихим. Горы безмолвствовали, будто вообще

не умели отвечать эхом на крик. Слышались только стоны раненых. Оставшиеся в живых были полны страха и избегали разговаривать друг с другом, как прежде, будто громкое слово могло вызвать новую гибель. Карталон пошел считать оставшихся слонов.

— Двадцать,— сказал он, вернувшись.

Все приняли эту весть за чудо.

Погонщики получили приказ приготовить слонов к походу. Встревоженные животные с трудом выбирали дорогу среди обвалов и трупов. Ганнибал ушел вперед, чтобы сосчитать потери. Он приказал поставить слонов во главу шествия. Наемники смотрели на серых гигантов, как на привидения. Я слышал, как они считали их вслух. Они думали, что погибли все слоны, хотя все двадцать вышли живыми из ущелья. Значит, еще не все было потеряно. Ганнибал осмотрел слонов, каждому он сказал несколько ободряющих слов.

Вьючных животных, тащивших пищу для слонов, тоже приказано было поставить впереди. Половина из них пропала. Тем не менее Ганнибал приказал выдать им весь дневной рацион, и они приободрились, так же как и слоны. Он вел всех переживших битву к перевалу — хотел как можно скорее увести армию от окружавших ее ужасов.

Небо покрылось облаками, но перевал был виден. Теперь животным надо было взбираться вверх. Возможно, что вид животных удерживал аллоброгов от новой атаки или они считали, что и так нанесли нам большой урон.

Карталон сказал мне, что в авангарде ходят разговоры о том, что двое из трех проводников убежали, когда началось сражение. Мономах приказал пытаться третьего до тех пор, пока тот не скажет, почему проводники предали нас. Но старик молча выдержал пытку и продолжал смотреть так приветливо, как будто это ему удалось убежать.

— Вот они,— горько сказал Мономах,— обманывают тебя даже в смерти!

Карталон поведал мне, что старик молчал как камень до самого конца.

Заметно стемнело, и вскоре пошел снег. Снежинки были маленькими и сухими. Поднялся легкий ветер и закружил снежинки. Земля уже замерзла, и теперь ее всю покрывало снегом.

Вскоре на снегу стал отчетливо отпечатываться каждый шаг. Сур вдавливал своими ногами в рыхлую белизну огромные печати. Слоны были хорошими ходоками. Они не спешили и терпеливо поднимались в гору — подгонять их не надо было. Они ясно прорисовывали дорогу всем следовавшим за ними.

Ветер усилился. Он гнал навстречу людям снежную пелену. В десяти шагах уже ничего не было видно. Мороз обжигал глаза и лица. Тропа обледенела. Все чаще кто-нибудь скользил и падал. Колени кровоточили, одежда людей стала грязной. Терялось снаряжение и оружие, пропадали вьючные животные с их поклажей. Легкий снежный покров был обманчив: склон горы оказался под ним еще более крутым, чем был на самом деле. Рискованным становился каждый шаг. Слоны тоже выбивались из сил. Внезапно соскользнул в бездну Карлик — мы слышали, как вскрикнул его погонщик. Помочь было нельзя. Каждый сам старался не потерять равновесие. Из-за снежной бури ничего не было видно, но вскоре мы узнали: великан-погонщик хотел удержать своего слона, но Карлик перекатился через него... Осталось девятнадцать... Сур нащупывал хоботом дорогу. Иногда он поднимал хобот навстречу перевалу, спрятавшемуся вдаль. Теперь борьбу с нами вели горы. Они наносили нам удар за ударом, сами не двигаясь с места. Чтобы образовать в Ганнибаловом строю брешь, уже не требовалось катящихся сверху камней. Горы были против нас, и небо, висевшее над нами, было врагом. Оно швыряло нам в лицо ветер и снег. Многие, упав, так и оставались лежать, отказываясь от помощи. Горы победили их. Оставаясь неподвижными, горы убивали преступников, осмелившихся нарушить их покой бряцанием оружия. Утесы очнулись от векового сна. Нами овладел ужас.

— Сейчас мы одолеем его, этот проклятый перевал, — задыхаясь, сказал Ганнибал.

Он возглавлял колонну и тащил на себе оружие и поклажу, как последний из наемников. Когда крики погонщиков извещали о том, что остановился какой-нибудь слон, Ганнибал спешил туда. Он столько времени разговаривал со слоном, пока тот не двигался дальше. Все мы знали, что погибнем, если ночь застигнет армию на отвесном склоне горы. Ганнибал кружил вокруг своего войска, как овчарка вокруг стада. Один раз он натолкнулся на меня, когда я лежал на земле, вцепившись руками в склон. Он опустил на колени, попробовал поднять меня.

— Разожми пальцы,— сказал он,— я держу тебя.

Я уткнулся лицом в землю.

— Слышишь? — проговорил он, задыхаясь. — Они не сдались! — Он сильно прижал меня к себе. — Слоны и мы были первыми!

Перевал был достигнут. Он был похож на огромное седло, полное снега. Один за другим прошли слоны мимо Ганнибала. Животные удивленно переставляли ноги; слоны никак не могли поверить в то, что на свете есть еще хоть одно место, которое не было бы отвесным.

Тембо на перевале совсем выдохся и упал, обессиленный. Сур и еще один слон опустили возле него на колени, они не успокоились до тех пор, пока не подняли Тембо на ноги. Тогда Сур нашел защищенное место, и слоны столпились вокруг него. Их было девятнадцать — выстояли все, кроме Карлика.

Ярость неба утихла. Снег, правда, еще шел, но его уже не мело — он падал отвесно и бесшумно. Ветер прекратился. Слоны стояли, тесно прижавшись, согревая друг друга. Мы держались возле них, потому что от них исходило тепло. Рядом мы развели костер. Слоны с этим примирились. Погонщики сгрудились на корточках вокруг огня. Когда подошли вьючные животные, на слонов накинута красная покрывала, которые были частью их военного снаряжения. И корм они получили, хотя его оставалось не так уже много. Мы тоже поели, для нас всего было достаточно. Мы оттаяли возле огня.

В снегу горели костры. Перевал плоско протянулся к югу, здесь было достаточно места для тех, кто еще уцелел.

Карталон сидел рядом. Он закутал меня в овечью шкуру.

— Ты вел себя, как Ганнибал! — шепнул он мне в ухо. У него нашлись добрые слова и для Сура, и для других слонов.— А есть люди, которые называют их луканскими быками! — возмутился он.

Я недоумевающе взглянул на него.

— Римляне, кто же еще! — пояснил он презрительно.— Они впервые увидели слонов в Лукании, потому и говорят — луканские быки... Быки! — сердился Карталон.— Надо извиниться перед Суром за это бесстыдство.

Он встал и направился к слонам, словно его решение не терпело отлагательств. Я уже не мог встать и плотнее закутался в шкуру. Снег все еще падал. В беззвучном снегопаде костры казались маленькими солнцами. Я смотрел на эти маленькие солнца, пока огонь и снег совсем не затуманились.

22

Я проснулся и почувствовал, что мне тепло. Это шкура, в которую я заполз во сне с головой, согрела меня. Я выбрался из нее и увидел солнце. Вокруг меня все уже давно проснулись и были заняты делом.

— Эх ты, соня! — стал дразнить меня Карталон.— Время обеда! Есть хочешь?

Карталон дал мне поесть.

— Ты кое-что пропустил,— сказал он.— Всех нас похоронило. Каждый из нас лежал под белым могильным холмиком. Все слоны были белыми, вся армия! А ты проспал! Солнце убрало это покрывало и унесло его в горы... Смотри!

Я сощурился. Яркий свет резал глаза. Сначала надо было привыкнуть к солнцу. Оно было высоко в небе и ярко горело. Просто удивительно, что натворило солнце за такое короткое время. Ночью все вокруг было холодным, диким — безрадостный конец света. А теперь нескончаемая цепь высоких гор сияла на фоне голубого неба. Они сверкали так, будто появились на свет только сегодня. Одна вершина вздымалась над другой. То там, то здесь на снежных пиках горели искры, дрожа и мерцая, как звезды в холодную погоду. Казалось, они изо льда, но удивительнее

всего было то, что от них шло тепло. Белые пики помогали солнцу согреть мир.

Но где был мир, в котором жили люди? Мой взгляд упал на бесконечное рыхлое покрывало, раскинувшееся под нами. Казалось, что со всех вершин сползли вниз ледники, слившись в одно белое море, парящее высоко над миром.

— Мы над облаками,— воскликнул Карталон.

Он был в отличном настроении. Я поискал глазами Сура. Все слоны стояли теперь маленькими группами или поодиночке. Сура нигде не было видно.

— Где Сур?

— Он скоро вернется,— успокоил меня Карталон.— Он ищет воду.

Я отправился по дороге и вскоре нашел Сура. Тот стоял в стороне от лагерной суматохи возле канавки, проделанной тающим снегом. Он неутомимо всасывал воду хоботом и непрерывно поливал себя, особенно ноги, которые у него, очевидно, болели. Сур похудел, бока у него ввалились. У меня в кармане был кусок хлеба, и я отдал хлеб ему. Он взял его с жадностью.

— Слонов уже кормили? — спросил я, вернувшись, у Карталона.

— Я разделил с ним свой завтрак.

— А корма не осталось?

— Там, внизу,— успокоил меня Карталон,— под облачным одеялом. Послезавтра у всех будет много еды, послезавтра мы начнем спускаться.

— Почему не сегодня? — спросил я в тревоге.— Выходит, слоны должны голодать?

— Ты только со слонами считаешься,— укорил меня Карталон.— Ведь есть еще и люди...

Воины были измучены. Многие из них не могли продолжать поход дальше. Ганнибал отдал приказ расположиться на два дня на отдых. Он рассчитывал на солнце. Еды было достаточно, и поэтому надо было дать людям покой, так как это самый лучший и быстрый способ восстановления сил. Здесь уже не надо было бояться нового нападения.

После таких ужасных потерь Ганнибал хотел провести в армии перестановки — как и после стычки трехсот солдат Магона с римлянами. Но сейчас потери были неизмеримо

большие. Был сражен почти каждый второй. Правда, часть раненых солдат ожила под лучами солнца и нашла в себе силы подняться и присоединиться к нам. Некоторые раненые лошади тоже прибрели к лагерю днем. Но все ясно сознавали, что армия растаяла почти наполовину. За девять дней подъема к перевалу мы потеряли семнадцать тысяч пехотинцев и более двух тысяч всадников.

На следующий день облачный покров начал рассеиваться. В течение часа он растаял в южной стороне, обнажив долины и равнины. На север от перевала облака еще держались, скрывая от нас ущелье. На юге мы видели всю страну до самой реки Пад*. Огромная река лежала вдали, как блестящая лента.

Ошеломленные наемники смотрели вниз, в долину. Даже едва тащившиеся раненые выпрямились. Ганнибал вскочил на обломок скалы, чтобы все его хорошо видели. Он долго смотрел на юг. Потом повернулся к солдатам:

— Там находится Рим! — закричал он, обращаясь к наемникам и вытянув руку в направлении Италии.— Мы стоим у дальних стен Рима! Скоро мы спустимся и встретим тех, кто нас ждет. Из-за предательства наша армия в горах уменьшилась, но на равнинах она снова вырастет и будет еще сильнее. Самое худшее позади. Внизу наши друзья, а за ними стоит враг, которого мы сметем в сражениях, и сражений этих будет меньше, чем пальцев на моей руке. И тогда никто не встанет на нашем пути, пока мы не постучимся в ворота Рима. Для вас, которые перебрались через горные стены, упирающиеся в небо, городская стена Рима уже не будет препятствием. Вы покорили Альпы, и Рим будет для вас наградой. Берите этот город! Я отдаю его вам! Посмотрите назад! Там смерть. Вы покорили ее; она не осмеливается вам больше показываться. А теперь посмотрите на юг! Там жизнь. Она ждет вас...

Ганнибал кончил. Мы слушали его, вытянув шею. Он соскочил со скалы и подошел к раненому солдату, опиравшемуся на копье.

— Мы были вместе в аду,— сказал он громко, чтобы его услышали другие.— А теперь мы возьмем награду за то, что повыдергали зубы у дьявола.

Речь Ганнибала прогнала наши мрачные мысли. Мы лихорадочно ждали, когда можно будет спуститься вниз,—

там, по другую сторону гор, наши друзья и наши враги. В последний раз зажглись на перевале костры. Были розданы последние запасы пищи, все старались угостить друг друга. Карталон стал угощать Силена.

— Теперь мы братья,— провозгласил он торжественно,— мы стали братьями в аду.

Лицо у Карталона горело. Когда он начал говорить со мной, я увидел, что он в лихорадке.

Перевал напоминал обширный стол для пиршеств, где происходило дикое празднество. Мы были пьяными без вина.

23

Пришла ночь, и лагерь затих. Становилось холоднее. Карталон закутал меня и себя в шкуру и два покрывала, и мы согревали друг друга.

— Слоны делают так же,— сказал Карталон.

От него шел жар. Мы лежали неподалеку от слонов.

— И для них самое трудное позади,— уверял он меня.— Для всех нас наступают лучшие дни.

Мы лежали и смотрели в ночь. Она была полна сияющих звезд. Вокруг нас сверкал лед, и в нем отражались звезды. Мороз пощипывал кожу лица. Но мне не было холодно. От Карталона шел жар, как от печки. В нем бушевала лихорадка. Он лежал так тихо, что я иногда слышал быстрые удары его сердца. Когда он что-нибудь говорил, над его лицом поднимался белый пар.

— Осталось сделать только два шага,— сказал он вдруг,— в Рим и назад в Карфаген, в мой город, в твой город, мой маленький карфагенянин! — Он повернулся ко мне и спросил, горячо дыша: — Чем был бы африканский берег без Карфагена? — Потом приподнялся и глянул в широкий темный просвет на юге, открывавшийся между горами.— Вот он, сияющий город! — прошептал он в большом волнении.— Видишь желтый берег и белокаменный корабль? Это Карфаген, хозяин всех западных морей. Он навечно встал на якоре у берегов Африки...

Я тоже оперся на локоть и взглянул туда... Но я увидел только ледяные пики и блестящие звезды.

Карталон все еще говорил. Я закрыл глаза и увидел

белокаменный корабль под синим небом Африки. Я увидел гавани, о которых он говорил: внешнюю — для торговых кораблей и внутреннюю — для военных. В середине военно-морской гавани я увидел маленький островок с башней коменданта, и корабли, пристающие к берегу между нарядными колоннами.

— Где еще есть такие стены? — восторгался Карталон. — Внутри их есть место для трехсот слонов, для шести тысяч лошадей и двадцати тысяч наемников! Над стенами высоко вздымается Бирса* — холм, на котором основан Карфаген. На его вершине возвышается замок, а между гаванью и замком раскинулся город. Его крутые узкие улицы полны шума, грязи и толкотни. На базарах кипит жизнь, большие дома теснятся, отнимая друг у друга море и небо.

В бреду Карталон повел беседу с моряками в красных куртках, с торговцами и красильщиками, которые привезли на рынок товары: пурпурные, красно-коричневые и малиновые ткани... Куда бы Карталон ни шел, повсюду он встречал старых знакомых. Он хлопал по шее ослов, когда они возвращались от колодца Тысячи кувшинов — единственного колодца в городе... У каждого осла на спине привязаны высокие кувшины, до краев наполненные свежей водой... Ослов ведут мальчишки, которые с восьми лет начинают ходить за водой к колодцу.

И тут Карталон разозлился.

— Эти уличные мальчишки! — проворчал он сердито. — Видишь человека в короткой тунике с орнаментом из колосьев? За ним бегут мальчишки и кричат: «Маленькая крыса!» Это один из тех торговцев, которые заставляют рабов таскать на базар партии товара. Он будет очень богатым, потому что копит деньги. Его отец копил деньги, он сам низкий человек, и его сын будет одним из тех, которые спят на мешке с деньгами. У него будет загородный дом в Мегаре*, среди садов и виноградников, между горами и морем, где родился Барка и где Ганнибал впервые увидел свет. Посмотри на деревья — они гнутся под тяжестью фруктов! Как тучны поля, простирающиеся до самой пустыни! И посмотри на каналы, вырытые между полями и пустыней, как между двумя врагами. Даже пустыня не смеет нападать на Карфаген! Всюду жизнь, а это имен-

но то, что любит карфагенянин. Жизнь кипит и в крестьянских хижинах, где пахнет капустой и чесноком, и в ночлежных домах, где неимущие спят на земляном полу. Все они дружно справляют праздники, пекут пироги из муки, сыра, меда и яиц. Они любят сдобные пироги — богатые и бедные, молодые и старые. Стеклодувы и плотники, моряки и крестьяне, богатые купцы и нищие бродяги — все полны кипучей жизни и не хотят быть никем иным, кроме как карфагенянами! И только рабы проклинают жизнь, которая им больше не принадлежит. Такая судьба ждет и римлян! Мы будем громить их до тех пор, пока из каждого римлянина не сделаем раба. Но мы,— он притянул меня к себе, трясаясь в лихорадке,— мы навеки проживем счастливо после всего этого... Карфаген, мы на пути к тебе! Лед не заморозит нас, потому что ты согреваешь нас, ты — белокаменный корабль, который никогда не потонет!

Он прижался к моему лицу своим грубым, горящим, покрытым шрамами лицом. Потом он взглянул на меня, и его глаза заблестели в темноте.

— Мы будем там счастливы — ты, Сур и я,— и там не будет ни льда, ни снега, ни римлян. А теперь давай спать, маленький карфагенянин. Завтра мы спустимся с гор и покончим с Римом!..

Его горячие руки отпустили меня. Он откинулся назад, измученный. Я поплотнее закутался в шкуру.

На следующее утро Карталон разбудил меня, когда небо еще серело. Его опять лихорадило, но он крепился. Все вылезали из-под покрывал, стряхивая снег; надо было готовиться к спуску. Небо нависло очень низко и касалось горных вершин. Шел снег, и было ясно, что снегопад еще долго не перестанет. Но никто уже не обращал на него внимания. Мы уже видели зеленые долины — они звали нас к себе, и мы были уверены, что в этот же день снег останется позади нас.

По приказу Ганнибала слонов поставили впереди колонны. Мы шли рядом со слонами, они охотно двинулись в путь, гонимые голодом. Никогда им еще не приходилось так голодать. Кожа на слоновьих боках обвисла, болталась. Все же слоны увереннее находили под снегом дорогу, нежели лошадь или даже человек. Мы без отдыха шагали

по широкой, стремительно спускавшейся серпантином дороге, пока это было возможно. Но когда дорога стала круче, начали падать даже некоторые слоны. Под слоем вновь выпавшего снега лежал пласт прошлогоднего, который образовал ледяную корку. Под ногами людей и животных свежий снег превратился в месиво. Местами можно было продвигаться вперед только на четвереньках. К тому же мы потеряли видимость из-за вьюги. Но слонов не так-то легко было сбить с пути. Коварству гор они противопоставили свою ловкость. Когда дорога превращалась в крутой ледяной склон, они садились наземь и осторожно катились вниз, выставив, как тормоз, передние ноги. А острые копыта вьючных лошадей вонзались в предательскую поверхность и застревали в ней, как в клещах.

Снегопад продолжался еще около трех часов, потом показалось чистое небо, и мы вздохнули с облегчением.

Внезапно перед нами возникла белая стена — высокая, словно крепость. Дорогу, шедшую мимо этой скалы смело оползнем. С изумлением смотрели мы на белую стену, возникшую перед нами над крутым склоном. На тысячу футов книзу склон был покрыт камнями. Ганнибал пытался найти кружной путь, чтобы преодолеть пропасть и обойти скалу над ней, но безуспешно.

— Если нет дороги, мы ее сделаем,— решил Ганнибал.

Никто не понял, что он этим хотел сказать. Он приказал спилить несколько деревьев, которые стояли как забытые часовые, и разрубить их. Поленья сложили друг на друга возле скалы. Потом их подожгли. Огромное пламя лизало белый камень, и он стал черным. Когда камень раскалился и готов был лопнуть, Ганнибал приказал облепить скалу тающим снегом. Потом мы облили ее уксусом, и она стала покрываться трещинами. Всю ночь Ганнибал штурмовал белую скалу огнем, ледяной водой и уксусом. Он разрыхлил ее, и она начала поддаваться. К утру белую скалу прорезал узкий проход. Воины смогли протиснуться сквозь него и построить над пропастью мост из стволов деревьев. Они навели мост над тем участком дороги, где его смело оползнем.

На тринадцатый день, когда солнце стояло на юге,

мост был готов. Слон за слоном, лошадь за лошадей, человек за человеком прошли по тропе через мост, который был местами шириной всего в несколько футов*. Один из слонов погиб, когда стволы в одном месте разошлись. Туда вставили новый ствол и закрепили его. В пропасть упало несколько лошадей. Но из людей не погиб никто. Ночью мы не могли сомкнуть глаз. Утром слоны тихо прошагали в долину, как огромные призраки.

Воздух становился теплее. Мы спотыкались о корни, о травяные кочки. Мы смотрели друг на друга украдкой, не осмеливаясь заговорить: боялись, что первое же сказанное вслух слово разобьет этот сон. Как только местность позволила сделать привал, Ганнибал приказал остановиться. Многие попадали там, где стояли, и сразу же уснули.

— Какие прекрасные деревья! — услышал я слова Карталона и увидел, как Сур тянется к веткам.

Когда слоны начали есть, я уже засыпал. Карталон наклонился ко мне.

— Семнадцать прошли сквозь стену, — сказал он, и на его лице было такое выражение, будто война уже окончена и мы победили.

24

На второй день спуска мы прошли через область, которую населяли салассы. О них Магил говорил еще на Острове: «Сперва вы пройдете через страну салассов*, они ваши друзья...»

Салассы, встречавшиеся нам по дороге, вели себя не как друзья, но и не как враги — они толком не знали, как себя держать... Казалось, они были застигнуты врасплох, смущены, а их дети пугались нашего вида и убегали. Видимо, салассы ожидали увидеть армию, а тут появились группы оборванцев. Некоторые даже не имели при себе оружия. Полуголодные, обросшие бородами люди тащились в долину. Мы едва держались на ногах. Даже наводящие страх серые великаны, возглавлявшие эту колонну привидений, качались так сильно, что казалось, они вот-вот упадут. Многие из нашей армии были ране-

ны и смертельно бледны, в глазах затаились тени преодоленных страхов. «И это непобедимые завоеватели?» — думали салассы. Они повидали римскую армию. Они знали, что Рим отрядил против Ганнибала целые легионы. А теперь эти тени изможденных воинов хотят покорить Рим?

Салассы предоставили солдатам Ганнибала все, что требовалось, но они дали это так, как будто мы были нищими. Они открыли двери своих домов, но остались на пороге, никто не вышел навстречу — никто и не думал присоединиться. В лучшем случае они соглашались продать оружие. Большинство из них наблюдали за пришельцами издалека, молча, и по их позам было ясно, что с этими «освободителями» они не хотят иметь ничего общего.

В этот же день мы пришли в долину. Спуск длился всего два дня, нигде нам не было оказано сопротивления, не встретилось никаких засад, никаких враждебных действий, — но войска всюду вызывали жалостливое сочувствие, а это было много хуже враждебности. Наемники восприняли это как позор. Угнетен был и Карталон. Он пытался скрыть это от меня, но я видел, как он разочарован. Его все сильнее лихорадило. Но о лечении он не думал.

Ганнибал велел остановиться возле маленькой речки. Слоны сразу вошли в воду, хотя она была холодной. Сур оставался в реке дольше других. Он то и дело охлаждал себе грудь. Карталон обратил на это внимание. Когда Сур вышел на берег, Карталон осмотрел его.

— Его знобит, — сказал он озабоченно, — у него что-то болит.

И Карталон обнаружил причину нездоровья: на груди, там, где начинается шея, у слона появилась опухоль. Под складками кожи был огромный мешок гноя. Карталон ругал себя за то, что обнаружил это только сейчас:

— Это мучает его уже много дней!

Он порылся в карманах, нашел кусок хлеба, немного соли и угостил Сура. Потом он стал тереться лицом о хобот слона. Одновременно он разговаривал со мной. Он потребовал, чтобы я ушел. Когда я через десять шагов обернулся, я увидел, как Карталон быстро воткнул в грудь Сура

кинжал и отпрыгнул в сторону. Сур испугался, его хобот взлетел вверх, из груди вырвалась кровавая струя. Больше ничего не случилось. Сур даже не повернулся в сторону Карталона, который чистил землей кинжал.

— Они способны выдержать многое,— сказал мне Карталон вечером,— и всегда понимают, когда им хотят помочь.

Я все еще боялся за слона; в какой-то момент я даже стал опасаться, что Карталон мог попасть в сердце Сура.

— Оно у него глубоко,— успокоил меня Карталон.

Мы осматривали Сура ежечасно. Он разрешил Карталону приблизиться. Рана была величиной с ладонь, но боль, очевидно, уже прошла.

На другое утро Сур залепил свою рану глиной. Казалось, что и Карталона больше не лихорадило. Он уже не выглядел таким подавленным.

— В воздухе веет победой! — сказал он, когда был отдан приказ о выступлении.

Я посмотрел на наемников. Они выглядели все такими же истощенными оборванцами, и я удивился словам Карталона.

В этот день нас встретили посланцы Магила. Это были те самые всадники, которые перешли с Магилом Альпы. Ганнибал спросил, почему Магил сам не явился.

— Ему некогда,— ответили всадники.— Он осаждает город тавринов за то, что они плохо отзывались о покорителях Альп.

— О вас? — переспросил Ганнибал.

— О вас! — возмущенно ответили люди Магила.— Они называют вас опустившимися.

Ганнибал помрачнел.

— Они еще нас узнают,— пообещал он.— Как далеко до этого города?

— Два дня пути.

— Эти таврины нищие?

— У них всего в избытке.

— Тем лучше.

Ганнибал отослал всадников к Магилу и велел передать ему, что просит его повременить со штурмом, пока сам не подойдет со своим войском. Он решил сделать город добычей «опустившихся».

Услышав о наглости тавринов, Карталон просветлел. Да и в каждом солдате войска проснулась охота вступить в рукопашную с людьми, которые могут потерять свою крепость. Столь неожиданно появившийся враг сразу превратил сборище привидений в боевую армию. Изменились даже слоны. Чем ближе подходили они к крепости тавринов, тем более угрожающими они выглядели. Кельтские воины, зараженные воинственным настроением наемников, присоединились к ним. Они принесли с собой оружие, привели лошадей, прихватили много повозок. Раненые уже не хотели оставаться в тылу. Из уст в уста передавались слухи о богатстве тавринов.

Спустя три дня крепость была взята с налета. Таврины, парализованные видом боевых слонов, почти не оказали сопротивления. Ганнибал отдал город на разграбление наемникам. Сотню пленных он пощадил и согнал в загон для скота. Войско упивалось молниеносной победой. И тут произошло то, что Ганнибал предсказывал еще на перевале: бреши, пробитые в горах каменными лавинами, заполнились — со всех сторон текли вооруженные отряды людей, чтобы присоединиться к армии Ганнибала. Начало этому положил Магил. Присоединились инсубры, бойи*, даже салассы; теперь их больше не смущало, что победители ходят в лохмотьях. Наемники переоделись во все новое. Оружия тоже хватало — достаточно было взять его у убитых. Хватило для всех лошадей и седел, вина и хорошей еды. Слетелись, как воронье, работоторговцы, когда начали продавать уцелевших женщин и детей. У каждого наемника вдруг оказались набитые деньгами карманы. Война развертывалась именно так, как они себе представляли.

Все это я наблюдал издали, со стойбища слонов, которое Ганнибал приказал устроить вне шумного лагеря. Во время штурма города слонов всего лишь подвели к стенам, и этого оказалось достаточно, чтобы навести страх на обороняющихся. В город не вошел ни один слон даже после боя. Ганнибалу важно было сохранить как можно больше слонов — их и так оставалось всего семнадцать. Каждое утро Сур вел свое поредевшее стадо к реке. Солнце блестело на широких мокрых спинах. Местные жители наблюдали слонов на почтительном расстоянии. Дети

с каждым днем смелели и подходили все ближе. Целую неделю казалось, будто слоны не имеют с войной ничего общего. Но от наблюдавших за слонами, конечно, не ускользнуло, что животные беспокойны. Возле реки слоны собирались на свои долгие совещания. Мы слышали их нарастающее и смолкавшее ворчание. Карталон, загоравший, как и все мы, на солнце, прислушивался к ним вполуха. Ему, конечно, было ясно, о чем они беседуют.

— Сперва о том, что было до сих пор,— пояснил он мне.— Представь себе, как они гордятся тем, что преодолели ущелья, горные реки, перевал, эту проклятую белую скалу! Они запоминают каждый свой шаг...

Карталон уверял меня, что даже человек не обладает такой хорошей памятью, как слон. Карталон опять прислушался.

— А теперь они говорят о том, что еще предстоит,— сказал Карталон.— Римляны они чувствуют издали, задолго до нас. Они еще покажут этим римлянами, что значат семнадцать слонов!

Через неделю вооруженные наемники перебрались на другой берег реки. Во все стороны высланы были дозорные.

— Пахнет римлянами,— сказал Карталон, когда отдан был приказ одеть слонов в боевое снаряжение и привести их в лагерь.

Ганнибал велел построить слонов на площади посреди лагеря. Он сел на Сура, чтобы обратиться к воинам с речью. Наемники и солдаты вспомогательных отрядов пожирали его глазами. Уже несколько часов ползли слухи: римляне выступили нам навстречу...

Вернулись высланные Ганнибалом дозорные, появились в лагере и перебежчики.

— Это все тот же Сципион,— сказали они,— который хотел остановить карфагенян на Родане; теперь он полон решимости задержать Ганнибала у подножия Альп. Он уже уничтожил мост через реку Пад.

Ганнибал подтвердил эти слухи.

— Я хочу вам рассказать обо всем, что касается римлян,— закричал он наемникам.— К нам перебежали люди, которые до сих пор поддерживали римлян. Сципион попробовал было разжечь их кровь. Чего он достиг, вы

видите сами,— они от него сбежали. И не удивительно! Послушайте, что он им рассказывал...

Ганнибал дал говорить некоторым из перебежчиков: речь Сципиона переводил он сам. Когда он обратился к своим людям как римлянин, сразу же раздался одобрительный смех.

— Римляне! — кричал он, усиленно жестикулируя. — К сожалению, вы одержите только половину победы, ибо вы встретите врага, который уже побежден — побежден горами, через которые погнал своих наемников этот сумасброд, именуемый себя Ганнибалом! Вы будете воевать против ослабевших от голода! Это тени людей, разбивших себе плечи и головы об острые утесы, отморозивших себе пальцы на руках и ногах.

Все вокруг смеялись, ибо Ганнибал принимал неестественные позы, и многие подражали ему, тряся головами. Еще неделю назад эти слова попали бы в цель, теперь же они вызывали один лишь смех. А когда Ганнибал заговорил о сломанном оружии, о хромых лошадях, о поредевшей армии, заносчивость обогатившихся и опьяненных победой наемников вылилась в диком реве.

— Вы, римляне! — крикнул Ганнибал. — Перед вами разбитая армия, которую осталось всего лишь прикончить! Накажите этих упрямецев, они заплатят вам дань! Обращайтесь с ними, как с рабами, восставшими против вас. Закуйте юного безумца, развязавшего войну, в цепи!.. Сципион имеет в виду меня, — закончил Ганнибал.

И опять раздался рев наемников. Они бурно требовали выступить навстречу римлянам.

— Нельзя их недооценивать, — сказал теперь Ганнибал серьезно. — Они знают, за что борются: за свой город, за дома, поля и скот, за матерей и братьев. Если они не победят, то станут рабами. Впервые для них все должно решиться. Для нас тоже! Не обманывайте себя, выхода у нас нет. За нашей спиной горы, с обеих сторон море — и ни одного корабля, чтобы спастись бегством. Помочь себе можем только мы сами. Но разве этого мало? Вы меня знаете: я вырос среди вас, каждый из вас видел, как я поступаю с врагами. Я же знаю каждого из моей армии, и знаю, на что он способен. Нас возвеличила война, в войне мы дома, как рыбы в воде, как птицы в воздухе. Нам же

противостоят новички, завербованные в спешке, неопытные. Сципион командует армией всего лишь полгода, как полководец он подобен ребенку, еще не научившемуся ходить. И такой человек называет нас своими рабами! Вашими рабами станут римляне — это я вам обещаю. Каждый из вас получит двух рабов-римлян... Они, видите ли, потребовали, чтобы нас выдали, как разбойников, они обещают нам пытки и смерть. Все это достанется им самим! Вы получите их поля и сады, их дома и добро. В конце у них не будет ничего, а у вас все!..

Последние слова Ганнибала вызвали долго не смолкавший рев одобрения. Слоны забеспокоились. Ганнибал приказал их увести. Поэтому я не увидел, что происходило на площади дальше. Чтобы еще больше поднять боевой дух наемников, Ганнибал велел привести в лагерь сотню пленных тавринов. Им предложено было завоевать свою жизнь в поединках. Это были в основном юноши, они с радостью приняли предложение. Некоторые, танцуя, выказывали готовность бороться до тех пор, пока кто-нибудь из двоих не будет убит. Их нисколько не смущало, что таврины будут драться против тавринов. Им дали оружие, победителям Ганнибал обещал подарить боевого коня и, конечно, свободу. О конце каждого поединка возвещал рев толпы. Карталон, видевший часть этих поединков, вернулся из лагеря с красным лицом. Он не уставал прославлять храбрость этих смертников.

— Оставшиеся в живых будут теперь с нами, — объявил Карталон с гордостью. — Кому бы это удалось, кроме Ганнибала, — сделать из вчерашних врагов союзников? Из бойев, инсубров, салассов, тавринов он делает карфагенян; из толпы — армию! А эти римские птенцы еще отваживаются... — И тут Карталон потерялся в злобных речах против Сципиона и ему подобных, стал обвинять римлян во всех мыслимых подлостях и предрек, что их падение совсем близко.

Им овладело нетерпение, от которого он не в силах был отделаться, скорее достигнуть Карфагена. Вечерами его лицо пылало. Под глазами легли глубокие тени. Меня это беспокоило, и я поговорил об этом с Силеном. Силен позаботился о том, чтобы Карталона осмотрел Синхал. Тот дал Карталону мазь — натирать грудь и спину. Когда

я натирал ему спину, то слышал, как тяжело kloкотало в груди у Карталона.

— Смести римлян — и назад в Карфаген! — повторял он все чаще.

25

Ганнибал двигался вдоль Тицина* по направлению к Паду. Дни стояли теплые, хотя зима была на пороге. Солнце бодрило людей и животных; наемники с нетерпением ожидали встречи с врагом. На третий день после ухода из городка тавринов Ганнибал привел армию в укрепленный лагерь. Он нервничал из-за того, что все еще не встретился с легионами Сципиона. Лежащая впереди местность была неведомой, он боялся попасть в ловушку. На следующее утро он двинулся с конниками широким фронтом, чтобы встретить врага. Прочесали рощи, обыскали ущелья, осмотрели холмы. День стал жарче. Копыта лошадей поднимали тучи пыли.

Ганнибал с Магарбалом, Магоном и с небольшой свитой въехали на вершину холма. У Ганнибала захватило дыхание от того, что он вдруг увидел. Перед ним стояла римская конница. Как и Ганнибал, Сципион тоже искал врага, и он тоже ехал во главе примерно трех тысяч всадников. И он выбирал позицию на вершине холма.

Ганнибал прибыл туда раньше, и теперь у него было преимущество. Он не стал медлить ни одного мгновения. Магарбал и Магон разделили конницу на два крыла. Под прикрытием холмов нумидийцы подошли к флангам римлян. Столкновение двух армий было таким яростным, что многие всадники попадали с седел. Они продолжали яростно биться пешими. Раненые лошади беспорядочно носились вокруг. Вскоре все поле покрылось мертвыми и ранеными. Потом Магарбал и Магон врезались со своими нумидийцами во фланги римлян, после чего противник уже почти не сопротивлялся.

Каждый человек боролся теперь только за свою жизнь. Сципион сражался тоже отчаянно. Вокруг него стоял неопишуемый шум. Его сбили с лошади. Ганнибал увидел это и решил схватить консула живым, но не сумел к нему пробиться. Забыв об опасности, римские всадники прегра-

дили путь к месту, где их командующий лежал под копытами лошади. На глазах у Ганнибала какой-то молодой всадник пробился к раненому консулу, посадил его на лошадь, остальные окружили их, и все они стали пробиваться сквозь кольцо врагов под градом кровопролитных ударов. Так они ушли от преследователей. Сотни пожертвовали собой, чтобы спасти консула. Ганнибал не потерял и половины того числа всадников, которые были потеряны римлянами. Преследуя римлян, Ганнибал добрался до гряды холмов, откуда он увидел римский лагерь. До карфагенского лагеря было отсюда полдня пути.

Ганнибал повернул назад. Он решил атаковать римский лагерь на следующий день и вынудить римлян принять этот бой. Он вернулся в свой лагерь с сотнями пойманных лошадей. Наемники завидовали победе, одержанной конницей. Они чувствовали себя ограбленными, но успокаивались мыслью о близком сражении.

— Завтра настанет конец римлянам,— успокаивал Карталон меня и Сура.

Глаза у него горели.

В эту ночь он не спал — я заметил это утром по его лицу: оно стало серым, как пепел. Сур стоял в полном боевом снаряжении. Он был готов раньше других слонов. Затягивая панцирь на груди слона, Карталон извинялся перед ним.

— Сегодня я ничем не могу тебе помочь,— говорил он Суру,— сегодня великий день. Когда все кончится, римских легионов больше не будет. А сейчас готовься к бою...

Сур спокойно дал надеть на себя доспехи. Его рана уже зажила.

Ганнибал вывел свою армию в таком боевом порядке, чтобы она могла сразу же вступить в битву. Конница получила приказ защищать наши фланги. Ганнибал хотел, чтобы слоны и конница приняли на себя главный удар. Они уже доказали свое превосходство в первом же столкновении. Ганнибал считал, что Сципион не будет ждать, пока нападут на его лагерь, а отведет свои легионы в открытое поле и будет встречать карфагенян там. Ганнибал выслал вперед разведчиков и двинулся на юг.

Неприятеля нигде не было видно — ни на холмах, за

которыми укрывался римский лагерь, ни на поле за лагерьем. В лагере никто не подавал признаков жизни, при входе не было стражи, окопы были пусты. Ночью Сципион ушел.

Когда Карталон увидел покинутый лагерь, он произнес ругательство, которое никогда раньше не слетало с его губ.

— Они думают, что мы будем бежать за ними, пока не останемся без ног! — сказал он, сердито сверкая глазами.

Он чувствовал себя обманутым.

Ганнибал послал Магона и Магарбала с тысячько всадников с приказом напасть на след врага. Он велел нам снять со слонов доспехи и попоны. По его распоряжениям было видно, что он не рассчитывает на близкую битву.

К концу дня Карталон до того разъярился на римлян, что Синхал настоятельно посоветовал ему не давать волю своему гневу.

— Гнев съест тебя, — предупредил он Карталона.

Он приготовил ему горячий напиток. Шумное дыхание Карталона и его проклятия постепенно стихли. Один раз он даже засмеялся. Когда Магон и Магарбал вернулись, по лагерю быстро прокатился слух, что в руки карфагенян попало шестьсот римлян. Они разрушали на реке Пад мост, по которому отступили легионы Сципиона. Мостом наши всадники овладеть не смогли. От пленников они узнали, что Сципион тяжело ранен. Говорили также, что молодой воин, который усадил Сципиона на лошадь и вывел из окружения, был его сыном.

На следующий день армия должна была переправиться через реку Пад. Римляне сожгли на другом берегу все лодки. Не оставалось ничего другого, как искать брод. Когда такое место нашли, Ганнибал приказал построить запруду, чтобы уменьшить силу течения. Плотины были построены с помощью слонов. Слоны, ведомые Суром, с удовольствием вошли в воду и теперь спокойно стояли — плотно, друг возле друга, полуразвернувшись против течения. Потом реку стали переходить наемники и лошади; они плыли или шли вброд — течение было сильным. Над головами наемники держали кожаные мешки.

Потом люди и лошади сушились у костров. Ганнибал

приказал поставить палатки. Казалось, что война отодвинулась далеко-далеко. Наемники и всадники заснули глубоким сном, без малейшей мысли об опасности. Я видел, как сон сморил у костров и погонщиков. Но Карталон бодрствовал. Он хотел, чтобы мы провели ночь подле Сура, и мы улеглись среди слонов. Я прислушался к дыханию Карталона. Он дышал спокойнее, но не спал. Слоны тоже не могли заснуть, хотя стояли совершенно тихо. Они долго стояли, насторожив уши, чтобы слышать каждый звук. Только около полуночи почувствовали себя в безопасности и перестали прислушиваться. И Карталон затих. Над мной среди звезд темнела дорожка — это был хобот Сура. Я долго смотрел на него, пока не заснул.

26

Разведчики донесли Ганнибалу, что Сципион отвел легионы в лагерь возле города Плаценция*. Ганнибал не хотел больше оставлять врага в покое. Поэтому он послал Магарбала с его конницей атаковать неприятеля. Магарбалу удалось отрезать несколько когорт от римского лагеря. Ганнибал немедленно раскинул свой лагерь под стенами города, вызываясь близко от римских укреплений. Но Сципион избегал сражения. Он все еще страдал от раны, полученной у Тицина, и ждал подкрепления. Его колебания вызвали волнения в легионах, особенно во вспомогательных италийских войсках.

Однажды ночью стража у ворот римского лагеря пришла в замешательство: из лагеря вырвались две тысячи наемников и двести всадников. Те римляне, которые пытались помешать этому предательству, были убиты. Карфагеняне приняли дезертиров с распростертыми объятиями. Ганнибал послал их по домам. Там они должны были завербовать новобранцев — каждый воин обязан был вернуться с десятью новыми, чтобы сражаться вместе с Ганнибалом за освобождение от римского ига. Недалеко по соседству обитали кельты, они выжидали, чем все это кончится. Ганнибал убеждал их перейти на его сторону. Когда они начали отказываться, Ганнибал стал настаивать. Несколько их поселений были преданы огню. Нуми-

дийская конница произвела налеты на перепуганных жителей. После этих налетов осталась опустошенная земля. Те, кому удалось спастись, примирились со своей участью и присоединились к карфагенянам. Было ясно, что от римлян им помощи ждать не приходится. Римляне сами вынуждены были защищаться. Эти невольные союзники снабжались теперь провизией из карфагенских запасов. Но и солдаты Ганнибала питались очень скудно, он временно выдавал им только половину их нормы. Счастливый случай положил конец этим трудностям. Через посредников Ганнибал связался с начальником местного гарнизона Кластидии*, и тот принял взятку. За небольшую цену — четыреста золотых — он продал город карфагенянам. Теперь голоду пришел конец. Кладовые города были полны. Гарнизону и его жителям Ганнибал разрешил свободно уйти.

Дни становились заметно короче. По вечерам над Падом и Требией* поднимался туман, и тогда земля исчезала, и уже ничего нельзя было рассмотреть, пока не начинался день. Лагерь лежал в сыром тумане, как остров на дне моря. Ночи стали необычайно тихими. Туман поглощал шаги часовых и треск лагерных костров.

В одну из таких туманных ночей легионы Сципиона ушли, перейдя Требию. Даже карфагенские стражники на передовых постах не заметили, что римляне отступили. Когда на следующий день туман рассеялся, подняли тревогу. Нумидийцы, балеары и кельты жадно набросились на покинутый лагерь и начали грабить все, что осталось, вместо того, чтобы преследовать врага. Всадники Магарбала поймали несколько отставших римлян. Главные силы врага уже спрятались в другом укрепленном лагере. А строить укрепления римляне умели. За несколько часов они могли построить земляной лагерь, который представлял для нападавшего очень сложное препятствие.

Карталон успокоился только тогда, когда услышал, что новый лагерь находится всего в нескольких стадиях по ту сторону Требии. Это говорило о том, что Сципион не думал о бегстве, он только хотел уклониться от боя.

— Страх пронизал его до костей, — таков был приговор Карталона. — Он хочет, чтобы между ним и нами была хотя бы река.

Когда под вечер Силен пришел навестить Карталона, он нашел его в лучшем расположении духа, чем обычно.

— Ты похож на слонов,— сказал Силен,— и просто не можешь выносить запаха римлян. Как только они уйдут от нас чуть подальше, тебе становится лучше.

— Как бы они только от нас не удрали!

— Куда? — удивился Силен.

— Страна у них большая,— сказал Карталон, и его лицо помрачнело.— И у них есть корабли и море.— Он снова говорил с ненавистью.— И все это украдено у нас!.. Или ты будешь говорить, что они построили свои корабли не по примеру наших? За одну ночь у них появился флот, и римляне перекинули мосты со своих кораблей на наши, и с помощью этих дьявольских мостов они превратили корабли в отрезок суши, на которой могут вести бой так, как к этому привыкли. Это было их большой хитростью, тем самым они отняли у нас море. Разве я не прав? — Карталон смотрел на Силену воспаленными от лихорадки глазами; не получив ответа, он продолжал:

— Но на этот раз мы прибыли не на кораблях, мы пришли по суше. И какая им теперь польза от этих дьявольских мостов? Какая им польза от нашего моря, если у нас есть их земля? — Карталон засмеялся так, будто Рим и Сицилия были у него в кармане.— Давайте рассказывать римские сказки! — И он указал на меня кивком головы: — Пусть он узнает, каковы они на самом деле. Пусть узнает их героев! Расскажи ему об их консуле, которого звали Регул! Нет,— продолжал он, не переводя дыхания,— пусть сначала услышит от меня, как об этом римляне рассказывают! Слышишь, римляне! Не пропусти ни слова: во время первой войны, когда Рим напал на Карфаген, римляне переплыли море и вышли на африканский берег, чтобы завоевать Карфаген. К несчастью для римлян, консул, главнокомандующий, который, как храбрый человек, сражался в первых рядах, попал в руки карфагенян. Карфагеняне хотели закончить войну как можно скорее и сказали захваченному консулу Регулу: «Ты рискуешь своей жизнью, но мы хотим, чтобы ты вернулся в Рим. Война уничтожит и нас и вас,— сказали они,— объясни это своим людям! Если тебе это не удастся, дай нам слово чести, что ты вернешься к нам и будешь нашим

пленником...» Так сказали карфагеняне. И что же Регул? Он дал слово чести и отбыл в Рим... А там? Слушай внимательно! Он, держащий свободу в одной руке, плен и пытки — в другой, отказался от свободы, потому что это было бы для него позором, он призвал римлян продолжать войну, пока Карфаген не превратился в руины. Благородный человек, верный своему слову, он отдал себя в руки врагов, вернувшись назад, а карфагеняне, вне себя от ярости из-за того, что провалился их план, разорвали его на куски, как бешеные собаки! А теперь расскажи ты,— обратился он к Силену.

— Регул,— сказал Силен спокойным голосом,— хотел завоевать Карфаген. Но у него ничего не получилось, и его взяли в плен. А что еще хуже — он умер в плену. Карфагеняне сообщили о его смерти римлянам. Когда вдова консула узнала об этом, она приказала предать пытке двух благородных карфагенян — Бостара и Гамилькара, которые были у нее в доме рабами. От пыток Бостар умер, а Гамилькар остался калекой на всю жизнь. Но чтобы спасти репутацию семьи, Регулы выдумали* историю о слове чести, о героическом возвращении и об ужасном убийстве Регула карфагенянами...

— Вот каковы они! — сказал Карталон. — Могут сочинить любую ложь и быть до крайности жестокими. — Он посмотрел на меня, глаза его пылали. — Бостар мертв, Гамилькар калека... Вспомни об этом, когда придет наш день и мы посчитаемся с ними!

Карталон страдал от того, что проходило время, а война, как он говорил, «не двигалась с места». В то время никто, кроме Ганнибала и его ближайших советников, не знал, что приближается вторая римская армия. Консул Семпроний со своими легионами ускоренным маршем продвигался из южной части страны, где он прикрывал римлян от возможного нападения карфагенского флота. Семпроний был пылким человеком. Он стремился доказать, что достоин звания полководца. Как только он прибыл в римский лагерь под Требией, то начал убеждать Сципиона, который еще не оправился от раны, напасть на карфагенян и выгнать их из страны. Ганнибал прекрасно понимал, какие перемены наступят в римском лагере с приездом Семпрония. Он ничего не сделал, чтобы по-

мешать встрече двух армий. И теперь он тоже ничего не предпринимал, чтобы организовать переход своей армии через Требию.

— Пусть это сделают римляне,— заявил он своим начальникам.

Вместе с ними и с начальниками союзных частей произвел он разведку на этой стороне Требии: сюда — на это поле битвы — он надеялся заманить врагов. Поле огибал ручей, впадающий в Требию. Ручей вымыл здесь глубокое русло, на крутых берегах его рос кустарник. Здесь можно было устроить засаду из нескольких сот всадников. Командиром над отрядом всадников Ганнибал назначил Магона. Остальные войска должны были занять позиции на берегу Требии, избегая атак со стороны противника, чтобы у римлян создалось впечатление, будто пунийцы не так сильны, чтобы вступить в открытый бой. Бои должны были идти сначала только на флангах. Ганнибал хотел заманить римлян в ловушку, охватить их под конец с трех сторон и отрезать им отступление к реке. На одном из флангов римские когорты должны быть атакованы и смяты слонами.

Все это объяснил мне Карталон. Он не сомневался, что для римлян близится последний день. И уверял меня, что слоны сыграют в этой битве решающую роль. Он еще раз напомнил мне, как надо управлять слоном, а когда я спросил его, будет ли он сидеть на Суре вместе со мной, его лицо омрачилось.

— Мы все представляем из себя мишени, и любого из нас могут убить,— сказал он мне.— Но у меня такое чувство, что скорее попадут в меня, чем в тебя.

Мне стало неловко.

— Сура тоже могут убить.

Я собирался сказать еще кое-что, но он перебил меня:

— Когда убивают слона, он умирает не сразу. Даже самые жестокие раны не могут его сразу остановить. Возможно, он обезумеет от ран, перестанет подчиняться и начнет топтать своих... Я знаю, такое случалось...

— И что тогда? — спросил я в тревоге.

— Тогда остается зубило.

Я смотрел, не понимая. А он показал мне мешок, где хранилось длинное острое зубило и тяжелый молоток.

— Если ты отыщешь нужное место, то достаточно одного удара — и сразу кончатся все его безумия и страдания.

Я недоумевающе посмотрел на Карталона.

— Я думаю, что до этого не дойдет,— попытался он меня успокоить.— А если и дойдет, будем надеяться, что с Суром это сумею сделать я. Но ты должен знать, где находится это место, если меня убьют первым. Я помечу его краской, и тогда ты не промахнешься. Может быть, тебе и не придется этого делать. Но готовым надо быть ко всему.

— Убить Сура? — Я посмотрел на него, как на врага. Шрам на его лице покраснел.

— Ты неправильно меня понял,— сказал он взволнованно.— Тебе нужно будет сделать это, если он начнет убивать своих.

Он крепко пристегнул мешок к седлу и после того, как слонов покормили, отметил опасное место маленьким красным треугольником, похожим на наконечник стрелы.

27

На следующий день с раннего утра Ганнибал приказал нумидийским всадникам окружить римский лагерь. Они поскакали к часовым и пустили в них стрелы. Консулы начали подозревать неладное. Им теперь в любой момент надо было ожидать, что Ганнибал со своей армией перейдет Требию. Так как они сами тоже хотели начать решающую битву, то приказали своим легионам выйти из лагеря. Семпроний убедил Сципиона, что если они и далее будут избегать встречи с врагом, то карфагеняне почувствуют себя победителями; только сражение покажет, кто хозяин на этой земле.

Возвратившись, нумидийцы сообщили, что римские легионы выведены из лагеря. Они видели воинов с мечами и изогнутыми щитами, бесчисленные ряды всадников. По карфагенскому лагерю пополз слух, что армия, находящаяся за Требией, превосходит нас по силе. Даже у многих военачальников были встревоженные лица. Ганнибал собрал высших командиров своей армии около себя.

— Почему, если римляне так сильны, они до сих пор прятались в лагере? — спросил он насмешливо. — Возможно, они и превышают нас по численности, но это ни о чем не говорит. Чем больше там живых римлян сегодня, тем больше мертвых будет здесь завтра. Как вы думаете: есть среди них такие, как Магарбал, Мономах или Магон? А Сур у них есть?

После этого Ганнибал посвятил в свои планы военачальников. Нумидийские всадники должны нападать на римлян всю ночь и не давать им спать. Наутро другие всадники должны перейти к ложным атакам и, избегая столкновения, заманить римлян через Требию на берег, где стоят карфагеняне.

— Пусть утром искупаются они, а не мы, — бодро сказал Ганнибал. — Они вылезут из реки замерзшие, и это помешает им сосредоточиться, и, когда мы пойдем в атаку, их ряды будут расстроены... Чего вам еще надо?

Когда начальники возвратились к наемникам, колебания у всех сразу рассеялись. Никто уже не сомневался в победе. Их уверенность передалась солдатам. Всем было ясно, что у римлян нет выхода.

Ночью хлынул дождь. Римляне до утра оставались в открытом поле под холодными струями. Всю ночь они были в полном боевом снаряжении, потому что нумидийские конники без конца атаковали их посты. В это время наемники Ганнибала лежали в палатках. За два часа до рассвета Ганнибал приказал подняться и разжечь костры, чтобы воины могли согреться. Он также велел раздать масло. Мы хорошенько натерлись оливковым маслом, это прекрасно защищало нас от сырости и холода. Рассвело, становилось холоднее. Каждый получил горячее питье и обильную еду.

Начался день. Это был самый короткий день года. Отдохнувшие и хорошо вооруженные войска Ганнибала заняли позиции на берегу Требии. Магон со своей конницей стал в засаду. Слоны, накормленные, в полном боевом снаряжении, собрались вокруг Сура. Они стояли, словно окаменев, как будто знали, что их ожидает.

Требия журчала таинственно. Обычно мелкая река, она вздулась от дождя, и холодная грязная вода, выйдя из берегов, доходила лошадям до боков, а людям до груди.

Медленно светало. Слонов построили в ряд позади небольшого возвышения. Мы смотрели, как на другой стороне Требии на большом поле собрались римляне. Мы слышали крики нумидийцев, когда они шли в атаку или отступали. Крики стали громче — это значило, что нумидийцы приблизились к Требии. Римские всадники оттеснили их и обратили в бегство.

— Они идут, — услышал я позади себя голос Карталона.

Наши всадники перебирались через реку, а их преследователи повернули назад у Требии. Потом римская армия развернулась широким фронтом. Передние ряды вошли в реку. Туча стрел и копий повисла над ними. Затем наши метатели и лучники сделали вид, что отступают, а римляне пошли вперед в ледяной воде, неся оружие над головами.

— Они идут в ловушку, — сказал Карталон, задыхаясь и дрожа от волнения. — Теперь они в наших руках!

Римляне стали пробиваться сквозь наши ряды. Их конница двинулась вперед клином. Смешались люди и животные. Теперь уже ничего нельзя было разобрать. Дождь перешел в снег. Громкие крики возвестили о том, что началась жаркая схватка. Римляне все еще продвигались вперед.

— Сейчас ими занимается Магон, а потом настанет наша очередь, — сказал Карталон.

Карталон стал изо всей силы трясти меня за плечи. Я чувствовал, что задыхаюсь. Рядом со мной к седлу был привязан мешок с зубилом и молотком — только руку протянуть. Сразу за крутым изгибом слоновьей головы видел я между ушей красную отметину. Было похоже, что в этом месте в Сура попала стрела. Будто там кровь. Я ничего не видел, кроме этого кроваво-красного пятна. Шум битвы нарастал; он пронесся над холмом, словно рокот мощных дробилок. Поступил приказ идти в атаку слонам. Перед каждым из серых гигантов открылась узкая дорожка. Слоны, уже рассерженные нарастающим шумом, с ворчанием пошли по дорожкам. Подали знак, и они побежали, врезаясь в гущу битвы.

— Мечь за Гамилькара и Бостара! — выкрикнул Карталон позади меня.

Я испугался, но не за себя, не за Карталона — за Сура. Карталон выкрикивал приказы. По его голосу я понял, что Сур все делает правильно. Он топтал легионеров, на которых направлял его Карталон. Я осматривал тело Сура, не заметно ли где крови?

— Топчи убийц и мучителей! — вопил Карталон.

Сур внашал такой ужас, что при виде его все сразу же разбежались. Я видел только спины и шлемы. Никто не осмеливался поднять оружие на Сура. Но я все еще боялся. Я слышал, как взревел один слон, вскоре заревели и другие. Потом Сур поднял хобот и издал такой ужасный рев, что я застыл от страха. Никогда раньше я не слышал такого рева. Он разъярился так, будто его окружили дикие звери. Он поворачивался из стороны в сторону, а потом вдруг повернулся назад и напал на карфагенян, которые следовали за ним.

— Он ранен? — завопил Карталон.

Я не видел на Сура крови. Карталон растерянно подавал команды.

Он ударил Сура железным крюком позади уха. Сур еще более обезумел. Уши у него стояли торчком, он начал бросаться на всех и пробивать себе путь в карфагенских войсках, которые должны были отрезать путь отступавшим римлянам.

— Дай зубило! — задохнулся Карталон.— Он сошел с ума!

Я схватил мешок, вытащил зубило и молоток и крепко прижал их к себе.

— Давай мне! — свирепо потребовал Карталон.— Он убивает наших.

Карталон выхватил у меня молоток. Тогда я выбросил зубило в снег. Карталон взревел, как зверь. Пригнув меня и наклонившись вперед, он начал бить Сура по голове молотком. Упал пучок красных перьев, и ветер отнес его в сторону. Карталон уронил молоток. Он перестал держать меня и закрыл лицо руками, не в силах больше смотреть на происходящее. Сур бежал по рядам карфагенян. Он бежал до тех пор, пока уже ничто не могло остановить его. Шум битвы затих позади нас. Карталон ничего больше не делал, чтобы остановить Сура, и тот сам перешел на шаг. Он шел быстро, пока не достиг воды. Это был ручей,

возле которого раньше прятался Магон со своей конницей, но здесь, вдалеке от Требии, берега не были такими крутыми. Сур остановился. Я и Карталон отвязали себя от седла и спустились на землю. Мы сняли с Сура попону и доспехи, чтобы он мог пройти к воде и выкупаться. Он мыл себя с такой старательностью, словно весь был покрыт грязью.

Карталон смотрел на него пустыми глазами. Лицо его было серым, как зола.

— Ты насмерть давил карфагенян,— сказал он хрипло.— А ведь ты не был ранен. Почему ты это сделал?

Сур продолжал мыться. Он смывал с себя овладевший им ужас. Даже сейчас, когда он ушел с поля битвы, он был не в себе, и я уже начал сомневаться, Сур ли это.

— Он же убивал карфагенян. Напал на Ганнибала из-за угла,— опять начал Карталон.

— Сур не знал, что делает,— стал защищать я слона.

— Но он это сделал. Значит, не выдержал до конца.

— Он просто хотел выбраться оттуда.

— Он сбежал,— сказал Карталон, словно вынося приговор.

Сур улегся в ледяной воде; над водой оставался один только хобот. Потом он выбрался на берег. Он стоял на снегу, как черная неподвижная скала. Это был снова Сур, слон, которого я знал. Мне захотелось подбежать к нему, но я боялся, что Карталон разгневется. Все это время я помнил: слон прошел через все, он жив, он даже не ранен, а Карталон хотел его убить. Почему? Почему? Я не мог этого понять.

— А почему ты так поступил? — Карталон внезапно повернулся ко мне. Лицо у него было злым.

Я не ответил. Я боялся его.

— Он оказался трусом,— задыхаясь, сказал Карталон.— Мне надо было убить его, как только он начал давить наших. Теперь он больше ни на что не годится. Он теперь всегда будет убегать.

Казалось, что Карталон никогда не перестанет упрекать ни себя, ни меня, ни Сура. Он пнул ногой нагрудную пластину, лежавшую на земле. В то же мгновение Сур задвигался. Мы тоже вскочили. Позади послышался шум. Небольшой отряд римлян — человек примерно сто —

показался из-за падающего снега и направился к нам. Все они были вооружены. Я распластался на земле, Карталон тоже. Но Сур пошел вперед мимо нас. Он заворчал, потом поднял хобот, взревел и кинулся на римлян. Земля вокруг задрожала. Римляне в ужасе побросали оружие и бросились наутек. Мы смотрели, как они бегут и исчезают в снегу. Сур пришел назад и остановился там, где лежала его попона и доспехи; он все еще ворчал.

Карталон поднялся.

— Теперь мне надо вымыться,— сказал он со стыдом.— Ведь я испугался.

Он пошел к реке, но вода оказалась для него слишком холодной. Потом мы принялись собирать брошенное оружие. Мы связали его в узлы и погрузили на Сура. Получилось пять тяжелых узлов. Карталон велел Суру искать дорогу в лагерь.

Через два часа мы были в лагере. Сура встречали как героя. Карталон не обращал ни малейшего внимания на похвалы. Но он сложил захваченное оружие в груды, чтобы каждый мог его видеть.

Все больше и больше наемников возвращалось в лагерь. Сообщали, что половина римских отрядов, пересекших Требию, полегла в заснеженном поле. Остальная часть римлян бежала.

Никто их не преследовал. Смертельная битва истощила силы карфагенян. И у нас многие пали.

К вечеру все оставшиеся в живых слоны собрались вокруг Сура. Кроме него, слонов осталось еще шестеро. Эти шесть великанов были ранены, они потеряли много крови и погибли ночью — не вынесли жестокого холода.

На следующее утро после победы у Ганнибала остался только один слон.

28

Зима покрыла Требию льдом и похоронила весь лагерь под снегом. Крепкий мороз сделал землю твердой, как железо. Похоже было на то, что зима продлится вечно. Неделями не таяли снег и лед, а армия тихо таяла. Многие из солдат-союзников отпрашивались в отпуск или просто

исчезали. В глазах Карталона они были «грязью, смывтой дождем», а римляне были «грязной жижей, просачивающейся сквозь пальцы». Ему не нравилась эта «гнилая война». Он не мог понять, почему Ганнибал, выигрывая битву за битвой, откладывает поход на Рим. Сура, единственного оставшегося в живых слона, обожали в карфагенских войсках, несмотря на то что воины понесли из-за него большие потери. Наемники видели в нем гарантию того, что выживут в этой войне. Они ссорились из-за оружия, которое он принес на своей спине. Он вышел из битвы, в которой были уничтожены все другие слоны, без единой раны, и теперь наемники считали его неуязвимым и так сильно баловали, что Карталон должен был твердо сказать им, что этого делать нельзя.

После сражения Карталон глубоко страдал. Он считал своей виной то, что римляне ускользнули через «эти проклятые горы, проклятые реки и проклятые болота», и ни Силен, ни его друзья — погонщики — не могли избавить его от подобной мысли. Один раз Синхал сказал ему:

— Ты должен перешагнуть через это так же, как это сделал Сур. Только ты сам можешь себе помочь.

Но Карталон оставался глух ко всем доводам. Сам же он начал жадно собирать все новости, касавшиеся войны.

Семпроний, консул, который настоял на сражении, сумел уйти и добраться до Рима. Разведчики донесли, что прибытие побежденного полководца вызвало там уныние. Были избраны два новых консула, их послали с легионами войнов в зимние лагеря, в которых собрались остатки разбитой армии. Ганнибал приказал постоянно нападать на эти лагеря. Несмотря на жестокий холод, Ганнибал не бездействовал: он захватил по соседству несколько селений, чтобы пополнить запасы продовольствия. В одном из сражений за торговое село на реке Пад он был ранен. Полководец дал себе и своей коннице пятидневную передышку. Потом он начал сражение за римский эмпорий* Виктумвия. Все защитники города выступили ему навстречу. Ганнибал разбил их и захватил этот маленький город. Побежденные получили приказ сдать оружие. После того как оружие было сдано, Ганнибал отдал город на разграбление наемникам. Трофеи, которые они принесли в лагерь, подняли настроение у всей армии.

Всякий раз, когда римляне пробовали атаковать Ганнибала, они терпели поражение или обращались в бегство. Но из Иберии, из Нового Карфагена, пришли плохие вести. Один из Сципионов высадился на иберийском берегу и хитростью одержал победу над несколькими иберийскими племенами. Ему даже удалось сформировать новые когорты из вспомогательных войск. В сражении на реке Ибер он разбил карфагенян. Их потери насчитывали до шести тысяч убитыми, и гораздо больше карфагенян было взято в плен. Римляне захватили прибрежные города. Скоро большая часть страны была в их руках. Но Ганнибал вовсе не думал поворачивать назад.

Как только под лучами солнца начал таять снег, Ганнибал приказал своим солдатам свертывать лагерь. Он знал, что солнце обнажит дороги в горах, и тогда ими сможет воспользоваться целая армия. Ганнибал хотел пройти через Апеннины в Этрурию*, вынудить этрусков добром или угрозами перейти на его сторону, отдать их богатые города своим наемникам и отобрать у римлян внутренние районы страны.

Теплая погода стояла уже несколько дней. Армия подошла к вершинам Апеннин. Ганнибал сидел со мной на Суре. Полководец был в хорошем настроении и заражал этим настроением всех вокруг, даже Карталона. Казалось, что снег совсем растаял.

Но вдруг, когда мы были уже на самом гребне гор, погода круто изменилась. На нас обрушился снегопад, дальше идти было невозможно. Мы укрылись в расщелинах, наспех построили из тяжелых камней стены и прижались к ним, ибо не было никакой возможности разбить палатки.

На второй день Сур заболел, глаза у него слиплись, он обезумел от ветра и ничего не ел. Снегопад разделил армию на группы. Было намного холоднее, чем на перевале в Альпах. Днем ветер осыпал нас дождем, а ночью заносил снегом, он постоянно прижимал нас к холодной и твердой земле. Мы попали в осаду, и ни о каком продолжении похода не могло быть и речи. Казалось, что мы задержаны на бесконечный срок и бессильны что-либо изменить. Карталон и я устроились, как могли, возле Сура. У Карталона началась лихорадка. Он не мог подняться.

Силен и Синхал приносили нам время от времени еду. На третью ночь Карталон послал меня к Силену. Он был спокойнее, чем обычно. Ветер тоже стихал. Силен сразу же пошел со мной. Он попробовал сложить очаг, и ему удалось развести огонь. Карталон смотрел на пламя сияющими глазами. Он не стал ничего есть, но жадно выпил принесенную Силеном воду. Он выпил много — половину меха.

— Пью в последний раз,— сказал он, как бы извиняясь.

— Теперь тебе надо уснуть,— предложил ему Силен.

— Скоро я надолго усну,— возразил Карталон.— Но сначала я хочу поговорить с вами обоими. Для меня все кончено. Даже этот проклятый ветер заметил это и стих, чтобы я мог поговорить с вами. Посмотрите на Сура! Мне кажется, что даже сквозь слипшиеся веки он видит, что происходит со мной.

Сур стоял, чуть повернувшись в сторону, его большая голова наклонилась. Хобот был вяло опущен, нижняя губа отвисла. По всему телу кожа висела складками. Он выглядел очень старым, будто бы прожил за последние дни много лет. Только уши, казалось, еще жили. Они были чуть-чуть оттопырены.

— Он меня слушает,— сказал нам Карталон,— но я уже все, что надо, сказал ему. Я больше на него не сержусь за то, что он тогда потерял голову. Каждый пугается хотя бы раз в жизни. Теперь он прошел через это так же, как и я.— Карталон посмотрел на меня.— Не покидай его! Он привязан к тебе. Ведь это он нашел тебя под обломками и позвал меня на помощь. Ты должен оставаться с ним. А ты,— сказал он Силену,— позаботься о мальчике, как я заботился о нем. Сделай из него Карталона...— Он посмотрел на огонь, ему было трудно говорить.— Вы оба не карфагеняне, как я, но вы оба, как и я, преданы Ганнибалу. Ничто другое не важно.— Он посмотрел на Силену.— Как хорошо, что ты разжег огонь!

— Хорошо, что стих ветер,— сказал Силен,— иначе он задул бы пламя. А теперь спи!

Но Карталон не слушал его.

— Вы придете в Карфаген,— сказал Карталон, и голос его оживился.— Вы пройдете по крутым улицам, где изготовляют жаровни и светильники с крюками, плетенки для

бутылок, горшки, корзины, настенные ковры и сундуки из кедрового дерева. Вы почувствуете запах дерева и пекарни, услышите стук кузнечных молотов по меди. Увидите город, который сверкает в солнечных лучах, как ни один другой город в мире. Сур покажет тебе свое стойло в стене,— шепнул мне Карталон.— Ничто не будет для тебя чужим, даже боги! Это неумолимые боги,— сказал он,— но они сделали Карталона таким, каков он есть. Они не знают жалости. Боги Карфагена требуют себе в жертву наших первенцев. Первый человек в древние времена построил лодку из дерева и вышел на ней в море. Когда он достиг острова, он пожертвовал свою лодку богам на острове. Дидона, построившая Карфаген, сожгла себя, когда африканский правитель захотел взять ее в жены. Карфагенские торговцы оловом разбили свои корабли о скалы, чтобы не выдать чужеземцам дорогу к тому месту, где залегают олово... Жертвоприношения прославили Карфаген как великий город. Для карфагенянина Карфаген всегда важнее его самого.— Карталон схватил нас за руки.— Старый Карталон перешел через Альпы ради Карфагена; он шагал, пока его несли ноги. Молодой Карталон будет идти от того места, где остановился старый, и позаботится о Суре, о том, чтобы Сур дошел до Карфагена живым и невредимым. Нас нельзя разбить до тех пор, пока мы так думаем. Теперь я умру,— сказал он, тяжело дыша,— а Карфаген будет жить! Рим же будет разрушен. Ганнибал накажет Рим за то, что Рим хотел поработить Карфаген. Он сделает с римлянами то же самое, что римляне сделали с Гамилькаром и Бостаром — и со мной. Возьми мой кинжал,— сказал он,— и разрежь ремень...

Он протянул мне правую руку. Я просунул лезвие под кожаную перевязь и разрезал ее. Мы увидели клеймо, выжженное на белой, незагоревшей части руки.

— Я всегда скрывал его,— прохрипел Карталон, хватая ртом воздух.— Но теперь вы его видите и должны все знать: молодым человеком во время первой войны я попал к ним в руки. Мой слон был убит, а я сам ранен. Они вытравили на мне это клеймо, как будто я скотина. Они подвергли меня пыткам. Они хотели выпытать у меня все, что я знаю о дрессировке слонов. Когда я больше не мог выносить боль, я заговорил. Но я все наврал им. Каждое

мое слово было лживым. Они перестали сдирать с меня кожу, потому что я много всего наговорил им. Через два года я бежал. Я дошел до морского берега и взял чью-то лодку. В те дни море еще принадлежало Карфагену, я встретил карфагенский корабль и был свободен! — Карталон задыхался.— Возьми кинжал,— прохрипел он,— убей им первого же римлянина, которого ты увидишь. Карталон умирает, но его ненависть не должна умереть вместе с ним. Теперь ты — Карталон, ты будешь их ненавидеть!..

Это были его последние слова. Карталон посмотрел на меня так проницательно, что я испугался. Отсвет огня заиграл на его лице, и оно стало необычайно живым. Но он был мертв.

Сур поднял голову. Раза два он неуверенно шагнул, потом поднял хобот. Он хотел было затрубить, но бессильно уронил хобот; он застонал, а потом снова застыл в задумчивости.

29

Когда наступила хорошая, тихая погода, армия Ганнибала снова двинулась в путь. Он дождался прихода весны, чтобы перейти через горы. Отвергнутый горами зимой, Ганнибал спустился в долину, где солдаты долго находились у нее в плену.

Мне было безразлично, куда идти. Силен заботился обо мне. Сур был здесь, и Ганнибал сидел позади меня на слоне. Со мной остались только эти трое: Силен, Сур и Ганнибал.

Ганнибал не всегда ехал сидя на Суре. Часто он скакал на одной из своих лошадей, а иногда и шел пешком, как простой наемник. Он делил с нами все трудности похода. Он спал с нами на голой земле и укрывался плащом, который от грязи стал из красного серым.

Ганнибал дошел почти до Плаценции. Отброшенный на позиции, которые он занимал несколько месяцев назад, Ганнибал выжидал, пока солнце не высушит как следует дороги, чтобы по ним можно было идти. Реки, наполненные дождем и тающим снегом, вышли из берегов и затопили долину.

— Сколько это еще будет продолжаться? — спросил я Силена.

— Ты имеешь в виду наводнение?

— Нет, войну.

Силен посмотрел на меня и ничего не сказал.

— Месяцы?

— Годы, — ответил Силен.

— Три? Пять?

— Может быть, десять. Или двадцать.

Я посмотрел на серую гладь воды, на залитые дороги, ведущие в долину. Я подумал о наших союзниках, которые быстро появлялись и так же быстро исчезали.

— Что говорит Ганнибал? — осмелился я спросить.

— Он привык к войне, — ответил Силен. — Он и не думает кончать. И всех в армии он тоже заставляет об этом не думать. Его солдаты голодны, изранены и похожи на нищих, но он заставил их чувствовать себя хозяевами мира. Все эти недели, пока мы тут стоим, видел ты хоть какие-нибудь признаки недовольства? И никогда ничего такого не будет, потому что Ганнибал именно тот человек, на которого хотят быть похожи все воины: твердый, смелый, непобедимый. Он потерял свое самое главное оружие — слонов, кроме одного. Но он продолжает войну. И наемники последуют за ним. Он единственный бог, которому они поклоняются. Он знает, что за римлянами — Рим, а Карфаген очень далеко отсюда, но это его не угнетает. Он верит в себя и в тех, кто идет с ним рядом.

Я не мог оторвать глаз от Силена.

— А почему ты идешь вместе с ним? Ты же против войны.

— Я действительно против войны, — сказал Силен. — Но она идет, и я хочу в ней участвовать. Как иначе смогу я описать все, что здесь происходит, если я сам не буду очевидцем?

Мои мысли обратились к Суру, и я вдруг испугался предстоящей битвы.

— А своего единственного слона Ганнибал пустит в бой? — спросил я Силена.

— Он постарается, чтобы слон не пострадал, — ответил Силен. — Ты же знаешь, как он его любит.

С того дня, как умер Карталон, Сур и я стали держать-

ся к Ганнибалу еще ближе, чем когда-либо раньше. Иногда Ганнибал объезжал крепости, сидя верхом на Суре, чтобы испытать крепость дорог. Большая часть дорог еще была покрыта жидкой грязью.

Глаза у Сура больше не болели. Но левый глаз Ганнибала, который воспалился в горах, все еще нарывал, несмотря на лечение. Ганнибал не щадил себя и спал мало. Издалека его можно было узнать по повязке, закрывавшей лоб и левую щеку. Я никогда не слышал, чтобы Ганнибал жаловался, хотя, как я узнал от Силена, испытывал постоянную боль.

Я содержал в порядке его платье и оружие и часто бывал у него в палатке. Когда его глаз болел сильнее, чем обычно, он ложился на постель и вытягивался на ней во всю длину. В это время он не разговаривал и закрывал здоровый глаз. Я угадывал по его дыханию, спит он или бодрствует. Большую часть времени он не спал.

Однажды, когда он лежал так, закрыв здоровый глаз, и не спал, я заметил, что из его широкого пояса, висевшего на одной из стоек палатки, что-то высовывается. Это был необычайно маленький, плоский пузырек синего стекла, тоньше моего мизинца. Только было я хотел засунуть его обратно, как Ганнибал поднялся. Он потребовал пояс, засунул пузырек обратно в потайной кармашек и тщательно застегнул на нем пряжку. Он долго смотрел на меня одним глазом.

— Это мое последнее спасение, — сказал он, — живым они меня не возьмут. — Он отдал мне пояс. — Но ты ничего не видел...

— Я ничего об этом не знаю, — ответил я, испытывая большой страх.

Он снова лег.

— Теперь у нас две тайны, — сказал он, и голос его был спокойным. — Сон о драконе и пузырек в поясе. Даже Силен об этом не знает.

Он помолчал, а потом заговорил о Суре.

— Ты хорошо с ним ладишь, — сказал он, — лучше, чем Карталон.

— Карталон был хороший погонщик, — возразил я.

— Да, — согласился Ганнибал, — а ты мой маленький карфагенянин.

Я не переставал думать о синем пузырьке. Когда я ушел из палатки, меня стал мучить вопрос: почему он носит с собой яд? Значит, он думает о поражении? Он хочет оставить за собой открытую дверь — обеспечить выход, когда выхода больше не будет? Он боится конца, который будет зависеть не от него? Эти мысли беспокоили меня, и я чуть было не поддался искушению поведать мою тайну Силену. Но я не сделал этого даже тогда, когда он застал меня в минуту раздумий.

Однажды Ганнибал явился без повязки. Он сорвал ее. Его левый глаз был мертв. Под левой бровью темнела узкая щель.

— Одноглазый человек на однобивневом слоне, — сказал он насмешливо, когда процессия наконец снова двинулась.

На этот раз армия пересекла горы без особых трудностей. Потом начались болота. Наемники шагали по колено в воде. Люди и лошади пропадали в тумане. Только Сур возвышался надо всем подобно серой скале; он двигался как призрак. Ганнибал молча сидел позади меня в седле, набитом козьей шерстью.

На болотах многие солдаты заболели. Ганнибал не обращал на них никакого внимания. Он делал все, что мог, для здоровых. Он посылал всадников в селения возле дорог и приказывал брать там все, что можно унести. Те, кто сопротивлялся, теряли не только свое имущество.

— Я не позволю, чтобы голод унес хотя бы одного из моих людей, — говорил Ганнибал.

Четыре дня и три ночи шли мы по болотам, потом они кончились. За несколько миль от Тразименского озера Ганнибал приказал разбить лагерь. Через два дня ему донесли, что римские легионы продвигаются к нам с севера.

— Теперь мы вступим с ними в борьбу, — сказал Ганнибал своим ближайшим советникам. — И недалеко отсюда.

В последние два дня он изучил окрестности и нашел удобное место для засады. Он приказал, чтобы ночью горели все лагерные костры, и оставил охрану поддерживать огонь. Мы уже видели римлян. Как только стемнело, Ганнибал отвел свою армию на юг вдоль подножия гор не-

подалеку от города Картоны. Ганнибал знал, что консул Фламиний, теперешний начальник римской армии, был таким же безрассудным, как и Семпроний. Он так спешил обратить карфагенскую армию в бегство, что споткнулся на лошади, и она сбросила его через голову наземь. Когда об этом донесли Ганнибалу, он сказал:

— Лошадь знает, что уготовано ее хозяину.

Осматривая позиции, Ганнибал ехал на одной из своих лошадей. Но к утру он пересел на Сура. По его лицу я понял, что готовится решающая битва.

30

Картонские горы так близко подходят к Тразименскому озеру, что остается только узкая долина, протянувшаяся с севера на юг. На дороге, которая шла вдоль берега озера, можно было разместить всю армию, но места для маневрирования на ней не было. Озеро окружали густые заросли тростника, дальше от берегов оно становилось глубоким. Картонские горы не имели крутых склонов, но Ганнибал подумал, что если занять вершины, то отступление через горы станет невозможным.

Ганнибал расположил от вершины к вершине цепи метателей и другие отряды легковооруженных пехотинцев. Наиболее опытной части наемников и коннице он приказал расположиться в долине. Нумидийцы на быстрых лошадях должны были запереть ущелье с обеих сторон. К концу того же дня ловушка для римлян была готова. Озеро тоже решило помочь нам: оно прикрыло береговую полосу густым туманом и заполнило им ущелья. Только высоты были ясно видны.

Первые лучи солнца осветили туман кроваво-красным светом. Ганнибал, сидя позади меня на Суре, осмотрел засаду и был удовлетворен.

— Никто не уйдет оттуда живым,— сказал он, и его одинокий глаз блеснул при этом темным огнем.— Туман проделает половину нашей работы.

Я спросил у него, будет ли Сур участвовать в битве.

— Ты боишься за него? — Ганнибал успокаивающе потрепал меня по плечу.— Ему не сделают никакого

вреда — ты проследишь за этим. Никто его не тронет.

На озере и в горах было тихо. Теперь все зависело от того, обнаружит ли враг засаду. Наемники и нумидийцы тихо лежали в засаде, даже не перешептываясь.

Потом послышался топот конских копыт. Карфагенский арьергард, который следил за кострами в лагере, поспешно отодвинулся в узкое ущелье. Им приказано было не вступать с врагом в открытый бой. Только дальше на юг, на открытой местности, где стоял Магарбал со своей конницей, враг должен быть остановлен и отрезан от выхода из ущелья.

Топот послышался ближе. Римская конница наступала. Потом к ней присоединилась пехота. Римляне пытались отыскать дорогу в клубах тумана и были похожи на невидимые многоголосые призраки.

— О лучшем и мечтать нельзя, — сказал Ганнибал группе военачальников, среди которых были Магон и Мономах. Они ожидали приказов, где и как атаковать врага.

Один из командиров арьергарда появился из тумана. Он мчался во весь опор. Подскакав к Ганнибалу, он доложил, что римляне ворвались в лагерь на рассвете. Удивленные тем, что там никого нет, они затушили костры и кинулись в погоню.

— Их пыл еще не остыл, — сказал Ганнибал насмешливо, указывая вниз, в туман, откуда слышался топот римских легионеров.

Когда мы услышали тяжелую поступь авангарда, первые ряды римлян уже заполнили ущелье больше чем на половину.

— Они могут не спешить, — заметил Ганнибал. — У них будет сегодня самый длинный день в году, и у нас тоже.

Он отослал начальников к войскам, оставив при себе отряд бесноватых и тридцать всадников. Солдаты этого отряда должны были брэнчать оружием и издавать особые крики — это послужит сигналом карфагенским войскам к нападению на римлян.

В некоторых местах туман уже поднялся, на шлемах и доспехах солдат заиграло солнце. Римляне продвигались вперед, ничего не подозревая.

Потом с северного края ущелья появился всадник.

Он сообщил, что последние отряды легионеров вошли в ущелье. Ганнибал поднял руку. Бесноватые закричали и загрохотали оружием так громко, что Сур в волнении поднял уши и хобот. Мне удалось успокоить его. Воины спустились с холма, где мы стояли, и исчезли в тумане. Теперь звуки битвы доносились вдоль всего озера. Карфагеняне теснили римлян, которые наконец с ужасом поняли, что они окружены.

Туман все больше рассеивался. Ганнибал, сидя на спине Сура, отлично видел, как из крепостной башни, что происходит внизу у озера. Некоторые римские солдаты еще продолжали защищаться, остальные же пустились наутек, увлекая за собой сражающиеся когорты. Многие искали спасения в лощинах и на горных вершинах, но они были для них закрыты. Открытым оставалось только озеро. Самые отчаянные пытались спрятаться в зарослях тростника, но тонули в болоте. Некоторые воины прыгали в озеро и старались уплыть, но тяжелые доспехи тянули их на дно. Через два часа на побережье виднелись лишь отдельные римляне, которые убегали или мчались на лошадях, пытаясь спасти свою жизнь. Только в одном месте оставалась еще когорта, которая продолжала сражаться в боевом порядке. Когда туман окончательно рассеялся, римляне все еще защищались. Ганнибал велел мне приблизиться к ним.

— Там консул, он борется за свою жизнь,— сказал он.— Его нельзя упустить.

Вдруг Сур остановился и вытянул хобот, а лошади, на которых сидела охрана, чуть было не понесли.

— Что такое? — спросил Ганнибал.

— Землетрясение! — крикнул один из всадников.

— Ужас римлян передался земле,— сказал Ганнибал с издевкой.

— Это настоящее землетрясение,— сказал всадник и указал на озеро. Было тихо, но на озере вздымались огромные волны.

— Ты прав, это землетрясение,— сказал Ганнибал так громко, что все его слышали.— Италия дрожит перед нами. Будем надеяться, что она не расколется на куски...

Он повелел всем подняться на холм над сражающейся когортой. Теперь она была полностью окружена. Все

больше и больше карфагенян теснили противника со всех сторон. На воде качались бесчисленные трупы, в основном римлян. Карфагенян, охотившихся за врагом, оставалось еще много.

— Все идет по плану,— услышал я слова Ганнибала, сидевшего позади меня на Суре.

От его слов, а еще более от следовавшего за ними молчания исходила — чувствовал я — огромная сила воли, она-то и привела в движение эту лавину уничтожения и так руководила действиями армии, что римлянам оставалась только одна смерть:

И если бы мне кто-нибудь сейчас сказал, что Ганнибал создал это озеро и горы и поместил их туда, где они есть, что он соорудил заросли тростников и ущелья, чтобы они специально служили засадой, что это он приказал туману подняться, а земле сотрясаться,— я бы поверил этому. Туман держался именно столько времени, сколько требовалось, чтобы скрыть засаду; и поднялся он только затем, чтобы показать римлянам, что бежать им некуда. Все вокруг помогло Ганнибалу одержать победу.

Численность сражающейся когорты все уменьшалась. Наконец в нее вклинился отряд бесноватых. Он проложил себе путь к консулу. Фламиний упал, смертельно раненный копьем. Оставшиеся в живых римляне пытались пробиться и уйти.

— Уничтожьте их,— кричал Ганнибал.

Никогда еще я не слышал, чтобы так кричал человек. Это был крик зверя, готовящегося убить свою жертву.

Ганнибал приказал всадникам догнать небольшой отряд римлян, сумевших выйти из окружения:

— Не дайте уйти никому!

Вдруг десять или двенадцать римлян появились с другой стороны, словно их вызвал сюда ужасный крик Ганнибала. Их оружие было покрыто кровью. Эта кучка людей вовсе не хотела бежать. Они задумали отчаянный шаг, набросившись на Ганнибала. Legionеры узнали его. Человек в красном плаще верхом на слоне — кто еще это мог быть, как не Ганнибал? Они задыхались от бега, а лица их были искажены ненавистью.

— Подходите за своей смертью! — крикнул Ганнибал, выхватив из ножен короткий меч.

Я загородил щитом себя и Ганнибала. Увидев римлян, Сур сердито заворчал. Это не остановило их. Тогда он кинулся на них. Ганнибал снова крикнул, и Сур стал как бешеный. Римляне окружили его. Слон растоптал двоих, еще двоих он убил хоботом. Потом хоботом выхватил копье у одного римлянина, схватил его самого и подбросил в воздух. Вдруг Сур заревел, и тут нам на помощь подоспели карфагеняне — пешие и конные. Оставшиеся в живых римляне забросали Ганнибала копьями. Он отбивал мечом копье за копьем. Потом римлян окружили, и они стали бросать в Ганнибала свои мечи, надеясь ранить его. Ганнибал смеялся, отбрасывая меч за мечом. Он сражался так, будто ему самому ничто не угрожало. Но один меч он пропустил, и этот меч попал мне в правую руку и рассек ее от плеча до локтя.

Через несколько минут все римляне были мертвы. До последней минуты они смотрели на Ганнибала, проклиная его.

— В тебя, оказывается, попали,— услышал я голос Ганнибала.— Сейчас мы перевяжем рану. Скажи Суру, чтобы он встал на колени.

Сур опустился на колени, не дожидаясь, пока я прикажу ему это.

— Никогда у меня не было слона лучше этого,— сказал Ганнибал, спускаясь на землю и помогая спуститься мне.— И лучшего погонщика.— Он осмотрел мою рану и ободряюще произнес: — С твоей храбростью ты от этого не умрешь.

Сур почему-то не поднимался, хотя он всегда это делал, когда освобождался от груза.

— Он убил пятерых,— крикнул Ганнибал начальникам и наемным солдатам.— Пусть он будет для вас примером!

— Вставай, Сур,— попросил я.

Он сделал попытку подняться, но снова упал на колени.

— Вставай, дружище! — поддержал меня Ганнибал.— Ты спас жизнь мне и моему маленькому карфагенинину! Война скоро кончится, вставай!

И тут Сур с трудом поднялся. Я увидел струйки крови на огромных серых ногах. На шее и на плече у него были глубокие раны величиной с мою ладонь.

— Что ты наделал, дружище?! — смущенно спросил его Ганнибал.

Я вырвался из рук людей, начавших перевязывать меня, и сделал несколько шагов к Суру. Потом я упал вниз лицом — больше я ничего не помню...

31

Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу в палатке Ганнибала. Силен сидел рядом со мной.

— Где Сур? — спросил я.

— Не беспокойся о нем, — ответил Силен.

Я хотел подняться. Ко мне подошел Ганнибал.

— Лежи тихо! — сказал он сердито. — Ты должен поправиться. Без тебя мне не обойтись.

— А как Сур? — спросил я его.

— Он сам пошел за тобой, когда мы несли тебя сюда, — ответил Ганнибал.

Я посмотрел на Силена, и он подтвердил эти слова.

— Ему даже погонщика не надо было, он шел за тобой, как овечка.

Ганнибал отошел к Магону и Мономаху и сел возле них.

— А теперь постарайся заснуть, — сказал Силен.

Я закрыл глаза, и Сур встал передо мной таким, каким я его увидел в последнее мгновение. Рана моя болела. Меня угнетала мысль: почему Ганнибал кричал? Ведь битва была окончена! Почему он кричал! Своим ужасным криком он привлек бой к Суру, а теперь Сур ранен...

Ганнибал, Магон и Мономах беседовали о сражении. Они говорили довольно громко, и я поймал обрывки их разговора:

— ...до последнего человека... Это будет конец...

— Тысячи две ушло, — зло сказал Магон.

— Виновата конница, — утверждал Мономах.

Ганнибал старался его успокоить:

— Магарбал гонится за ними. Они же пешие. Он, наверное, давно уже догнал их. Скоро Магарбал будет здесь и доложит, что их больше нет...

Голос Ганнибала сливался с голосом Мономаха. Они говорили так, что трудно было разобрать, кто именно гово-

рит. Иногда они спорили. Рана у меня болела. Почему он кричал? Теперь Сур ранен. Моя голова все еще звенела от того ужасного крика.

Через некоторое время голоса перестали долетать до меня. Когда я снова проснулся, я услышал новый голос. Это был голос Магарбала. Я слушал его и мог различить каждое слово.

— Через два часа мы их поймали. Они повернули и встретили нас на холме,— говорил он.— Они превратили холм в крепость, причем без единой траншеи — одной своей храбростью. Нас было больше, кроме того, они знали, что их некому спасать, их армия разбита. Но они сражались так, будто победа уже в их руках. У нас потерь больше, чем у них. Было безумием продолжать бой,— сказал Магарбал спокойно.— Я остановил бой, когда увидел, что он будет стоить жизни тысячам наших.

— И ты отступил? — спросил Магон в ярости.

— Я сделал римлянам предложение,— сказал Магарбал.

— Побрататься? — ехидно улыбнулся Мономах.

Магарбал не смутился.

— Я пообещал, что если они сдадут оружие, то будут отпущены на свободу.

— А они?

— Сложили оружие.

— И ты позволил им уйти? — Магон в волнении вскочил.

— Я пришел сюда спросить на это разрешения,— объяснил Магарбал.

— Надеюсь, ты хотя бы окружил их нашими солдатами? — презрительно спросил Мономах.

— Нет,— ответил Магарбал.

В палатке стояла мертвая тишина. Я повернул голову, чтобы посмотреть на Ганнибала. Все лица были обращены к нему.

— Сколько их? — спросил он, не глядя на Магарбала.

— Около шести тысяч,— ответил он.

— Все римляне?

— Нет,— возразил Магарбал,— есть и их союзники. Ганнибал посмотрел на него:

— Отдели римлян.

— Не понял,— сказал Магарбал.

Тогда Ганнибал объяснил:

— Всем неримлянам мы разрешим уйти, чтобы дома они о нас хорошо отзывались. Но всех римлян мы превратим в рабов — этого они заслуживают.

— Я дал им слово,— сказал Магарбал, с трудом сдерживаясь.

Ганнибал протянул навстречу Магарбалу свою ладонь и дыхнул на нее, словно сдувал в лицо Магарбалу легкое перо:

— Вот оно, твое слово, вернулось к тебе.

Магарбал побледнел.

— Они сражались не как римляне,— сказал он.— Их мечи уничтожили бы еще несколько тысяч твоих солдат. Они отдали мне свое оружие потому, что доверились мне.

— Если мы разрешим им уйти, они добудут себе новое оружие,— прервал его Ганнибал.— И ты думаешь, что тогда они убьют меньше моих солдат?

Магарбал не отвечал.

— Ты что, не понимаешь этого? — резко спросил Ганнибал.

— Нет,— ответил Магарбал, вне себя от волнения.— Это уже не война, это — убийство.

Ганнибал встал. И все встали. Ганнибал угрожающе подошел к Магарбалу.

— Думаешь, можешь научить меня разнице между войной и убийством? — Голос его задрожал.— Ты будешь меня учить, что мне делать, а что не делать? Самонадеянный болван! Скажу тебе раз и навсегда: в войне позволено делать все, что наносит ущерб врагу! Хорошо все, что убивает врагов, а как и почему, спрашивать не нужно. К врагам у нас может быть только одно чувство — ненависть. Война — не состязание, это серьезное и жестокое дело. Кто окажется в рабстве — мы или римляне? Кто будет властелином мира — они или мы? Вот в чем вопрос! Ты хочешь, чтобы копыта их лошадей растоптали нас, чтобы обращались с нами, как с Бостаром и Гамилькаром? Послушай меня, ты, друг наших убийц! Если Рим не падет, падет Карфаген! Чтобы спасти Карфаген, нам приходится брать на себя многое, порой даже нарушать слово. Вот что я тебе скажу: те два советника, которых сбросили со

стен Сагунта и которые были на нашей стороне, — своей смертью они обязаны мне.

— Тебе? — в ужасе переспросил Магарбал.

— Это было необходимо, — холодно сказал Ганнибал. — Камень надо катить дальше, римлян надо в глазах всего света выставить варварами. Этой цели я тогда достиг. Каждый должен был поверить, что зачинщиками всего были римляне. Кто, кроме меня, будет знать, что карфагенянин науськивает кого-то против Карфагена? — Ганнибал с презрением посмотрел на Магарбала. — Вот как ведут войну! — сказал он. — Надеюсь, ты теперь понимаешь, что надо делать, бестолковый ты человек! Или ты хочешь, чтобы на меня напали с тыла?

Магарбал сделал шаг назад.

— Чего же ты ждешь? — закричал Ганнибал.

— Я не могу этого сделать, — ответил Магарбал почти шепотом.

Тут открылась черная щель, в которой не было глаза. Страшный взгляд упал на Магарбала.

— Отдели римлян! — прохрипел Ганнибал. — Только ты должен сделать это. Даю тебе половину ночи. Иди! И не попадйся мне на глаза... — Он сказал «глаза», хотя у него остался только один глаз. — Не попадйся мне на глаза, если не выполнишь приказа. Приказ есть приказ!

Ответа не последовало. Магарбал был настолько ошеломлен, что закачался. Он вышел из палатки, как будто его ранили. Ганнибал проводил его взглядом. Я не мог смотреть на Ганнибала, мне казалось, что он совершил убийство.

Я потянул Силена за рукав и сел.

— Помоги мне выйти из палатки, — шепнул я ему.

Силен помог мне подняться. Идти я мог сам. Ганнибал все еще сидел, уставившись в пространство, его искаженное лицо напомнило мне лицо Мономаха. Я стал его бояться. Ганнибал не заметил, как мы выходили. Он молчал. Другие тоже сидели молча.

— Где Сур? — спросил я Силена, как только мы вышли из палатки. Стало темно.

— Пойдем, — сказал Силен.

Он взял меня за руку, за ту, которая была здорова, и повел в свою палатку.

— Где Сур?

Меня охватил такой страх, что даже сдавило горло. Силен втянул меня в палатку. Я спросил его в третий раз.

Он посмотрел на меня. Его лицо задергалось. Тогда я понял, что Сур мертв.

32

Силен подвел меня к моей постели. Я лег, не говоря ни слова. Едва я закрывал глаза, как передо мной возникал Сур: с зияющими на груди и на шее ранами, с кровавыми полосами на ногах.

Палатка была открыта, в нее залетал прохладный воздух. День подошел к концу. «Самый длинный день в году» — так сказал Ганнибал, когда день только начинался. Тогда он сидел позади меня на Суре. Теперь Сур мертв, и ночь неотвратимо приближалась.

Силен зажег светильник. Он закрыл палатку и сел возле меня. Его лицо было таким ясным, словно весь свет, что был в палатке, собрался на нем. Никогда я не видел это лицо искаженным.

— Что с рукой? — поинтересовался он.

— Больше не болит, — сказал я, хотя рука очень болела.

— Завтра ты почувствуешь себя лучше, — пообещал Силен. — Тебе повезло: рана неглубока. — Он положил мне на лоб ладонь, а потом стал считать пульс на моей руке. — Я дам тебе выпить лекарства, чтобы ты сразу же уснул, — сказал он. — Сегодня самая короткая ночь в году — поспеши заснуть.

Когда Силен хотел встать, чтобы принести мне лекарство, я удержал его.

— Это правда, что он шел следом за мной?

— Он шел за тобой без погонщика, — подтвердил Силен. — Он шел за тобой, пока мог идти.

Я подумал о двух ранах, которые я видел на Суре. Они были не больше той, что ему нанес Карталон, когда лечил его.

— Были ведь только две раны величиной с ладонь? — с надеждой спросил я.

— Ты не видел того, что было на другой стороне,— сказал Силен.

Я настаивал, чтобы он рассказал мне все. Он внимательно смотрел на меня и, казалось, колебался.

Наконец он открыл мне правду. Когда они обошли Сура со всех сторон, то обнаружили на нем страшные раны. В загравке Сура торчал меч, вонзенный по самую рукоять, и еще копье, от которого видна была только половина. Когда Ганнибал вырвал копье и меч, то Сур страшно заревел, словно его ранили только в эту минуту. Он так заревел, что все, даже Ганнибал, оцепенели от ужаса.

— Сур кричал так, словно оплакивал всех слонов, погибших до него,— он оплакивал всех тех, кто отправился в поход вместе с ним и был уже мертв. При этом он стоял всеми четырьмя ногами в луже собственной крови. Тебя наемники положили на подстилку и унесли. Тогда Сур пошел за тобой. Он хотел быть возле тебя. Непостижимо, как он вообще мог встать! Слон шел за тобой, хотя каждый шаг был для него пыткой. Он как будто хотел показать, что принадлежит тебе, и шел за тобой до тех пор, пока его ноги уже не смогли нести огромное израненное тело. Он не хотел с тобой расставаться. Когда он свалился, у него уже не было сил закричать. Он едва слышно стонал, но его взгляд выдавал страшные мучения. Ганнибал не мог больше видеть, как мучается Сур. Он кинулся искать молоток и зубило. Карман слоньего седла был пуст. Тогда Ганнибал взял свой короткий меч, поднял с земли тяжелый камень. И тогда он это сделал. И слон, наконец, отмучился. Ганнибал оставил свой меч в загравке слона. Теперь ты знаешь все...

— Почему он это сделал? — спросил я с горечью.

— Он хотел ему помочь. И сделал это несколькими ударами.

— Он уже раньше убил его своим криком,— обвинял я Ганнибала.— Почему он кричал? Этот крик принес Суру смерть.

Силен не стал больше защищать Ганнибала. Моя рана болела. «Он убил Сура,— сверлила меня мысль.— Все слоны на его совести. Из тридцати девяти слонов тридцать девять погибли только потому, что он взял их на войну. Я невольно вспомнил Магарбала, и в ушах у меня про-

звучали страшные слова Ганнибала: «Это я приказал сбросить с городских стен тех членов городского совета, которые были за нас...» Значит, это он разрушил Сагунт, а вовсе не римляне. Карталон обманул меня. Или он не знал этого, потому что его обманул Ганнибал — его и всех тех, которые отправились с ним в поход? Он обещал нам победы, а я видел перед собой необозримые ряды мертвецов: мертвецов у озера, мертвецов у рек, мертвецов в ущельях. Я видел Бармокара и Миркана возле позорных столбов, и все, что Миркан кричал тогда Ганнибалу, вспомнилось мне слово в слово.

— Миркан был прав,— сказал я громко.— Он погубил больше людей, чем его отец Барка.

Силен слушал меня, не возражая ни единым словом.

— Я не хотел его покидать никогда,— продолжал я,— но теперь я это сделаю.

— Куда ты хочешь идти? — озабоченно спросил Силен.

— Я останусь там, где нет войны.

— Пусть сперва заживет твоя рана,— сказал Силен,— тогда и отправисься.

Я испытующе смотрел ему в лицо, так хорошо мне знакомое, смотрел в его глаза и видел, что они ничего не утаивают, и тут я вдруг понял, что, кроме этого человека, у меня больше никого не осталось.

— А ты? — спросил я.— Что будешь делать ты?

— Его война — не моя война,— сказал Силен,— но, пока эта война продолжается, мое место возле него.

Я посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Если кто меня поймет, так это только ты, единственный из всех, бывших с ним,— сказал Силен.— Многие из его солдат — наемники, только не ты и не я. Эти наемники дали себя купить, все они сделали его войну своей войной и перестали быть теми, кем были, и стали такими, какими он хотел их видеть,— даже Магарбал. Они разрешают ему думать за себя и делают все, что он от них требует. Я не мог бы делать то, что делает Магарбал, но ведь я и не воюю за Карфаген. Да и чем мне воевать? У меня нету даже кинжала. И если Ганнибал прикажет мне убить человека, я этого не сделаю...

— Это будет стоить тебе жизни,— сказал я.

— Может быть. Но пока он дает мне возможность идти своим путем, до тех пор я останусь с ним. Я хочу понять, каков он в действительности. Это может только тот, у кого он постоянно на глазах. Ты знаешь его лучше многих, но знал ли ты вчера, что он может погубить человека единственным взглядом? Ты случайно оказался сегодня при этом, и я тоже. Я нахожусь возле него больше других. Мне он доверяет больше, чем своим братьям, и при этом он вовсе не подозревает, что служит мне. Я пишу о нем книгу. Это и удерживает меня возле него.

С его народом у меня нет ничего общего. Я боюсь карфагенских богов, а каждый народ таков, каковы его боги. Я бывал в Карфагене, я знаю, каковы они — карфагеняне. Они распинают на кресте не только полководцев, проигравших битву,— они распинают львов! Да, я видел на краю пустыни кресты, на которых висели распятые львы. Их распяли только за то, что они заблудились и отстали от своих сородичей. Я люблю львов — как я могу любить Карфаген? Но возле Ганнибала я еще побуду. Изучая его, я изучаю корни войны. Когда он призывает меня к себе, он все время говорит, не переставая. Он еще ни разу не спрашивал у меня совета. Он ставит себя выше всех и презирает даже своих близких. Ты видел, как он обошелся с Магарбалом. Он один из тех, кто давал клятву у алтаря Молоха*. Потомки должны знать, каковы эти люди. Если опять появится такой человек и люди будут знать его суть, они, может быть, не пойдут за ним слепо до тех пор, пока их не поглотит бездна.

Я не спускал с него глаз.

— Ты не веришь в победу Ганнибала?

Вместо ответа Силен сказал, не понижая голоса:

— Он всегда носит с собой яд в склянке из синего стекла.

Тогда я признался ему, что я это знаю, и еще я рассказал ему про сон, который Ганнибал доверил мне после перехода через Пиренеи.

— Это вторая тайна, которую он мне доверил.

— Он доверяет тебе немало, маленький карфагенянин,— сказал Силен без тени насмешки.

«А теперь он вовсе и не заметил, как я ушел,— подумал

я.— Просто потерял меня из виду». Я со страхом вспомнил, что слева под бровью у него зияет черная щель.

И тут Силен сказал после напряженного молчания нечто такое, что заставило меня насторожиться:

— Я к нему привязан. Я знаю, что больше никогда не смогу от него освободиться.

Когда я растерянно посмотрел на него, он продолжил свою мысль:

— Он моя судьба.

— А у меня он отнял отца, и мать, и брата, и Сагунт,— сказал я.— Он отобрал у меня Карталона и Сура. Из-за него у меня никого не осталось.

— Он не может их у тебя отнять, если ты их сам не покинешь,— уверенно произнес Силен.

— Но они же мертвы,— горько возразил я.— Даже ты, ты уходишь с ним. Он убил Сура своими руками.

— Меньше всего потерян для тебя Сур,— убежденно продолжал Силен.— Он всегда будет следовать за тобой, даже если он и лежит сейчас на холме, на котором упал. Сур — твоя судьба, как моя судьба — Ганнибал.

Я хотел встать, но Силен напомнил мне, что я должен лежать. Он осмотрел мою повязку, пропитанную кровью. Он решил перебинтовать мне руку. Было больно. Он наложил на всю рану большой пластырь с лечебной мазью и опять тщательно перевязал ее.

— Рана быстро заживет,— обещал он.— Она не столь опасна, как выглядит. Теперь спи!

*Рана больше не болела.

— Что ты имел в виду, говоря о Суре? — спросил я. Силен намешал мне какой-то напиток.

— Это горько,— предупредил он, подавая мне чашу.— Но ты заснешь.

Я не стал пить и повторил вопрос.

Тогда Силен отставил чашу в сторону и стал шепотом говорить о Суре. Он пробовал меня успокоить. Он опять напомнил мне обо всем, о чем мы разговаривали на реке возле слоновьего брода: о лесах под крышей мира, где родился и вырос Сур, об ущельях, переполненных жизнью, о цветах миндаля, которые крупнее бабочек, о лунных ночах, о том, как лунными ночами — под большими деревьями, на мшистых коврах — играют с кроликами яки

и танцуют слоны, околдованные луной, пока они не скрываются вместе с ней в сердце джунглей — беззвучно, как уходят в небесную темноту облака...

— Перед Суром лежит большой путь — назад, к началу, откуда он пришел, через горы и льды, через реки и пустыни, через цветущие страны. Эта дорога никому не заказана, никому из тех, кто пустился в Большое Приключение. Но не беспокойся: он вернется. Нет более великих путешественников на земле, чем слоны. Они всегда в пути и всегда связаны друг с другом. Ты знаешь, что они направляют друг другу послания, и можешь быть уверен: Сур вернется, когда справится с тем, что случилось. Дай ему время, у него сейчас много дел: он должен сбросить надетые на него оковы и тот сияющий крест, который торчит из его огромного загривка. Когда он залечит все свои раны, он придет к тебе, ибо ты его погонщик. Тебя он когда-то выбрал, и ты не хотел ничего иного, как только идти вперед вместе с ним...

Кто-то окликнул Силену снаружи. Он вышел.

— Я должен спешить к Ганнибалу, — сказал он, вернувшись в палатку. — Он хочет мне диктовать. — Силен взял свои принадлежности для письма. — Осуши эту чашу, тогда ты заснешь, — сказал он, нагнувшись надо мной. — Оставайся у меня, пока рана не заживет. Это недолго!

И он пошел к Ганнибалу.

33

Теперь я был один. Я немного отпил из чаши. Лекарство было горьким, и я не стал его больше пить. Рана больше не болела. Мой взгляд остановился на кинжале, который подарил мне Карталон. Он висел на столбе палатки. Я задумался. Этим оружием Карталон нанес Суру рану, чтобы вылечить его. Я долго смотрел на этот кинжал.

Потом я встал, взял кинжал и вышел из палатки. Луны на небе не было, но звезды сияли. Ночь была темная и теплая. Я двинулся вперед не раздумывая. Когда я выходил из лагеря, меня никто не окликнул. Часовых было выставлено мало, ведь врагов больше не осталось.

Я не взял с собой ничего, кроме кинжала. Я шел на-

легке. Рана почти не болела, будто я вовсе и не ранен. Как только я решил идти искать Сура, все мое волнение исчезло. Я был уверен, что найду его, поэтому не очень спешил. Надо было только дойти до озера, берега которого в то утро были покрыты туманом, и взобраться на холм — слон должен быть там. Я шел, не глядя по сторонам, и двигался так половину ночи. Потом красный серп луны показался над горизонтом, и я увидел озеро. Оно поблескивало, покрытое клочьями тумана. А вон и холм. Я взобрался на него.

На холме лежал Сур. Его голова и огромное тело четко вырисовывались на фоне ночного неба. Над затылком слона сверкал маленький крест — меч Ганнибала. Рукоять сияла холодным светом. Я выронил свой кинжал.

Я взбежал на холм, чтобы схватить меч Ганнибала. Когда я протянул за ним руку, то упал и ударился головой и плечом о скалу, похожую на огромного слона... Над скалой блистали звезды.

Опять стала болеть рана. Я поднялся и быстро пошел прочь. Луна поднялась выше. Я в замешательстве смотрел сквозь туман — из него поднимались черные тени. Туман скрывал под собой болото, а не озеро. Я больше не знал, куда мне идти, и поэтому побрел наугад. Боль в руке нарастала. Мне становилось жарко, виски горели. Серп луны стал серебристо-белым. Куда бы я ни посмотрел, везде дрожали длинные тени.

Я устал, но продолжал идти. Потом я вышел на тропу и пошел по ней. И вдруг я понял, что Сур рядом.

...И тогда я услышал сзади знакомый звук его шагов. Я не смел посмотреть назад, но пошел не спеша, как я всегда ходил, когда Сур шел сзади. Когда я наконец понял, что он идет за мной, я заговорил с ним:

«Нам давно надо было бежать».

Он не согласился со мной:

«Из этого ничего бы не вышло. Ганнибал послал бы за нами Магарбала. Если бы наш побег удался, римляне все равно поймали бы нас. А что тогда? Вот теперь нам никто не помешает».

«Куда ты идешь?» — спросил я.

«Ты же знаешь, — сказал он. — Сначала мне надо снять путы с ног и вытащить из загривка блестящий крест.

Я пойду тем же путем, каким пришел — через горы и реки, через пустыни и цветущие поля, под самую крышу мира», — слово в слово подтвердил он все, что говорил Силен.

«А потом что?»

«А потом я вернусь, — услышал я его снова. — Я расскажу тебе все, только имей терпение и не убегай от меня. Мне надо привыкнуть к своему новому положению, как и тебе. Ты можешь на меня положиться. Тебе не говорили, что я шел за тобой даже тогда, когда у меня больше не было сил?»

«Да, Силен говорил, — подтвердил я, — и Ганнибал тоже. — Я запнулся и спросил: — Что ты скажешь о Ганнибале?..»

Я услышал сзади тихий стон. Все, что делал Сур, он делал тихо, его слова и шаги были едва слышны, и только тот, кто как я, его хорошо знал, мог разобрать, что он говорит.

«Что ты скажешь о Ганнибале?» — спросил я снова.

«Сначала он мне нравился. Мне нравились его глаза, его манера говорить. Мне нравилось, что он велел отвязать Бармокара и Миркана от позорных столбов, что он вернулся за Ибер, чтобы помочь слабым. Мне понравилось, что он подобрал тебя, когда ты умирал, я восхищался им, когда мы шли через перевал. Я очень любил его за многое, в особенности за то, что он оставил Арбу с малышом, иначе бы Арба тоже...»

Внезапно Сур умолк.

«А что ты скажешь о Сагунте, о тех шести тысячах, из которых он приказал выделить римлян?» — напомнил я.

«Сейчас скажу. Ты хорошо сделал, что ушел от него. Тебе уже нельзя было идти с ним дальше. И потом — он ведь обидел тебя. Он лишил тебя отца, матери и брата. Он хотел отобрать меня у тебя с самого начала, но об этом я знаю так же мало, как и ты. Очень многого я не знаю. Только когда он ослеп на один глаз, заболел и ослаб и ему стало труднее скрывать свои замыслы, я понял, что он за человек. Ганнибал хотел, чтобы я был его слоном, но ты же знаешь: я твой слон».

С Суром было легко разговаривать. Он понимал меня так же хорошо, как Силен, даже лучше.

«Что теперь будет с нами, с тобой и со мной?»

«Будет трудно,— признался Сур.— Передо мной долгий путь, но все равно этот путь ведет к тебе».

«Я тебя не понимаю,— сказал я.— Ты должен мне это объяснить. Мне это важно знать».

«Проще всего для тебя — поменьше об этом думать. Будь уверен, что я вернусь. Где бы ты ни был, я найду тебя. Не забывай, что это я нашел тебя в дымящихся развалинах, где тебя было трудно разглядеть,— помнишь?»

Я попробовал тайком взглянуть на Сура. Я обернулся. Он был так же близко, как всегда, его туша загораживала полнеба. Только вместо пучка красных перьев над его головой сиял крест рукояти меча.

«Со временем это пройдет,— утешил меня Сур, будто услышал мои мысли.— Этот холодный сверкающий крест исчезнет. Но наберись терпения. Сразу этого не сделаешь».

Я посмотрел вокруг, и у меня закружилась голова, трудно было идти быстрее Сура. Он обогнал меня.

«Я не могу поспеть за тобой,— сказал я, задыхаясь,— ты идешь слишком быстро».

Сур извинился и сказал, что он спешит потому, что перед ним долгий путь.

«Сверни с дороги, присядь на обочину! А еще лучше — ляг и успокойся, как говорит Силен. Силен! Он всегда понимал тебя и меня. Он принадлежит нам, а не Ганнибалу, хотя он сейчас и находится в его палатке».

Я свернул в сторону, споткнулся, упал в придорожную канаву и там затих.

«Лежи спокойно и постарайся, чтобы к тебе вернулись силы. Сейчас, как тогда, на перевале, ты должен это преодолеть. Я знаю, что ты сможешь. Я знаю тебя очень хорошо, ты сумеешь все перенести. Мы многое с тобой пережили. Ты выдержишь. Скоро я опять буду с тобой...» — произнес Сур, и его мощное тело пронеслось мимо меня.

Небо потемнело. Сур унес с собой звезды.

Когда я очнулся, ночи уже не было. Я услышал цокот копыт и бряцание оружия — это меня и разбудило. Прошло некоторое время, прежде чем я собрался с мыслями. Первая мысль была: «Теперь все снова начнется — топот арьергарда, топот римских легионов, шум в войсках бесноватых. Ловушка снова расставлена...» Потом я подумал: «А почему надо всех римлян убивать или превращать в рабов? Разве они этого заслуживают?» Тут ужас сковал мои мысли, и я притаился в канаве, чтобы ничего не видеть.

Лязг и цоканье копыт замерли рядом со мной. Потом я услышал проклятия. Я поднялся. Невдалеке я увидел человека с двумя ослими. Ослы были испуганы, и человек, державший животных за длинный повод, старался их успокоить.

Каждый осел нес по два закопченных котла с блестящими краями. Несколько раз ослы пытались бежать, но задевали друг за друга, и котлы при этом лязгали и звенели. Наконец ослы успокоились.

Человек прокричал мне что-то неприветливое, о чем я догадался по его лицу. Потом он попытался заговорить со мной на своем языке, а далее начал ругаться по-латински и, когда увидел, что я его наконец понимаю, сказал сварливо:

— Ты напугал ослов. Зачем ты здесь лежишь?

Я не ответил. Что я мог сказать?

Я перевел взгляд на ослов. Я и раньше видел ослов с корзинами или с кувшинами, но ослов с черными котлами...

Человек догадался, что я удивлен.

— Я повар, — объяснил он. — А это моя кухня. Она всегда со мной, куда бы я ни шел. Я стряпал для многих людей — в последнее время для римлян. Но теперь с ними покончено. Этот Ганнибал взял их в плен. Он отпустил меня, потому что я не римлянин. Сейчас плохо быть римлянином.

Человек говорил не на чистом латинском, но он помогал себе руками, делал разные гримасы, и я понимал его.

— А ты? — спросил он и подошел ближе. — И где это тебя угораздило?

Он привязал ослон к дереву и внимательно осмотрел меня.

— Болит?

Я покачал головой.

— Всегда рана выглядит страшнее, чем она есть на самом деле,— утешил он меня.— По тебе видно, что ты выдюжишь, я это сразу заметил. Откуда ты?

— Из Сагунта,— сказал я.

Он наморщил лоб.

— Сагунт — это где?

Он никогда не слыхал про Сагунт.

— Война началась из-за Сагунта,— пояснил я.

Повар удивился:

— Мне говорили, из-за того, что карфагеняне хотели покорить Рим. И весь мир.— Он внимательно оглядел меня: — А ты карфагенянин? Мне ты можешь это сказать.

— Они взяли меня с собой,— сказал я ему,— но я убежал.

На его лице выразилось сомнение.

— Тогда смотри, чтоб они тебя не сцапали,— задумчиво сказал он. Потом вдруг спохватился: — Во что это ты одет? Что ты делал, когда был у карфагенян?

— Я был при слонах,— сказал я.

Человек испугался.

— Все слоны мертвы,— сказал я, чтобы успокоить его,— и почти все погонщики, у которых были слоны. У меня Сур...

— Ты Сур? — сказал он радостно.— Я Дукар,— представился он. Он вынул из кармана кусок хлеба и дал мне.— Поешь, маленький Сур. Но что же мне с тобой делать? Куда ты хочешь идти?

— В Сагунт,— сказал я.

— Далеко это?

— В Иберии, у моря.

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Так далеко? Но на пути к морю лежат горы. Но, конечно, тебе надо возвращаться домой, к отцу и к матери!

— Они умерли. У меня никого не осталось,— произнес я.

— И ты все равно хочешь вернуться?

Он вдруг резко тряхнул головой, приняв решение.

— Ты пойдешь со мной,— сказал он.— Я сделаю из тебя повара. Как погонщику тебе больше нечего делать. Наемники, конница и то, что имеет отношение к войне,— все это не то. Рано или поздно они пойдут воевать и будут убивать друг друга. Повар — другое дело. Он всегда в тылу, подальше от боя. Все только и заботятся о том, чтобы с ним ничего не случилось, потому что все хотят есть, даже те, которые убивают. Почему я вышел оттуда живым? Потому что я повар. И тебе советую стать поваром. Тогда тебе всегда будет хорошо и на войне и в мирной жизни. Я научу тебя стряпать,— пообещал он.— Ты моментально научишься.

Я сел, потом встал и сделал несколько шагов.

— Смотри-ка, может ходить! — закричал Дукар радостно.— К счастью, отсюда недалеко до моего дома. Во всяком случае, это не так далеко, как до этого самого...

— Сагунта,— сказал я.

— Никак не могу запомнить название этого города,— извинился он.— Ну хорошо, пойдём!

Я стоял в нерешительности. Дукар, по всей видимости, был неплохим человеком. Почему бы мне не пойти с ним? Почему бы не научиться у него поварскому делу? Но что-то удерживало меня.

— Не хочешь идти со мной? — Он даже расстроился.

— А что тебе скажут дома, если ты приведешь меня? — спросил я.

Он выпрямился.

— Чего бы она ни сказала, теперь нас двое.

— Я тебя не совсем понимаю,— сказал я.

— Ты должен пойти со мной,— взмолился он.— Не бросай меня. Один я с ней просто не справлюсь.

В ответ на мое удивление он объяснил мне, что бонтя идти домой.

— Она ничего не понимает в стряпне,— сказал он,— но воображает, что стряпает лучше меня. С самого первого дня мы все время ссоримся, когда дело касается стряпни. Мне не надо было жениться на ней, но кто мог сказать, что так будет? Зато она красивая и вообще неплохая... У нее доброе сердце, но чертовски тяжелые кулаки. За всю войну я не получил столько тумачков, как дома за одну неделю! Так не должно больше продолжаться. Двоим

нам будет легче ее образумить.— Он отвязал одного осла.— Бери этого! — сказал он торжественно.— Он будет твоим, если ты пойдешь со мной! Кроме того, твоими будут и эти два котла.

Он поднял один котел, чтобы я мог заглянуть внутрь. Внутри котел так красиво сиял. Я пошел с ним.

Мы шли полдня обходными тропами. Потом отдыхали. Дукар варил. У него с собой было немного провизии. Еда, которую он готовил, была вкуснее всего, что я перепробовал за этот год. Мы избегали крестьянских дворов. Дукар точно знал, какой дорогой идти.

— Надо скорее выбраться отсюда,— сказал он.— А то ты опять попадешь в руки карфагенян. Они узнают тебя издали по твоей проклятой одежде...

Был уже вечер, когда мы услышали позади себя быстрый топот копыт. Нас преследовали вооруженные всадники. Мы стояли позади ослов и смотрели на приближающихся всадников.

— Твоя проклятая одежда! — пробормотал Дукар.— Она наведет на наш след карфагенян.

— Это не карфагеняне,— сказал я, внимательно приоткрывшись.

— Ты прав,— сказал Дукар,— это какой-то отряд римлян. Он вдруг вышел из себя: — Разорви свою проклятую одежду!

Но отряд уже подъехал к нам. В нем было шесть человек. Двое из них соскочили с лошадей и кинулись на нас с такой яростью, что осла испуганно отпрянули.

— Что у тебя там? — закричали они на Дукара, стукнув по котлам.

— Я повар,— объяснил Дукар. Он назвал манипулу — римское воинское подразделение, для которого готовил.— Но этого отряда уже нет.

— Зато есть мы,— сказал их предводитель, взглянув на остальных.

— Он может быть нам полезным,— сказал один из них.

Дукар растерянно переводил свой взгляд с одного воина на другого.

— А он? — предводитель указал на меня.

— Это мой помощник,— смущенно сказал Дукар.

— С какого времени? — Предводитель что-то заподозрил. — Что это за одежда на нем? — Он внимательно посмотрел мне в лицо, потом схватил меня за большую руку. — Что ты сделал со своим луканским быком? — спросил он, и его глаза недобро сверкнули.

У меня так заболела рука, что я закричал. Пот выступил у меня на лбу.

— Он ранен, — сказал Дукар.

— Смотри лучше за своими ослами, — грубо прикрикнул на него римлянин, — не то мы с тобой быстро разделаемся!

У Дукара затряслись руки, и он стал умолять предводителя:

— Он убежал от них и больше не хочет иметь с ними ничего общего, он всего только мальчик, и к тому же не карфагенянин, они прихватили его с собой. Посмотри, какой он маленький!

— Не болтай глупостей! — сказал римлянин с угрозой.

— Он пришел из... — Дукар мучительно пытался вспомнить название.

— Из Сагунта... — Я едва мог говорить, горло сдавило от волнения.

— Из Сагунта? — Римлянин отпустил меня, на его руке осталась кровь. — Не может этого быть! И я скажу почему. Ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребенок не остались в Сагунте живыми. Дьявол в красном плаще убил всех до одного! Но мы узнаем, откуда ты пришел. Мы это из тебя вытряхнем! И ты нам все расскажешь, все, что ты знаешь о слонах. Как тебя, собственно, зовут?

— Сур, — сказал Дукар, увидев, что я задыхаюсь.

— Ты молчи! — грубо оборвал его римлянин. — Пусть он сам скажет.

— Я Дукар, повар, а он Сур из Сагунта, — сказал Дукар услужливо.

— Во всей Иберии нет такого имени, — ответил римлянин. — Я долго жил в Иберии — нет там такого имени.

Он приказал нам идти за ним. Всадники окружили нас. Спустя три часа мы пришли в лес, где было еще человек пятьдесят римлян.

Повара встретили очень тепло. Меня показывали, как редкое животное. Потом предводителю пришла в голову мысль продать меня.

— Это все, что осталось от слонов Ганнибала! — закричал он. — Кто его возьмет?

Один предложил две монеты, второй три, третий — пять. Они стали разыгрывать меня, распаяясь все больше и больше, пока сумма за меня не дошла до цены за хорошую лошадь.

Человек, к которому я попал, внимательно осмотрел меня со всех сторон.

— Что ты умеешь? — спросил он.

— Он знает кое-что о слонах! — закричал предводитель. — В Риме ты получишь за него кругленькую сумму. Он сказал, что его зовут Сур.

— Сур, — повторил человек, чтобы запомнить.

В голове у меня все перепуталось, и я кивнул.

Человек опасливо взглянул на мою повязку. Он позвал еще кого-то, кто знал, как лечат раны; тот объявил, что рана не опасная. Римлянин дал мне напиток и поесть, принес покрывало и настоял на том, чтобы я отдохнул.

— Я должен о тебе заботиться, чтобы в сохранности довести до места, — объяснил он мне. — Я за тебя много заплатил.

Настала ночь, и мы двинулись в путь. Римляне решили пробираться к Риму.

— Сколько тебе лет? — спросил мой хозяин.

— Тринадцать, — сказал я.

Человек удивился.

— И ты перешел с Ганнибалом через Альпы?

— Да, — пробормотал я.

— Со слоновьим походом покончено! — воскликнул он, и у него был такой вид, будто это он уничтожил всех Ганнибаловых слонов.

К Л А Д

ты дошел? До самого Рима? — спросил Морик.

— На это потребовалось какое-то время, — ответил старик. — Но мы дошли. Карфагеняне нас не поймали. Римлянам ведомы были тайные тропы — они даже сумели провести повара и ослов, и нам было неплохо, потому что Дукар хорошо готовил, поддерживая во всех приподнятое настроение. А так как человек, которому я принадлежал, не возражал против того, что я помогаю Дукару, я по дороге в Рим тоже научился готовить...

Старик разворошил сучком оставшиеся угли. Всю ночь он помаленьку подкармливал огонь. Сейчас, когда стало светать, угли казались потухшими. Старик так пристроил сучок на углях, что он занялся пламенем. Морик, Тана и старик немного мерзли. Старик искал глазами солнце.

— Оно должно скоро взойти, — решил он, — как только оно выйдет, мы откроем люк.

— И ты никак не мог от них убежать? — спросила Тана.

— Куда мне было бежать? — вопросом на вопрос ответил старик. — Раненный, я бы далеко не ушел. Да я и не хотел убежать, пока с нами был Дукар. Кроме того, человек, который меня купил, чертовски внимательно наблюдал за мной, даже за моей раной и одеждой погонщика. В его глазах моя ценность все время росла. Он и правда выколотил благодаря мне много денег: меня показывали в Риме на всех площадях. Римляне толпились вокруг меня;

если раньше они дрожали перед слонами Ганнибала, то теперь страха у них не было. Я был последним осколком слонов. Меня перекупил богатый римлянин, и это стоило ему порядочных денег.

Морик, смотревший на старика другими глазами, чем за день до этого, нерешительно спросил:

— А они попробовали из тебя что-нибудь вытянуть о слонах?

Старик снисходительно улыбнулся:

— Ты не знаешь римлян. Они добиваются всего, чего хотят. Но зачем об этом говорить?

— Они тебя пытали? — испуганно спросила Тана.

— Почему мне должно было быть лучше, чем Карталону? — равнодушно сказал старик. — Как вы видите, я выдержал. Только сначала было трудно, пока я оставался наедине с самим собой. Но потом возле меня вдруг возник Карталон, он внушил мне: «Не говори им ничего! Или просто ври! Делай, как я, ври им, они ничего не заметят». И он опять показал мне клеймо на своей руке: «Теперь у тебя будет такое же! Верись ты теперь, что они — дьяволы? Их надо ненавидеть!»

Я до крови закусил губы и ничего не сказал. Они хотели выпытать у меня, что я знаю о слонах, и особенно о том, в какое место надо бить, чтобы они сразу умерли. Я ничего не сказал. Я лежал и почти не двигался, как тогда, когда был засыпан развалинами Сагунта. Они привязали меня к скамье для пыток. Когда я начал врать, как Карталон, передо мной вдруг возник Сур, и Карталон исчез. На голове Сура опять были красные перья, а не крестообразная рукоять меча. Он склонял голову набок. «Скажи им все, — советовал он, — не ври! Ответь на все вопросы, и они оставят тебя в покое...» И тогда я рассказал им обо всем, что они хотели знать о слонах...

— И они отпустили тебя? — спросила Тана.

— Позже, — сказал старик. — Через сорок или пятьдесят лет. Я перестал считать годы.

— Их надо ненавидеть! — крикнул с горечью Морик.

Старик покачал головой:

— Карталон их ненавидел и потому умер. Я был доволен, что они оставили меня в покое. У меня опять был Сур. Он вернулся в нужную минуту. Без него я бы не выдержал,

но он хотел, чтобы я через это прошел. Теперь со мной опять был друг, с которым я мог беседовать, которому мог задавать вопросы, когда мне это было нужно. Чего еще желать?

— А что было с Ганнибалом дальше? — поинтересовался Морик.

— Когда-то я думал, что он будет для меня важнее Сура.

Было видно, что вопрос Морика больно задел старика. Он взглянул на горы, стоявшие на востоке. Небо над ними стало красным.

— Сейчас появится солнце, — сказал старик, — тогда мы откроем люк.

— Только один вопрос, — попросил Морик. — Видел ты еще хоть раз Ганнибала?

— Ганнибала? — Старик рукой словно отмахнулся от этого имени. — Я больше не хотел иметь с ним ничего общего. Но он встречался мне на каждом шагу. Во всех переулках Рима, где собирались люди, Ганнибал то и дело возникал в разговорах. Он появлялся даже во снах. И мне он тоже снился. Этим он как будто мстил мне за то, что я убежал. Легионы, выставленные против него Римом, ничего не могли с ним поделать. Никто не понимал войну лучше его. Один раз в горах* он вместе со своей армией попал в ловушку. Тогда он привязал к рогам быков пучки хвороста, поджег их и пустил обезумевшее стадо на перевал, занятый римлянами, через который хотел уйти. Мчащиеся в темноте огни испугали римлян — Ганнибал скрылся. Он все время побеждал, но война продолжалась. Так как консулы не могли разбить Ганнибала, римляне выставили против него диктатора. Но этот диктатор избрал новый вид войны, отличный от привычной политики. Его и прозвали Медлителем за то, что год за годом шел он по пятам Ганнибала, вместо того чтобы напасть на него. Ганнибалу не было от него покоя.

Армия карфагенян таяла от эпидемий. Карфагенян изматывали бесконечные переходы. Медлитель побеждал карфагенян тем, что ничего не делал. Но нашлись некоторые римляне, которые упрекнули Медлителя в трусости, а кое-кто даже счел его предателем. И опять против Ганнибала послали консулов, и один из них, сын мясника по

имени Варрон, решил взять пунийца — так называли Ганнибала — за горло. В Апулии, при Каннах, он атаковал карфагенян, и Ганнибал получил, наконец, тот вид войны, в котором он понимал более, нежели кто-нибудь другой. И он еще сильнее взял римлян в клещи, нежели на Требии или у Тразименского озера, да так, что раскаленное солнце отняло у них зрение, а пыль — дыхание, и под конец на окровавленном поле осталось около пятидесяти тысяч убитых римлян. Теперь Рим вооружил подростков и рабов; отделившихся от римлян союзников погнало против Ганнибала или превращало в рабов; Сиракузы*, поддерживавшие Ганнибала, были завоеваны, несмотря на то что один известный человек, по имени Архимед, изобрел огромные железные руки, которыми защитники города хватили со стен всех вражеских солдат; они даже могли поднимать на воздух целые корабли. И когда Ганнибал появился перед Римом и разбил там свой лагерь, римляне продолжали покупать и продавать землю, на которой стояли палатки карфагенян.

Тогда я опять увидел человека в красном плаще, на этот раз издалека. На меня надели одежду погонщика и показали карфагенянам с вершины городской стены: «Смотрите, так будет со всеми вами! Каждый из вас будет рабом!» И Ганнибал вынужден был отступить. Когда его брат Гасдрубал хотел прийти на помощь Ганнибалу, римляне окружили армию Гасдрубала и уничтожили ее до последнего человека и последнего слона, а голову Гасдрубала забросили в лагерь Ганнибала. Тогда Ганнибал понял, что пробил его роковой час. После семнадцати лет войны, погубившей бесчисленное число людей, разрушившей четыреста городов и опустошившей страну, Ганнибал вынужден был возвратиться в Ливию. Там высадилось римское войско, угрожавшее Карфагену. Карфагеняне послали Ганнибалу корабли, но кораблей было мало. Он отдал приказ уничтожить всех лошадей и людей, которым не досталось места на кораблях. Потом он установил в храме Геркулеса, в Кротоне, медную пластину*, на которой выгравированы были его победы, и поплыл в Карфаген. У Замы римские войска убили или превратили в рабов всех тех наемников, которые покорно следовали за ним через Альпы и назад через море до Карфагена. Ганнибал

был разбит. Победителем стал Публий Корнелий Сципион, тот, который семнадцатилетним юношей помог своему отцу избежать плена в битве при Тицине, а в двадцать пять лет завоевал Новый Карфаген, когда необычно сильный отлив моря позволил атаковать город с берега. Он отнял у них всех слонов — всего тридцать — и, прозванный Африканским, вернулся со слонами в Рим. Он привел с собой и погонщиков.

Римлянин, которому я теперь принадлежал, был, как и все римляне, патриотом. Он определил меня ухаживать за слонами. «Луканские быки!» — кричали римляне; римляне, победив Карфаген, слонов больше не боялись. Всему, что пришло из Африки, они заносчиво давали презрительные клички. Леопардов они называли африканскими крысами, а страусов — морскими воробьями, потому что их везли в Рим через море. Они вовсе не думали брать слонов в свои легионы. «Их место в цирке!» — кричали они. Слонов стали учить подниматься по лестницам, есть с тарелок и носить светильники. Римляне высмеивали Карфаген, издеваясь в амфитеатрах над его слонами.

Но Карфаген еще существовал. Карфагенянам было запрещено вести войны без разрешения Рима. Но все равно разразилась третья война. В Риме жил очень влиятельный человек, по имени Катон, которого все слушали. Он ненавидел Карфаген так, как Карталон ненавидел Рим. Но Катон не умер от своей ненависти, он заставил умереть Карфаген. Он начал войну под пустяковым предлогом. Карфаген уступил: выдал римлянам все свое оружие и слонов и все корабли. Только после этого Катон передал карфагенянам, что их город должен исчезнуть с лица земли: пусть построят себе в трех часах ходьбы от моря новый город. Отчаявшись, карфагеняне решили драться до конца. Они лихорадочно стали переплавлять различную утварь на оружие. Из мисок, ножниц, удочек, ложек и ножей в короткое время приготовлено было три тысячи щитов, девять тысяч мечей, пять тысяч копий и тридцать тысяч стрел. Женщины жертвовали свои волосы на изготовление тетивы для луков.

Карфагеняне боролись три года, пока голод не превратил их в привидения. После этого они подожгли свой город, который был им дороже жизни. Меня привезли в

Африку вместе с другими погонщиками. Римляне подозревали карфагенян в любом коварстве, даже в том, что они спрятали в городе слонов, хотя во время перемирия в городе был обыскан каждый уголок. Я видел, как горит город. Огромный светящийся каменный корабль превратился в дымящуюся грудку развалин, как Сагунт. Я видел Сагунт горящим во второй раз.

В пламени тонули колонны, между которыми стояли на якорях корабли, и склады красильщиков под огненной горой, и Бирса, и дворцы. Когда все было кончено, нас послали в город на поиски слонов. Уже не пахло ни кедровым деревом, ни хлебом из пекарен, на наковальнях уже не звенела медь. Я увидел Карфаген таким, каким Карталон не знал его. В стенах зияли огромные пещеры — пустые стойла слонов. В городе не было ни одного слона, ни одного карфагенянина. Зато я встретил там людей, от которых остались лишь кожа да кости, тем не менее они светились от радости. Это были приговоренные — рабы из каменоломен у моря. После многих лет, проведенных в аду, они стали свободными и могли идти куда хотят. Они обнимали меня, как будто это я был их освободителем. В общей суматохе было трудно отделить одного человека от другого.

Я тоже решил двинуться в путь и пошел на запад через сады Мегары, а потом дальше по берегу моря. Я дошел по слоновьей дороге до Геркулесовых Столпов. За пригоршню монет, которые я нашел на улице Карфагена, я пересек море на корабле до Гадеса и прибыл в Иберию. Теперь она принадлежала римлянам. Никто не остановил меня. Старик, которому осталось не так уж много жить, — кому он может причинить вред? Никто не знал, что я единственный человек, который знает в Сагунте каждый угол, каждое место, который знает, где надо копать... — Старик указал на восток, на горы: — Оно вот-вот взойдет!

Горы уже были четко видны.

Морик внимательно посмотрел на руку старика. Он не увидел клейма.

— А разве тебе не ставили клейма? — спросил он.

— Вот. — Старик показал место на запястье, где виднелся шрам. — Время шло, я старел, и клеймо почти исчез-

ло. Я не прятал его, как Карталон; солнце и ветер поработали над ним. Время стерло его, потому что я жил. С Ганнибалом покончено,— сказал он сердито; но потом вдруг начал защищать его.— Самые страшные удары нанесли ему его же люди. Они хотели судить его за то, что он якобы отказался от завоевания Рима. Он бежал из страны в страну; его дом в Карфагене сами же карфагеняне разрушили до оснований. После того как римляне в пятый раз потребовали его выдачи, он прибегнул к помощи пузыря в своем поясе. Он умер от яда.

— А Силен? Что стало с ним? — спросила Тана.

— Я встречал его еще несколько раз,— сказал старик, и лицо его посветлело.— В доме богатого человека, который в конце концов купил меня, были книги. Однажды, когда прошло уже много времени после Ганнибаловой войны, он принес домой новую книгу. Эту книгу написал Силен. У хозяина было много друзей, с которыми он обсуждал свои книги. Он очень высоко ценил Силену за то, что тот «сам присутствовал при всем и знал ход событий». Несколько лет мы жили под одной крышей — я и Силен...

Потом Морик спросил:

— Как твое имя? Мы так много знаем о тебе, но не знаем, как тебя зовут.

— Можете спокойно называть меня Суром,— сказал старик с многозначительной улыбкой.

Он сощурился. И тогда они заметили, что встало солнце. Стена за спиной старика осветилась.

— Теперь достаточно света! — закричал он.— Теперь там внизу все засверкает!

Морик и Тана помогли старику подняться. Он отказался от их помощи и оперся о стену, сложенную им самим.

— Кто-то идет,— сказал он, глядя вверх стены.

— Это отец,— сказала Тана.

— Почему он идет сюда? — пробормотал встревоженный Морик.

Они смотрели, не шевелясь, как отец идет к ним. Когда он подошел, его встретило напряженное молчание.

— Вы не копаете,— сказал он с упреком.

— Мы кончили,— дружелюбно ответил старик.

— И не позвали меня? — отец с подозрением посмотрел на Тану и Морику.

— Вчера мы докопали вот до этого места, — признался Морик, — вскоре после того, как стемнело.

— А что вы делали всю ночь?

— Сур рассказывал нам свою историю.

— Как? — возмущенно спросил отец. — Если внизу что-то есть, зачем ждать и рассказывать истории?!

— Сур хочет, чтобы все сверкало, когда мы откроем, — объяснила Тана.

Отец быстро подошел вплотную к старику.

— Старик, — сказал он, — не думай, что все там, внизу, принадлежит тебе.

— Я и не хочу этого только для себя, — успокоил его старик. — Ты возьмешь свою долю.

— Сколько? — спросил отец грозно.

— Сколько хочешь.

Но отец настаивал на том, что они должны заранее решить, сколько возьмет каждый.

— Нас четверо, — сказал он. — А ты один. Но двое детей равны одному взрослому, значит, нас будет трое, а ты один. Четверть тебе, три четверти нам — согласен?

— Ты очень расчетлив, — насмешливо произнес старик.

— Жить тебе осталось немного, подумай об этом! — повысил голос отец.

— Правильно! — ответил старик. — Но тогда помоги мне, по крайней мере, построить дом!

— Это мы сделаем, — пообещал отец, а глаза его радостно сверкнули при мысли, что у него будет три четверти. — Давайте открывать, — потребовал он и начал спускаться по ступенькам.

— Колодец глубокий, — предупредил его старик.

Отец одумался.

— Нам нужна веревка. Ступай принеси, — сказал он Морику.

— Подождите, пока я вернусь, — крикнул Морик, убегая.

Он вернулся с длинной веревкой. Веревка нужна была для того, чтобы поднять крышку люка. На крышке было тяжелое ржавое кольцо. Морик продел веревку сквозь

кольцо. Потом он, Тана и отец потянули за нее. Петли крышки закрипели. Крышку было трудно поднять, но наконец ее оттянули так, чтобы она не падала назад. Все перегнулись через край колодца и посмотрели вниз. Они увидели в глубине слабое мерцание. Отец был так взволнован, что не мог говорить.

Потом старик взял веревку и кувшин и крепко обвязал кувшин веревкой. Он опустил кувшин вниз. Они слушали, затаив дыхание. Раздался всплеск, отец вскочил.

— Вода! — закричал он на старика. — Если там глубоко, как мы доберемся до сокровища?

— Колодец очень глубок, — повторил старик, поднимая кувшин.

— Откуда ты знаешь? — возбужденно спросил отец.

Старик вытянул полный кувшин воды и отпил глоток. Лицо его выразило волнение.

— Пейте, — сказал он, — нигде в мире нет лучшей воды.

Отец первым понял, что происходит.

— Ты хочешь сказать, что это обыкновенный колодец?

Старик посмотрел на него.

— Разве этого мало? — спросил он.

— Да, конечно, колодец очень нужен. — Отцу было трудно сдерживаться. — А где же колодец, куда они сложили сокровища? Если ты знаешь, где здесь колодцы с водой, то ты должен знать и место, где находятся сокровища.

— Я совершенно точно знаю это место, — сказал старик.

— Пойдем туда, — потребовал отец.

Старик посмотрел на него с жалостью.

— Там уже побывал до нас Ганнибал! Он ограбил Сагунт. И все, что было в колодце, он забрал себе — для войны. На эти сокровища он нанял себе наемников.

— Гром его разрази! — начал ругаться отец.

— Будь уверен, в колодце не осталось ни одной монеты, — сказал старик. Потом он вдруг снял с шеи маленький кожаный мешочек и вытащил оттуда монету; он протянул ее Тане и Морику: — Вот — я спрятал ее от Ганнибала и от римлян...

Тана и Морик стали рассматривать странную монету и увидели изображенное на ней пальмовое дерево.

— Для них она ничего бы не стоила. Но для меня она очень дорога. Я не хочу ничего другого. Я не хочу даже полировать ее, а думаю сохранить ее такой, какой он дал мне.

— О чем вы там говорите, все трое? — спросил их отец.

— Мы говорим о Суре, — ответил Морик.

— У тебя такое странное имя... я никогда раньше не слышал, — недружелюбно сказал отец.

— Но ты все-таки сможешь мне построить дом? — спросил старик.

Отец злобно взглянул на него:

— Так, значит, тебе нужен еще и дом? Ты стар, как... — он силился найти нужное слово, — как слон!

Старик засмеялся и наклонил голову.

— Я похож? — воскликнул он радостно. — Очень хорошо, называй меня слонем! Может, я и проживу столько же, сколько живет слон. А знаете, ведь слоны — копатели колодцев; они хорошо знают, где под землей можно найти воду. Сур бы тоже знал, что здесь есть вода, — сказал старик, став серьезным. — Здесь вода лучше, чем у крепости. Попробуй! — обратился он к отцу.

Отец взял кувшин и отпил воды.

— Ты прав, — согласился он. — Она лучше, чем у крепости. И не так далеко.

— И ее здесь очень много, — сказал старик радостно. — Половина Сагунта брала здесь воду. Это что-нибудь да значит.

— Мы построим наш дом здесь, — подумав, произнес отец.

— А мой дом? — спросил старик.

— И у тебя будет дом, старый слон! — Отец оперся о крышку люка, заглянул в глубину колодца и далеко внизу он увидел, как сверкает вода.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Вы перевернули последнюю страницу книги Г. Баумана «Я шел с Ганнибалом». Позади остался тяжкий путь Сура — сначала мальчишки, погребенного под развалинами разрушенного карфагенянами Сагунта, потом погонщика слона в армии Ганнибала, по прихоти судьбы оказавшегося рядом с этим полководцем. Став глубоким стариком, он ищет для людей, поселившихся на развалинах его родного города, живительную воду и рассказывает детям повесть о своей полной приключениями жизни. Не только битвы и труднейший переход через Альпы занимает наше внимание. Мы видим, как Сур полюбил слона и тяжело переживал его гибель. Мы наблюдаем, как изменяется он сам: его пытаются превратить в карфагенянина, привить бешеную ненависть к Риму. Поначалу Ганнибал и Карталон, по доброму отнесшиеся к мальчику, вызывают у Сура чувство восхищения и глубокую привязанность. Но затем Сур разочаровывается в своем кумире — Ганнибале, постигнув антигуманную, враждебную людям природу этого человека, увидев ту страшную пропасть, в которую увлекает человека (да и целые народы!) слепая проповедь ненависти и злобы к другим людям.

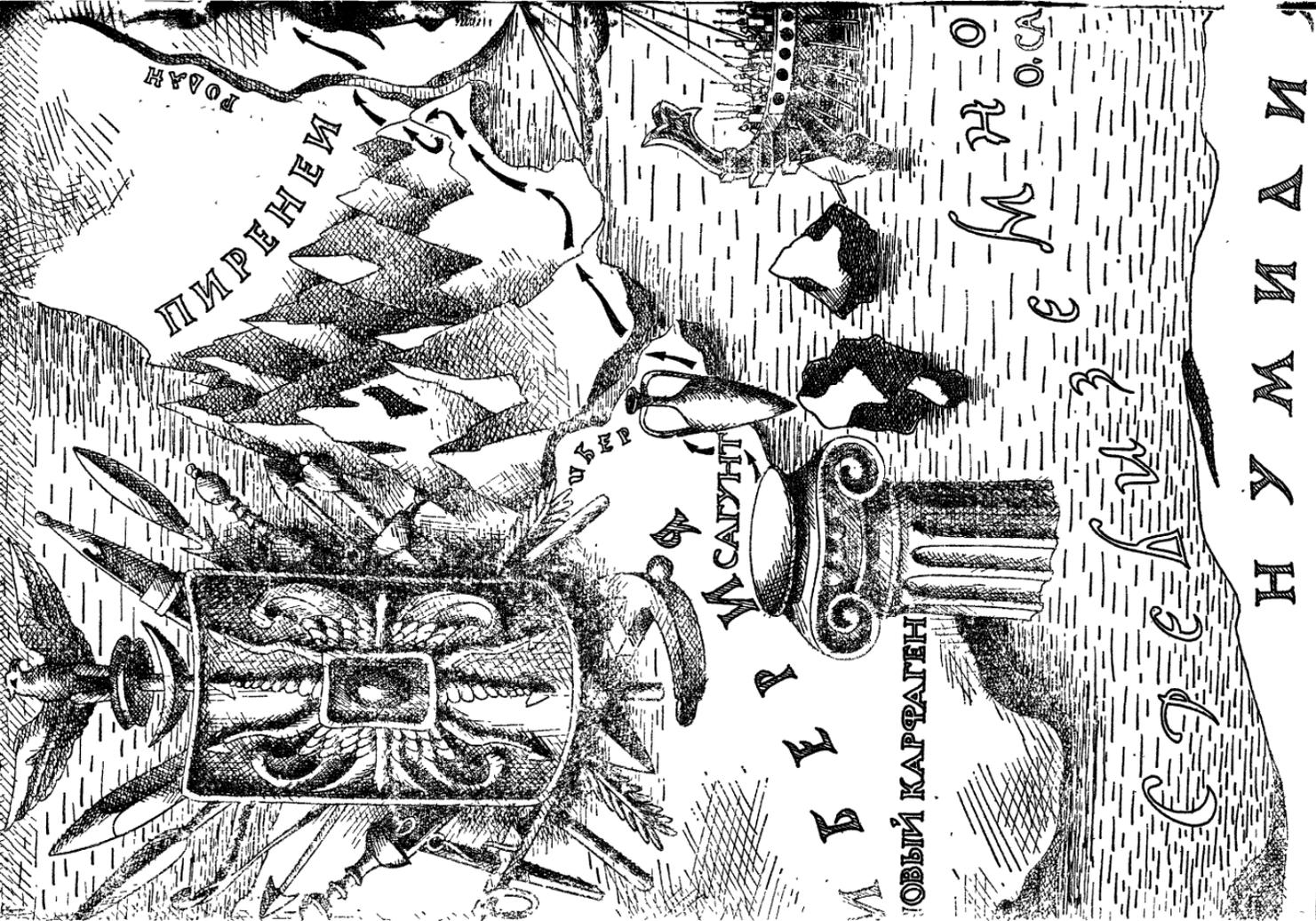
Антивоенная направленность, страстный призыв к миру и созидательной жизни — это самое ценное, что есть в книге Г. Баумана, это важнейший урок, который он извлекает из приключений сагунтийца Сура.

Историческая основа книги Г. Баумана хорошо известна. Финикийцы (римляне называли их пунами или пунийцами) появились на западе Средиземноморского мира на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Они основали там свои колонии в Южной Испании (в том числе Гадес, современный испанский город Кадис), западной Сицилии

(в том числе Панорм, современный итальянский город Палермо), в Сардинии и на Средиземноморском побережье Северной Африки. Самым крупным финикийским городом в Северной Африке и в Западном Средиземноморье вообще стал Карфаген (по-финикийски Карт хадашт — Новый город), основанный в 825 г. до н. э. беглецами из древнего финикийского города Тира, находившегося на небольшом островке у восточного берега Средиземного моря. Среди колонистов были разные люди: и те, кто искал на новой родине более спокойной и зажиточной жизни, и разнообразные искатели приключений и легкой наживы, и те, кто на родине потерпел поражение в борьбе за власть и рассчитывал здесь, на новом месте, среди колонистов, выдвинуться на первое место и захватить власть в свои руки. Очень важны были интересы торговли: финикийские колонии располагались вдоль торговых путей и служили надежным прикрытием для финикийских купцов в их далеких, полных опасностей плаваниях.

Сравнительно быстро Карфаген занял среди финикийских городов Северной Африки, а потом и всего Западного Средиземноморья первенствующее положение. Его благоприятное положение привлекало к нему все новых и новых поселенцев, так что население города исчислялось десятками, а в последние десятилетия его существования — сотнями тысяч человек. Это были ремесленники и торговцы, финикийяне, этруски и греки, выходцы со всех концов Средиземноморского мира. Огромный город с оживленными гаванями, рыночными площадями и улицами, многоэтажными домами, окруженный мощными рядами стен, в которых были устроены стойла для слонов, великолепные, хорошо орошаемые сады в аристократическом предместье Мегаре — таким представал этот город перед заезжим путешественником.

Карфагеняне вели активную торговлю со всеми странами Средиземноморского мира — Испанией и Италией, Южной Галлией и Британией, Грецией, Египтом и Передней Азией. Рабы, золото, серебро, олово, медь, всякого рода редкости, разнообразные изделия ремесленников, вино, зерно, оливковое масло, рыба, — таков далеко не полный список товаров, которыми они торговали. В поисках новых товаров и торговых рынков

РОДАН

ПИРЕНИ

МБЕР

М САНТ

НОВЫЙ КАРРАГЕН

О
Н
О
С
А

С
Т
Е
Б
М
?

Н
У
М
И
Д
И

АЛПЫ

ПОХОД
ГАННИБАЛА

О. КОРСИКА

ТРАВИМЕНСКОЕ
ОЗЕРО

РИМ

КАПУЯ
КАННЫ

М О Р Е

КАРРАГЕН

О. СИЦИЛИЯ

они плавали далеко за пределы Средиземного моря, вдоль Атлантического побережья Африки, к Канарским островам и на север, вдоль берегов Европы. Хорошо закрепившись в Северной Африке и завоевав у местных жителей — ливийцев — обширную и плодородную территорию, карфагеняне одновременно начали активную деятельность, чтобы обеспечить себе господствующее положение в средиземноморском мире, и добились в этом немалых успехов. Ведя активную борьбу с испанскими обществами и разрушив Тартесс — древнейшее государство на территории Испании, а также успешно борясь с греками, карфагеняне создали огромную державу, в которую входили вся Северная Африка, Южная Испания, Западная Сицилия, Сардиния и Мальта, а также Балеарские острова. Здесь они утвердили свое безраздельное господство и, что самое главное, свою торговую монополию. Ни один чужеземец не смел торговать в карфагенских владениях (кроме Сицилии). Порабощенное карфагенянами местное население должно было платить захватчикам тяжелые подати и отдавать им львиную долю урожая.

Власть в Карфагене принадлежала аристократам — богатым и знатым вельможам, владевшим громадными землями в Северной Африке и роскошно убранными дворцами и виллами в самом Карфагене, множеством кораблей, бороздивших Средиземное море, и ремесленными мастерскими, где работали подвластные им люди. Народное собрание практически не действовало: его созывали только в тех случаях, когда аристократические партии не могли договориться между собой. Вся власть находилась в руках совета, где заседали аристократы, и городских магистратов, выбиравшихся по знатности и богатству. Чтобы вернее отстранить народ от участия в государственных делах, народное ополчение было заменено наемной армией, в которой, собственно, карфагеняне были представлены незначительным числом воинов, преимущественно командирами, а чтобы обезвредить полководцев, которые могли вознамериться захватить власть, был создан специальный суд ста четырех. Перед этим судом, в котором заседали аристократы, подбиравшиеся втайне специальными комиссиями, карфагенские полководцы и другие

должностные лица должны были отчитываться в своей деятельности. И если обнаруживалось, что они стремятся захватить единоличную власть, расправа была беспощадной.

В первой половине III в. до н. э. Карфаген встретился с мощным соперником в борьбе за господство в Средиземноморском мире — Римом. В те времена Рим был аристократической республикой, в которой заметную роль продолжали играть народные массы, а армия представляла собой крестьянское ополчение. В отличие от карфагенских солдат, римские воины воевали не за жалование, а за землю для себя, за интересы своей родины, то есть за свои собственные интересы, как они их понимали. К этому времени Рим овладел всей Италией, и его схватка с Карфагеном стала неизбежной. В 264 г. до н. э. началась война Рима с Карфагеном (1-я Пуническая война).

Результаты этой войны определились очень рано. Уже к 262 г. до н. э. карфагеняне потеряли почти все свои владения в Сицилии, а затем римляне сумели одержать верх и над их флотом, благодаря изобретению абордажных мостков и введению совершенно новой тактики абордажного боя (до того сражавшиеся таранили и топили корабли противника). Война продолжалась довольно долго; римляне высадились в Африке, но там были разгромлены. В свою очередь и карфагеняне, пытавшиеся отвоевать у римлян Сицилию, не смогли добиться успеха. Полководец Гамилькар Барка (Молния), который был поставлен во главе карфагенской армии, не смог ничего изменить. В 241 г. до н. э. карфагеняне были вынуждены заключить мир, по которому они отказались от Сицилии, выплатили римлянам 3200 талантов серебра и без выкупа вернули пленных.

Сразу же по окончании войны карфагенское общество было потрясено восстанием наемных солдат, ливийских крестьян и рабов, которое поставило Карфаген на грань гибели. С большим трудом Гамилькару Барке удалось подавить восстание, он беспощадно расправился с восставшими. Однако основной целью карфагенских правителей, и прежде всего Гамилькара Барки, стала подготовка войны против Рима. С этой целью предполагалось укрепиться в Испании, постепенно расширить этот плац-

дарм, а затем с севера вторгнуться в Италию и там разгромить римлян. Отправляясь в Испанию, Гамилькар взял с собой и своих сыновей, а старшего, Ганнибала, которому тогда было девять лет, заставил поклясться в вечной ненависти к Риму. В самом начале осуществления этого плана Гамилькар Барка был убит; погиб и его зять Гасдрубал, продолжавший его дело. Карфагенские войска в Испании провозгласили своим командующим Ганнибала, который уже к тому времени пользовался непререкаемым авторитетом как смелый, закаленный воин и опытный полководец. Ганнибал сделал все, чтобы война началась как можно скорее.

В 219 г. до н. э. он осадил, взял штурмом и разрушил Сагунт, город, бывший союзником Рима. Это событие послужило поводом для начала войны между Римом и Карфагеном (2-я Пуническая война). В 218 г. до н. э. начался его поход в Италию. Переправившись через Родан, а затем перейдя Альпы, карфагенская армия оказалась в Италии. В 218—217 гг. до н. э. в битвах при Тицине, Трeбии и при Тразименском озере Ганнибал нанес римлянам страшные поражения, поставившие Рим перед угрозой катастрофы. Однако Ганнибал не воспользовался плодами этих побед. Он увел свою армию в Апулию; между тем римский диктатор Фабий Максим начал кампанию, стремясь измотать армию Ганнибала и привести ее таким образом к гибели. В значительной степени он добился своего: Ганнибал очутился в кризисном положении. Однако тактика Фабия вызвала недовольство в Риме, так как она приводила к разорению множества мелких крестьянских хозяйств. Летом 216 г. до н. э. римский консул Гней Теренций Варрон решил дать Ганнибалу решающее сражение при Каннах. В этом бою армия Ганнибала окружила римское войско и почти полностью его уничтожила. Путь на Рим был открыт. Однако Ганнибал предпочел по-прежнему маневрировать в Южной Италии, ожидая, по-видимому, что Рим согласится заключить с ним мир. К Ганнибалу присоединились некоторые итальянские города. Но Рим не пошел ни на какие переговоры. Воспользовавшись передышкой, которую предоставил Ганнибал, Рим восстановил свою армию и возобновил борьбу, вернувшись, по существу, к тактике Фабия Максима и постепенно изматывая армию

Ганнибала. Силы ее постепенно таяли, итальянские города, в том числе и Капуя, были утрачены, Стремительный поход на Рим, который Ганнибал предпринял, чтобы отвлечь римлян от Капуи, не дал результатов. Брат Ганнибала, Гасдрубал, двинувшийся ему на помощь в Испании, погиб в битве при Метавре (207 г. до н. э.). Наконец в 204 г. до н. э. римский полководец Публий Корнелий Сципион высадился в Африке, и Ганнибал был вынужден покинуть Италию. В 202 г. до н. э. в битве при Заме войска Сципиона разгромили армию Ганнибала. 2-я Пуническая война окончилась. Карфаген был вынужден заключить мир, лишившись всех заморских территорий, флота, обязавшись уплатить 10 тысяч талантов серебра и утратив право вести войну без разрешения Рима. К тому же территориальные споры между Карфагеном и его соседями в Африке остались неурегулированными, что создало для Карфагена угрозу новой войны и гибели.

В Риме по отношению к Карфагену существовали две политические линии. Сторонники одной из них убеждали сохранить Карфаген, полагая, что страх перед Карфагеном будет способствовать укреплению единства римского общества. Однако верх взяла другая концепция, наиболее активным представителем которой был сенатор Марк Порций Катон. Он добивался уничтожения Карфагена и каждую свою речь в сенате заканчивал словами: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен».

Между тем Ганнибал, став во главе Карфагенского государства, начал предпринимать энергичные меры для того, чтобы подготовить его к новой войне с Римом. Враги Ганнибала, опасавшиеся за свою власть и свои доходы, донесли об этом римскому правительству. Оно потребовало выдачи знаменитого полководца, и он был вынужден бежать на восток, где в конце концов, преследуемый римлянами, покончил с собой.

Постоянные столкновения Карфагена с соседним Нумидийским царством дали Риму желанный повод обвинить его в нарушении мирного договора и объявить ему в 149 г. до н. э. войну (3-я Пуническая война). После длительной трехлетней осады, преодолев героическое сопротивление горожан, римляне взяли город штурмом (в 146 г. до н. э.)

и до основания его разрушили. Место, на котором он стоял, было проклято и запахано плугом.

Личность Ганнибала постоянно привлекала к себе внимание выдающихся полководцев и теоретиков военного дела. Его победы при Тразименском озере и при Каннах были объявлены образцовыми, а сам Ганнибал получил репутацию одного из величайших полководцев, каких когда-либо знала кровавая история войн. При этом упускается обычно из виду, что Ганнибал совершил ряд серьезных стратегических ошибок, позволивших Риму после тяжелых поражений восстановить свои силы и в конце концов победить. Кроме того, упускается из виду и то, что Ганнибал воевал не ради освобождения людей, установления мира и справедливости в отношениях между ними, а для того, чтобы подчинить все народы карфагенскому господству, превратить их в источник доходов, в поставщиков рабов для карфагенских аристократов. А для себя самого Ганнибал хотел неограниченной диктаторской власти.

Разоблачение «великого» полководца, обнаружение подлинного смысла его чудовищной деятельности — в этом состоит пафос книги Г. Баумана, и именно в этом ее основное достоинство.

И. Ш. Шифман

ПРИМЕЧАНИЯ

- Стр. 6.* Захватив Сагунт, карфагеняне его до основания разрушили. В 214 г. до н. э. римляне отвоевали территорию Сагунта у карфагенян и начали восстановление города.
- Стр. 17.* П у н и й ц а м и называли римляне финикийян, живших в Северной Африке, в том числе карфагенян.
- Стр. 17.* С о в е т — высший орган власти города.
- Стр. 19.* И б е р и я — древнее название Испании.
- Стр. 19.* И б е р — древнее название реки Эбро в Испании.
- Стр. 19.* Г а м и л ь к а р Б а р к а (ум. в 229 г. до н. э.) — крупный карфагенский военачальник и политический деятель, отец Ганнибала).
- Стр. 19.* Т а р а н , с к о р п и о н — осадные орудия.
- Стр. 20.* Л о к о т ь — старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 м.
- Стр. 20.* Автор часто говорит о боге Молохе, между тем в настоящее время доказано, что такого божества не существовало. Термином «молк» назывались человеческие жертвы, приносившиеся главному божеству (в Карфагене — Баалхамоону).
- Стр. 27.* Л и в и я — область в Северной Африке.
- Стр. 27.* Б а л е а р с к и е о с т р о в а — острова в Средиземном море.
- Стр. 27.* Наемных воинов везли в Африку и из Африки; это была политика: расквартировывать войска так, чтобы солдаты не имели связей в месте пребывания и поэтому были пригодны для подавления волнений местного населения.
- Стр. 28.* М и н а — ближневосточная, в том числе и финикийская, мера веса. 1 мина равна приблизительно 0,5 кг.
- Стр. 34.* Автор ошибается. В армии Ганнибала не было индийских слонов. См. текст сноски на с. 22.

- Стр. 34.* Имеется в виду Александр Македонский, царь Македонии, выдающийся полководец (конец IV в.).
- Стр. 35.* См. текст сноски на с. 22.
- Стр. 36.* См. текст сноски на с. 22.
- Стр. 37.* Г а д е с — современный Кадис, порт в Южной Испании, основанный финикийцами.
- Стр. 38.* Х а д д а д — бог грома и молний, податель дождя и плодородия. На монетах изображался конь Хаддада с развевающейся гривой и хвостом.
- Стр. 44.* Основную массу карфагенской армии (помимо «священной дружины», вооруженной длинными копьями, в которой проходили военную службу и стажировались для занятий командных должностей пунийские аристократы) составляли наемные солдаты — иберийцы, галлы, италики, греки, африканцы.
- Стр. 45.* Н о в ы й К а р ф а г е н — город в Иберии (Испании), современная Картахена.
- Стр. 45.* О л к а д ы — народность в Испании.
- Стр. 46.* См. замечания к с. 20.
- Стр. 48.* Т р и е р а — корабль с тремя рядами весел, с парусом.
Т р и р е м а — гребное судно в Древнем Риме с тремя рядами весел, заимствованное римлянами у карфагенян в период 1-й Пунической войны.
- Стр. 48.* М е л ь к а р т — финикийский бог, покровитель мореплавания и предводитель мореходов, которого греки и римляне отождествляли со своим героем Гераклом (Геркулесом). Столбы Мелькарта — древнее название современного Гибралтара, греки и римляне называли его Геркулесовыми Столпами.
- Стр. 49.* Г а н н и б а л М о н о м а х — военачальник в армии Ганнибала. Имя Ганнибал, кстати, было одним из самых распространенных в Карфагене.
- Стр. 49.* Г а н н о н — карфагенский политический деятель, противник Баркидов.

- Стр. 51.* Т а л а н т — весовая и денежно-счетная единица у древних народов: около 26 килограммов серебра.
- Стр. 52.* А г и с и м б а — страна в Эфиопии.
- Стр. 54.* О плавании финикийских купцов из Египта вокруг Африки рассказывает Геродот. Они поплыли сначала вдоль восточного берега на юг, а затем с юга на север вдоль западного. Поэтому солнце восходило сначала слева по борту, а потом справа по борту. Это была тщательно продуманная экспедиция, организованная не в Карфагене, а в Египте.
- Стр. 56.* К е л ь т ы (или галлы) — племена и народности, населявшие Галлию и частично Испанию. Как наемные солдаты составляли одну из частей армии Ганнибала.
- Стр. 57.* В армию Ганнибала входила нумидийская и иберийская конница.
- Стр. 65.* Л и г у р ы — народность в Италии, б а л е а р ы — население Балеарских островов в Средиземном море; н у м и д и ы — коренные кочевые племена в Северной Африке.
- Стр. 66.* О н у с с а — город в Испании.
- Стр. 66.* См. примечание к с. 20.
- Стр. 67.* Б е р с е р к е р а м и норманны называли воинов, отличавшихся диким неистовством, бесноватостью и отвагой в бою. Автор, видимо, хочет сказать, что этими же качествами обладало и ударное подразделение армии Ганнибала.
- Стр. 68.* И л и б е р р а — город в Галии.
- Стр. 68.* Р у с к и н о н — город в Италии.
- Стр. 69.* Р о д а н — древнее название реки Рона в Трансальпийской Галлии.
- Стр. 70.* На левом берегу Родана собрались племена волков, настроенные воинственно и намеревавшиеся не допустить переправы.
- Стр. 78.* М а с с и л и я — греческая колония в районе устья реки Родана.

- Стр. 79.* Название этого острова выбрано автором произвольно. Пока известно, что местность между Роданом и Исарой называлась просто Островом.
- Стр. 80.* На самом деле младшего брата Ганнибал прогнал по просьбе старшего. Благодарный победитель щедро заплатил за помощь: армия Ганнибала получила продовольствие и теплую одежду, необходимые для перехода через Альпы.
- Стр. 80.* С т а д и й — древнегреческая мера длины. 1 стадий равен 184,97 м.
- Стр. 81.* И н с у м б р ы — галльское племя. Вело кровопролитную войну с тавринами. Б о й и — их союзники.
- Стр. 81.* См. текст сноски к с. 22.
- Стр. 82.* П р а щ н и к и — метатели пращи.
- Стр. 95.* А л л о б р о г и — галльское племя.
- Стр. 98.* Имеются в виду специальные седла-«домики» для погонщиков.
- Стр. 106.* П а д — древнее название реки По в Италии.
- Стр. 108.* Б и р с а — холм, на котором построен Карфаген. Это название связано с мифом о Дидоне — дочери царя финикийского города Тира. В предании о ней рассказывается, что она бежала после убийства мужа в Северную Африку, где купила у ливийского царя Ярбы землю, но могла взять только то количество земли, сколько покроет бычья шкура — бирса. Дидона разрежала шкуру на полосы и окружила ими весь холм, который и стал называться Бирса. Дидону почитали как основательницу Карфагена.
- Стр. 108.* М е г а р а — пригородный район в Карфагене, где жили богачи.
- Стр. 111.* Ф у т — мера длины, содержащая 12 дюймов. Фут равен 30,48 см.
- Стр. 111.* С а л а с с ы — кельтские племена.
- Стр. 114.* Б о й и — галльское племя.
- Стр. 118.* Т и ц и н — древнее название реки Тичино.

Стр. 122. П л а ц е н ц и я — современный город Пьяченца в Италии.

Стр. 123. К л а с т и д и я — римская крепость.

Стр. 123. Т р е б и я — река в Цисальпийской Галлии.

Стр. 125. См. текст сноски на с. 22. То, что эта история — выдумка, не доказано. В устах Силена звучит карфагенская тенденция.

Стр. 125. С е м п р о н и й Л о н г — римский политический деятель и военачальник времени 2-й Пунической войны.

Стр. 133. Э м п о р и й — пункт, где хранились запасы продовольствия и оружия.

Стр. 134. Э т р у р и я — область в Италии.

Стр. 168. Имеется в виду гора в Италии — Калликула.

Стр. 169. С и р а к у з ы — греческий город в Сицилии.

Стр. 169. Медную таблицу Ганнибал установил в Луцинийском храме богини Юноны.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКАТЕЛЬ КЛАДОВ	5
БОЛЬШОЙ ПОХОД НА СЛОНАХ	17
КЛАД	166
<i>И. Шифман. Послесловие . .</i>	<i>176</i>
<i>Примечания</i>	<i>185</i>

для среднего и старшего
школьного возраста

Ганс Бауман

Я ШЁЛ С ГАННИБАЛОМ

ИБ № 6524

Ответственный редактор
Л. А. Чуткова

Художественный редактор
Б. А. Дехтерёв

Технические редакторы
Т. Д. Юрханова и Н. В. Золотарёва

Корректоры
Л. Г. Петроченко и Ю. Н. Фёдорова

Сдано в набор 14 03 83 Подписано к печати 05.08.83.
Формат 84×108¹/₃₂ Бум типогр № 1 Шрифт литературный Печать высокая Усл печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 10,34. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2735. Цена 65 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

К читателям.

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Бауман Г.

- Б29** Я шел с Ганнибалом: Историко-приключенческая повесть/Пер. с нем. Н. Бурловой и Ю. Коринца; Рис. Т. Сорокиной.— М.: Дет. лит., 1983.— с., ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики).

В пер.: 65 к.

Историко-приключенческая повесть, действие которой происходит в период 2-й Пунической войны. Автор показывает, как маленький мальчик, волею судеб оказавшийся в войске Ганнибала, постепенно приходит к пониманию трагической сущности разногласий между народами.

Б 4803020000—452 502—83
М101(03)83

И (Нем)

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

65 коп.